

**ЦѢЛОКУПНА ДѢЛА
ДОСИТЕА
ОБРАДОВИЃА.**

Книга шеста.

~~MI 296/6~~

МГ 296/6

ПОСРЪДНИК

ПОСРЪДНИК

ПОСРЪДНИК

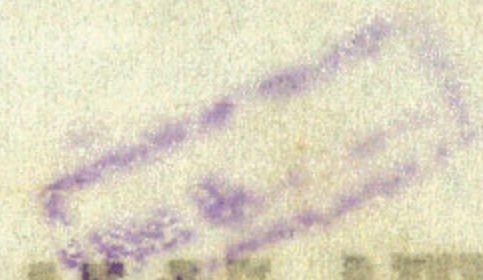
**ЦЪЛОКУПНА ДЪЛА
ДОСИТЕА ОБРАДОВИЪА.**

Досиетата на досиетата

Досиетата на досиетата

Досиетата на досиетата

2

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ

MI 296/6

P. 10 Sp. 11 864/6.2

3

СОВРАЩЕ

РАЗНЫ НАРАВОУЧИТЕЛНЫ

ВЕЩІЙ

НА

ПОЛЗУ И УВЕСЕЛЕНІЕ

ДОСИТЕЕМЪ ОБРАДОВИЕМЪ.

Препечатала и издала

Народна Кньигопечатня

Дан. Медаковиѣа.

Кньига шеста.

УЗЕМУНУ

1850.

4

КОПИЯ

РАЗНЫ НАВАЗОД ИЛИНИ

В Е И И

49039

ПОЛНА И АРХИВ

ДОСТАВКА ОДНАКО

Преподателя и учителя

Набодна Купитоподателя

Дан. Недомонина.

Купитоподателя

2. 3. 4. 5. 6. 7.

1820.

ПРЕДГОВОРЪ.

Жена кадъ раѣа, трпи велику муку, кою по породу заборава, и радуе се, да се е одъ нѣ човекъ на светъ родіо. Човекъ Божіе створенъ! коєга пре ніе било, а садъ е на светъ произишао и постао, но са свимъ новъ, маленъ, слабъ, незлобивъ и у всеконечномъ незнанію. Зашто е дошао овде, заръ само да плаче и да се мучи? Правда, да мора и проплакати и промучити се, но ништа манъ, ніе се родіо само да плаче. Чрезъ достотрудно и милосрдно, милостиви родителя о нѣму попеченіе, приранюе се и чува, докъ мало по мало понараста, стане на ноге и почне ходити. Не дуго затимъ научи се трчати, и овде постане време играња: у коє се нашъ іоштъ маленъ човекъ, тако у играњъ залюби, да неогладни и да незаспи, никадъ одъ игре не би престао. Пуштаймо га съ Богомъ, некъ се и наигра, то изискуе возрастъ нѣговъ; играюћи учи се говорити, разне ствари познавати, чрезъ то нѣгово младо тѣло болъ расти, ласно окретніе и снажніе бива; некъ му тако прође іоштъ коя година, пакъ ће онда видити и познати, да се ніе само за игру родіо. Буди онъ у коємъ му драго станію, мора се многимъ потребнимъ, нужнимъ и полезнимъ учити стварма, ако хоће да му добро на свету буде: а ово свакъ хоће и жели. Свакій човекъ мора што научити и знати, кои му драго занатъ или

науку, или радню, и у томе трудолюбно и прилъжно упряжнявати се, да се больй и изредни одъ други (тога истога званія и заната) покаже; и чрезъ то себе, у колико благополучніе состояніе може, приведе и постави. Кои ово испуни; ако е іоште при тому добаръ, поштенъ, и разуманъ; да не само себи и своіои фамилиі, него и многимъ другима, у своему обществу, помаже и добро чини, тай се достойно називль благополучанъ и добродѣтеланъ човекъ на свету. Сада, науке, занати и раднѣ различне су и многчислене међу людма: одъ кои, свакъ по своме склонѣнію и по окрестностима у којима се наоди, еданъ едно, а другій друго избира и предузима: зато, нити е потреба, нити е пакъ могуће, одъ еднога различне изискивати занате; едно валя да предузме, ко жели да у томе совршенъ, и (што но речъ по изборъ) буде; много е болъ, да е ко у едномъ послу совршенъ, неголи у многима недостатчанъ и ромъ. Довде е речено о томе, што се каса до чувственога благосостоянія човеческога, ко е, поготову, общте и прочимъ животнимъ, зашто свако животно створенъ, неко ма-нѣ, а неко више, свако по своіой природи промишля за себе, и за свой породъ, да не трпи гладъ ни жеђъ, нити какве друге беде ни нужде: човекъ пакъ имаю-ћи височія и благороднія преимущества и дарове, разумной и словесной души свойствене и пристойне, незадоволава се съ самимъ тѣлесни чувства ужива-

нѣмъ и наслаженіемъ; него, како ове потребе у добаръ поредакъ стави; кое, ако су и последнѣ по цѣни и достоинству, али су прве и неотложне по реду и по потреби, будући да душа, и паметъ, и разумъ неће съ теломъ да стое, ако се ово не рани, и не пои, и ако се не чува да непрезебе: за то дакле, како се разумни човекъ съ ове стране у безбѣдство, спокойство, и безбрижностъ чрезъ занатъ или трговину, или землѣдѣліе постави, нама му дође разумна желя, да и свое любопитство и природно любознанѣ задовољи. Мисли, размишљава, сматра, внима, разсуждава, пита, разговара се, и непрестанно преомишљава се и жели, да разпространи, разшири и умножи знанѣ свое; да украси умъ свой, и да обогати душу свою нѣзинимъ природнимъ богатствомъ, то естъ разумомъ и премудрошћу. Но ово е незгода, што при свемъ овомъ урођеномъ усрдномъ закртеваню и жельи душе къ знаню и къ науци, ако се она нађе у таковимъ бѣднимъ обстоятелствама, гди ништа добро ни разумно чути и научити има, случава їой се овде како годъ и тѣлу у време люте глади: (зашто гладъ желудка и душе еднаке су) у тешкой глади сиромачовекъ шта неће ести? труле дивякинѣ, или недозреле; плесньива проя, црвльивѣ сирѣ, смрадльиво месо, баятна риба, све е то нѣму добро дошло: ерѣ желудкацъ за шалу незна, кадъ му е до главе. Тако исто бива и души, кадъ почне за любознанѣмъ

гладнити; при недостатку истините, разумне и полезне науке, узима у себе сирота, лажљива, луда и вредовита прелаштенія ума. Рада би къ Творцу, а не може да се отисне одъ твари; тражи Бога, а нађе теле или давора, и ту при њима задуго остае и држи њи за свое Богове, чудотворце и помоћнике; и потребу иляде година, да се одъ њій отисне, а и тако не безъ крвави глава. Преповедке одъ вила, летећи змавва, вампира вештица, и врачарица, како ђаволе ноћомъ изъ воде извлаче, и шалю њи на неке послове; све то младъ умъ, и неизкусна душа, како чуе тако и веруе: а како неби веровала, кадъ чуе све то одъ стари и наметни одъ себе? одъ оца и матере, одъ деда и старе майке. А зашто они то вѣрују? е заръ они нису у свое време деца били, и то исто одъ свои стари чули и примили? Ево на кои се начинъ душа при недостатку разумне и полезне науке, сиречь у тешкой глади, съ лажомъ рани и напојава! И овимъ средствомъ лажи, суевѣрія и заблудѣнія међу людма умножаваю се и съ њима до гроба пребиваю. Да што напротивъ овога валя предузети, то свакъ добросрдечанъ и благоразуманъ човекъ може ласно знати. Потреба е младимъ душама добру, здраву, и полезну рану давати: кою кадъ окусе, познаду и у ню се усладе; на све што е плесньиво, труло и смрадљиво, оће имъ се гадити, неће на то ни погледати хотети. То естъ: валя њи сврхъ раз-

лични стварій паметно мислити учити: а кадъ се е-
данъ редъ умъ нашъ на прави путъ постави, и по
нѣму напредовати обикне, онда ће и самъ о себи у-
правъ ходити. Кадъ се умъ нашъ, чрезъ внимателно
читанъ, и дуго упражнѣнїе, чиновно и разумно ми-
слити и судити приобикне, тада и о онима стварма, кое
їоште нїе читао, а у разговоръ добу, кадаръ е, одъ
части, пристойно разсуждавати; или ако су такве,
какве онъ їоште не досеже, а онъ се у нѣи неразсу-
дно неупушта, него слуша внимателно и настои, да
їи постигне. Свакій доброжелателни човекъ, кадъ ле-
по полезно што или чита или чуе, жели да сваки ко-
га онъ люби, то исто и чита и сазна: да больїи и
разумнїи буде: а ово морамо свимъ людма желити,
зашто ће намъ свима скупа болъ бити, кадъ сви бу-
демо, (баремъ колико е могуће) больи, разумнїи и
правдолюбивїи. Зато у ово време, кадъ се наша на-
ціонална типографїа подъ управлѣнїемъ доброжелател-
нога и преизряднога націоналисте наоди, кои заиста
нити трошка штеди, ни труда жали, да е у цвѣтуће
станъ и совршенство доведе, видимъ да ће ово об-
штенужно и всеобщтенолезно дѣло, подъ нѣговимъ
очима и руководствомъ благополучно напредовати, и
давно желаеми успѣхъ имати. Моя свагдашня желя,
да, штогодъ лено и добро читамъ, то и моимъ люби-
мымъ сообщтимъ, садъ се е у мени изъ нова їоштъ
више возбудила: а навластити ову су мою желью, не-

ки общте ползе желателни націоналисте подкрепили
обећавајућисе, како я хиляду екземплара, свакій одъ 20
табака моимъ трошкомъ наштампамя, да ће се они ста-
рати, да се мени цѣна екземплара пошлѣ, и на ови на-
чинъ да самъ я у состоянію и далѣ о подобномъ дѣлу
трудитисе. Матеріе илити вещи, коє я намѣравамъ съ
немецкога, и съ други учени езика на чисто и просто
србски преводити, битиће различнога содржанія. О одной
истой матеріи задуго читати, ніє за свакога, и мало є
они, кои задуго читати могу; а на они начинъ, како
што су Адизонъ, и нѣму подобни писали, то є за сва-
кога одъ стара до млада: три или четири листа сва-
кій може на данъ очитати, и о тому васданъ мислити;
развѣ да су се ко или коя башъ заклели, да неће кнѣигу
у руке узети. Морална, или наравоучителна наставлѣ-
нія; Исторіе на кратко, полезне и увеселителне; раз-
мишлѣнія о различни предмети, кои свагда у разговоръ
долазе, то ће бити содржаніе мои превода. Све што
познамъ, да є къ просвештенію ума, къ незлобивомъ у-
веселѣнію срца, къ поболшаню и украшенію нарава, све
што буде къ већемъ совршенству како фисическога, та-
ко и моралнога човека, то єсть тѣлеснога, нравнога и
умнога, пристойно и способно, то ћу избирати и едино-
езичнимъ нашимъ сприобштавати. Коє знамъ да ће нѣ-
ма пріятно и мило бити; зашто самъ то већъ довольно
искуствомъ познао.

ГЛАВА 1.

*Чему се има надати за живошта онай, кои што
пише и на штампѣ издае.*

Бдна лепо списана књига, подобна е едномъ ле-
по, но за многе, сготовлѣномъ елу; кое, ако ће не-
знамъ како начинѣно бити, неможе свакомъ еднако
сладко и по вољи бити; зашто сви гости немогу би-
ти единакога вкуса. Зато свака књига ако ће какве
преизрядности бити, наћиће своій мрзителя и хулите-
ля како годъ любителя и похвалителя; ништа манѣ,
съ временомъ, число први умаляваће се и исчезава-
ти, а втори прираштаватиће и умножавати се; ако
ли пакъ књига nebude добра, съ временомъ ће све
то више на тражке ићи. Остроумни Лонгинъ опре-
дѣлява за силно доказателство и знакъ достоинства
едне књиге, лепо мнѣніе, кое су о нѣой различне
просвѣштене націе чрезъ много стотина година има-
ле. Колико се народи наукомъ просвѣштаваю, толи-
ко већма међу нѣима слава Омирова и Виргиліева,
Демостенова и Цицеронова, Пиндарова и Ораціева цве-
ла и расти. Такови списателя достоинство у сумнѣ-

ніе приводити, значи себе невѣжомъ показивати и срамотити.

Нови обаче списатели за живота свога у великомъ се бѣдствованію находе; не само, за трудность онакове превисоке свое предке постигнути, него іоште, небудући нѣово достоинство дугимъ временомъ подкреплено; предразсужденіе, опороченіе, а може бити, и злоба и зависть, и што є найвећегъ сожальніа достойно, невѣжество, много већу снагу противу нѣихъ имаде. Люди ласно почитую и похваляю достоинства давно преминути лица; али и доста често то творе, не само изъ чистосрдечнога високопочитанія и благодарности къ нѣима, него да лакше могу, чрезъ пристрастно и завистливо сравнѣніе, современне свое похудити и понизити. Ко се годъ усилюе и пашти, или у имѣнію, или у грађанской чести друге претећи и надвисити, мора противъ себе, у онима кои заедно съ нѣима трче, и злобу и зависть возбудити. Желя у списаню себе похвалнимъ и превосходнимъ показати, то є штогодъ лено и редко, слѣдователно мора и онакою заушницу клевете и пакости ожидавати.

Іоште се нѣе нашао ни еданъ наравоучителни проповѣдникъ и списатель (колико му драго добродѣтели и честности желатель и любитель), коега би живлѣнѣ и виѣшнѣи видъ и обхоѣеніе достоинству нѣговога проповѣданія и списанія, у свачемъ и сасвимъ возотвѣствовати могли; и нека се нико не нада, да ће га башъ такова, безъ сваке слабости и порока, у нѣговомъ общему съ людма обхоѣеню и живлѣню наћи; како што га є онъ, ако су нѣгова списанія одвећь отмѣнна, у овима себи представляю и вообра-

жавао. Коме се годъ залюби едно списаніе, тай обично и о списателю високо зачне мнѣніе; несматраюћи да е списаніе породъ ума, кои се наоди замотанъ у едномъ тѣлу, различнима слабостима и погрешкама подложномъ. Кадъ онъ седне писати, нѣгова се душа, по свой прилици, у евомъ свойственомъ, благородномъ и умозрителномъ состоянью находи, а како остави перо, нужно, мора се међу свакояка лица помешати, и различна упражнѣнія предузимати; у којима, слабъ како и остали люди може се показати, и у такве поклизнути погрешке, кое е мало пре чистосрдечно осуђавао.

Ко на ово сматра, не имаюћи искуства и познанства, одъ какови разни обстоятелства живлѣнѣ и поступаекъ човечески зависи, и да су нѣговомъ срцу непостоянство и слабостъ ствари природне, како упави неку различностъ међу списаніемъ и списателѣмъ; тай часъ устреми се на осужденіе, и изъ близа ненавиди и презире онога, коєга е изъ далека любіо и почитовао. И на овај начинъ непријатељи и опорочители списателѣви умножаваю се, не зашто друго, него за такве слабости, одъ кои најславни на свѣту люди, нису се савимъ ослободити могли. Слабости и погрешке, кое су се у другима едва на умъ узимаю, ели право да се у списателю безъ милосрђа примѣчаваю, и у скупштинама као најважніе разговора ствари просеяваю? Ели се онъ о штогодъ само потакнуо; нама се изъ тога велика сумня роди и нарасти, дали е онъ чистосрдечно мислио, кадъ е то и то писао? ако е онъ што годъ противъ сребролюбія писао; случи ли се пакъ, да се онъ пошлено труди и

стара, да до каква хлеба у обществу дође, или да што стече, да неби био у немоћи и у старости скудость и сиромаштво стрпнати принуђенъ, тай часъ ти му изиђе судъ, да се мора припознати за лицемъру и притворца, кои друго пише и проповѣда, а друго нешто вѣруе и исповѣда.

Ние могуће писати наравоучителна наставлѣнія, да се не чини, да онай, кои пише не узима на себе неки видъ старешинства и достоинства. Морална увѣштанија била би слаба и недѣйствителна, кадъ неби била укреплѣна гласомъ и штиломъ, премъ да не догматическимъ, али ништа манъ достоинства пунимъ и великолѣпнимъ. Онда комшіе и познанци наравоучителя, кои обичаваю мѣрити важность речи и умствованія човекови по важности нѣговога годишнѣга доodka и кесе, мисле дасу чрезъ то люто увређени, што еданъ човекъ, кои ни у каквомъ суду ни *позволявамъ* ни *непозволявамъ* нема власть рећи, нити има по ютра землѣ ни парчета ливаде на лицу земномъ, усужуе се съ таковомъ слободомъ говорити, као да има три пустаре, на којима му ергеле коня и целепи волова пасу, и као да рани неколико пари ловачки паса. Сасвимъ тимъ нека се онъ нимало не бои, зашто, ако онъ представя праву честность и добродѣтель; и говори ли онъ тако ясно истину, како ню общи човечески разумъ постигнути може; безъ сумнѣнія оће превозмоћи.

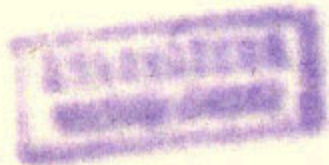
Да видимо садъ, шта јоштъ остае завистникомъ и клеветникомъ, и съ чимъ су они ради да се јоштъ помогну? Ево то. Градъ, кои се неможе ни съ топови нити са устремленіемъ освоити, валя га подкопа-

вати. Валя списателя на смей и поруганіе окренути; гди се годъ части велике даю, гди се балови држе, и гди се карте мешаю и деле, ту се валя о нѣму сме-яти и шалити, као о простаку кои незна живити, не-го никакву сладость у прашљивимъ наоди књи-гама, и оће светъ раменомъ да исправи. На овай май-сторскій и хитри начинъ, правда, да се добромъ на-мѣренію списателя може за неко време препона учи-нити; али не за свагда: зашто, кадъ годъ буде, мораю люди придомислити се, да могу они, и частитити се, и играти, и веселити; и при свемъ томъ наметни, добри, правдолюбиви и истинолюбиви бити.

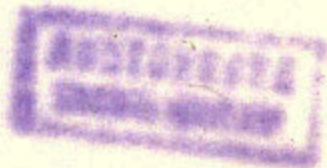
Свака права превосходность мора се съ немалимъ трудомъ придобити. Ко годъ жели почитаніе разумно-га и добросрдечнога числа людій заслужити, мора о-пороченія и оклеветанія незнанства, злобе и безобра-зія претрпити.

Онъ валя да мѣри похвалу добри и разумни, спрама похуѣнія злобни и пристрастни судія: и ономъ првомъ одушевляѣнъ да свако добро чини што може, а друго да вменява тако лако како воздухъ. Ни една истина ніе чешће речена него ова, да ништа подъ ме-сецомъ неможе бити башъ тако као што би ми хо-тели. Морамо дакле покорити се всеобштой нужди, обраћати вниманіе наше одъ зла на добро, и оно ко-лико се веѣма може заборавляти, а съ овимъ тѣши-ти се и веселити. Промисалъ е неба обично благъ и безпристрастанъ, и кадъ човекъ само съ трпѣніемъ постоянно у добромъ намѣренію остае, што е добро и полезно то жели и о томъ настои, онъ ће заиста и на трновитомъ путу добродѣтели, изобилни изворъ

тихога задовольства наћи. Одъ срца заштићена шти-
томъ невиности и правдолюбія, одскачу речи клевете
и злобе, како годъ одъ камените стѣне найоштріе
стреле.

Ништа су ева злословія, поруганія, и гоненія,
едномъ писателю, кои е евагда истине и добродѣте-
љи страну држао, сирама сладостномъ чувствованію,
да е онъ одъ Бога получени талантъ на ползу чове-
ческаго рода употребіо: и далеко после, кадъ се онъ
у пра обрати, и не буде ни похужденія човечески чув-
ствовати, да ће се многи наћи, кои ће се трудомъ
нѣговимъ ползовати, одъ зла уклонити и на добро
наставити.

ГЛАВА 2.

Гора въжества и истине.

Алигорическо, или иносказаво видѣніе

У еданъ есеный но ведри данъ по подне (каже намъ некій любитель муса) поѣмъ я, по моемъ обычаю, при подножію едне високе горе, около нѣке плодоносне долине проодати се, за упокомти умъ мой одъ предполудневнѣга читаня, и у исто време, позабавити га съ тихимъ размишлѣніемъ они полезни ствари, кое самъ читао и научію. Ношномъ сланомъ приувекуто лишѣе плодоносни дрвета, неко спадаше, а неко као да іоште, одъ оногъ плода, кои е подъ нѣовимъ покровомъ цвѣтао, нарастію и сазрео, растати се и самога оставити жалише; осеняваше га и покриваше. Увеселявајући очи мое съ красотомъ створеня, возвоѣхъ умъ мой къ всеблагомъ Творцу, и съ умильнимъ благодарностію срцемъ прославляхъ нѣгово о свемъ створенію милостиво промишленіе. Мое се срце отвараше къ жельи благотворенія и съ воздыханіемъ призивахъ помоѣъ всемогуѣга, да ме сподоби кадъ годъ людма на ползу бити. У таковимъ размишлѣніа поудалимъ са доста одъ мѣста, и осетивши себе поутруѣена, зажелимъ се одпочинути. При наустію пенчере неке, покрай кое стакловидни потокъ течаше, и измеѣъ каменя и по каменю шуштећи къ покою призиваше, седнемъ на траву и суво лишѣе; овде ме

К. 6.

2

тихій санъ подкраде, у коєму, покажеми се мѣсту, и ума моего тадашнѣмъ разположенію, са свимъ прилично видѣніе.

Наѣмъ се на єдномъ широкомъ полю, на средѣ коега єдна превисока стаяше гора; тако висока, да врѣмъ своимъ и саме небесне надузвишаваше облаке. Ова сва покривена бияше великимъ множествомъ, на-властито младаго возраста людій: одъ кои многи съ неизказаномъ итнѣомъ, преко развалѣни каменя, и стрменити висина, съ непрестаннымъ напредѣ ступанѣмъ, пре свію други, узпузити и попети се усрдствоваху. Упазимъ друге, кои при почетку пеняня, іошть ово брдо, и ово іошть, велегласно викаху, уздаюћи се даѣе свакога брда, коє предѣ собомъ виѣяху, и саме горе врхъ и весели конацъ нѣовогъ пута бити.

Но у своіой ласкателной надежди, свакій часъ наоѣяху себе люто преварене; зашто како би се на предлежећу главицу поцели, видли би да є ова само другой подножіє, а она друга опетъ другой, и тако даль. Сматраюћи я на ове ствари са удивлѣніємъ, явилми се ангелъ, ума просвѣтитель и рече ми: Гору што видишъ предѣ тобомъ, то є гора знаня илити мудрости, на врѣу нѣ єсть престолъ истине, али є тай вѣрѣ далеко превише облака, гди га чисти и неугашаєми божества светъ вековечно осіява; сматрай само на напредованѣ истине желателя; мучи, и внимай.

Онда я упазимъ, да чиновни приступакъ къ овой тори баяше єданъ найпречій путь, зовоми путь езика. На овомъ путу стаяше єдна благообразна, но весма замишлѣна жена, коє усне у непрестаномъ движенію бяху, као да нешто сама у себи читаше; и ова се

нарицаше паметствованъ. Улѣзши и упутивши се я овимъ путемъ и све то више приступаюћи къ гори, останемъ као заглушенъ одъ безчислени речій и многоразлични гласова и начина и изговараня и слаганя тако, да ми се чисто учини, да самъ при смушченію столпозиданія вавилонскога.

А кадъ почнемъ на саму гору сматрати путъ многотруданъ, нераванъ и каменитъ, кои јоште мучнији постао бияше чрезъ велике гомиле развалина, неки стари зидина и зданія, преко кои сви путници принуђени бяху као четвороножке пузити и прелазити, Свимъ овимъ незгодама многи одъ путника огорчени, предаваху се едномъ одъ тешке старости разслабљеномъ старцу, очајнио зовомомъ, кои њи съ такогъ трудногъ враћаше пута, нити имъ дозвољаваше, да се кадъ обазру и погледаю на гору истине: а неки пакъ, почемъ побѣде прва неудобства, и поизпеню се доста високо; предаду се подъ властъ едне дебеле но слабе жене, именуе ме разслабљѣніе, и нѣйзинимъ двома нѣерима, самозадовольници и високоумници, и съ овима седећи на некимъ развалинама зданія, велегласно разказиваху нижниимъ одъ себе, шта е на врѣу горе, съ толикимъ своезадовольствомъ, башъ као да су одъ туда дошли. Около среде пута идући горе, упазимъ съ обе стране густе шуме непрестаномъ покривене магломъ, и на многе лавиринте (замршене башче и обграде) разделѣне, по којима многонакрсне и змѣевидно заплетене, но измеђъ трња и купина путанъ виђаху се. Ове се зваху шуме заблуђенія и превара. и ту чуяху се гласови многи, кои бяху зашли, и ви́каху са сви страна мучећи се да се како размрсе; што

е чудніе; многи укораваху друге као загублѣне, а себе управъ ходити исповѣдаху: премда се све то већма далѣ ходећи замршаваю; кадкадъ гдикоя зрака истине съ вр'у горе спушташе се, ону тамну маглуштину разгоняваше, и ону шуму мрака озаряваше, и тада, ко би се у заблуженію признао, имаѣаше прилику избавити се. Ко би годъ и крозъ ове напасти благополучно прошао, приближаваюћи се къ блаженомъ горе вр'у, наоѣаше свуда наоколо веселовидне меѣе и шумарице муса; између кои виѣаху се предивне съ вечноцветућимъ цвећемъ посеяне ливаде. Цѣли ликъ деветъ сестара и све три граціе съ нѣима заедно, съ нѣиовомъ сладкомъ музикомъ и пѣснама увеселяваху утруѣне путнике, и нѣи іоштъ мало подалѣмъ напредованю ободраваху, одавде се три, доста простране, съ приснозеленолиственими обграѣене дресами починаху путанъ, кое се, Басна, Філософія, и здрави разумъ зваху, и по коима се еднако къ вр'у горе, и къ престолу истине доћи могаше: но одъ самогъ подвожія горе, и по овимъ истимъ путаняма, наоѣахусе гди неке злоковарне и хитропрелстителне Сирене, зовоме страсти, кое съ многоразличнимъ ласкателствама, и преухищренимъ сладострастіяма истине желателъ съ пута истине свраѣаху; натрагъ іи съ собомъ одвоѣаху, и у дубраву заблужденія опетъ увоѣаху.

Одъ свію ови страстїй найгора бѣше немарность; премда се по внѣшномъ виду нечиняше толико зла и лукава; но паче, глупа, и као нека слута: сасвимъ тимъ одъ сваке друге кадъ би се ова уморила, и села, гди да одпочине, а другда би и заспала, могаше се многій украсити, измаѣи и на путъ къ истини воз-

вратити; али ко би годъ подъ властъ немарности подпао, онай већъ о свомъ избавленію неби ни помислио, и тако би се опетъ у долину незнаня низваляо, и найвећій би истине хулителъ и гонителъ постао.

По овомъ свемъ путу најбољъ би напредовао, кои би съ умѣренимъ, но чиновнимъ и све еднакимъ ходомъ ступао; и гди би годъ на своме путу какву препону нашао, ту би се по зауставіо, докъ би е са свога пута лепо уклоніо. Они пакъ, кои преко мѣре нагяху, чрезъ велику итню и напрасљивостъ, или одъ умора изнемогаваху у малодушіе падаху, и волю къ далѣмъ напредованію губляху; или желѣомъ да пре свію дођу устрмљни, сваку препону облазаху, и тако свагда стражњи остаяху, а много редъ и прави путъ губляху, нити сами знајући како, опетъ се у лавиринтима заблуђенія наођаху: „бѣдно е најмањъ што съ пута правога уклонити се, ибо за тимъ колико више ко сиђши и каса, толико се одъ нѣга више удалява.“ Да не заборавимъ казати, да поизмеђу шумарица муса, нахођаху се и неке дѣвице, мнителне и притворне зовоме Мусе, зашто по внѣшней слики, исте и праве чиняху се; али нѣјове пѣсме тако безстидне, сладострастне, високоумія и самолюбія толико нуне бяху, да ко би се годъ при нѣима дуго зауставіо, и у нѣјове се распуштене уладіо пѣсме, морао би подъ владичество страсти подпасти, као утрнутъ съ горе истине дати се свући, и у мртво, ништа незначеня и заборављеня езеро за вавекъ утопити.

Ума просветителъ ангелъ смилуе се на ме, и отворими умна очеса, да чисто и сами горе верхъ,

престолъ, и божественну на нѣму упазимъ истину. Ова бѣше у сунцезрачни обучена светъ, съ коимъ свое, око себе стоѣше любителъ осіяваше, и нѣи вѣнецъ блаженства и славе увѣнчаваше.

О блажени и преблажени, (пунъ удивлѣнія речемъ я) они одъ синова човечески, кое е истина своіомъ любовію уязвила, плѣнила и къ себи привела! Истомъ я то изречемъ; кадъ мой просветитель покаже на средъ долине друго божество подъ видомъ жене, зовоме добродѣтель. Блажени и они (рече ми), кое она у обиталишта вѣчне радости, и задовольства уводи. Шта! запитамъ я, заръ се и у долини добродѣтель находи? Безъ сумнѣнія, (одговори ми учитель мой), она е и у долини, и на врху горе; и сама би истина безъ нѣ и мрачна била и тамна; когодъ, безъ нѣзина руководства къ истини мисли да иде, мора у лавиринѣамъ заблудѣнія вовѣки остати. Безъ нѣ богати и велможа, сиромѣ бѣданъ и худъ остае; словесна душа безъ нѣ е аки скотска, и ако се на кои начинъ и не утопи у езеро забравлѣнія, остае само свету на поруганіе. Ко е годъ жели и любви, наоди е, у найвећемъ граду, како и у найманѣмъ селу, само гди люди има. Високе науке, и особите вредности могу само до мечтателнога довести височества, но безъ добродѣтели све е сѣнь и призрака. При овимъ речма пробудимъ се. Сунце већъ бѣше зашло, и я се наѣмъ савъ покривенъ росомъ: поитимъ дома и нашишемъ мое видѣніе.

ГЛАВА 3.

Похвала Басни.

Бданъ мой добаръ пріятель запита ме, како самъ я на таку мисао спао, да одъ толико преизрядни и преполезни вещь што се у књигама наоде; басне предизберемъ и на штампу издамъ. Дружеско питањъ, кадъ е паметно, а навластито кадъ ми смислено и задовольно на то одговорити можемо, свагда намъ е пріятно. Тада му я нешто одговоримъ: но онъ ме запроси, да му и на писмо то дамъ, да и другима не-кима покаже, кои се јоште у сумњи наоде, би ли се могло што задовольно на ово одговорити, или не. Оћешъ ли на стихове, (запитахъ га) да одговоримъ, или на простой беседи? айде нека буде на стихове, (одговори ми), ако се на нашемъ престоу србскомъ діалекту, и са стихови штогодъ пріятно казати може: мени су на свакомъ ъзику стихови мили. Слободно е пробирати (речемъ), и тако почемъ са свимъ распа-чамо нашу бутелку Рацишдорфера, желећи я нѣму спокойно почивањъ; а онъ мени стихомилосницу Му-су, растанемо се, и одемо свакъ своимъ путемъ. Ка-ко ти дакле дођемъ у моє обиталиште; јоштъ онако поугрејанъ вишереченомъ влагомъ, узмемъ перо и по-чнемъ ово што слѣди:

Съ топлимъ срцемъ я призивлѣмъ изъ Фригіе Мусу.
Да спріобшти свою сладость и србскоме вкусу!
Да даруе любкость моме тихомъ гласу!
Да я деци кажемъ, съ чимъ се люди красу.
И да нѣма откріемъ превисоке тайне,
Кое свакомъ, ко оће могу бити явне.
Како намъ се истина у басну облачи,
А предъ децомъ незлобивомъ слободно се свлачи.
Оди! о оди бижія кѣри! тебе зову деца,
Да те любе и признаду за найвећегъ свеца.
Душе младе, незлобиве, то су твои двори!
Ту ти царствуй! ту се слави! и шта знашъ говори!
Ту воздвигни твоѣмъ божеству прекрасне олтарѣ!
И примај невина срца за најлепше даре.
Сестру твою добродѣтель са собомъ доведи,
Твоѣ вѣрне садружнице у твой дворъ уведи.
Слава, правда, и вѣрность знамъ да су кодъ тебе,
Нити њи ти можешъ кадъ разлучитъ одъ себе.
Како горама и долинама, када зима прође,
Кадъ пролеће, любко време, на место нѣ дође.
Сва се земля и дубраве поносе и красе,
Све птичице одъ радости сладке даю гласе.
Шета намъ се по ливадамъ любоцветна Цвѣта,
Празнуюћи превесело поновлѣнъ света.
Тако ће битъ мило деци, кадъ истина дође,
Кадъ незнанъ са злбомъ и варварство прође.
Удрученъ и неправда неће мучитъ люде,
Кадъ истина и правда међу нѣма буде.
Зато младежъ простой басни усрдно да внуши,
Истина изъ нѣ говори, некъ приклони уши.

Я къ Платону и Туллию неподожемъ главу,
Нег' у басни Езоповой иштемъ мою славу.
Што ће мени садъ у старость Далматске планине,
Када мени добро чине поля и долине.
На травници мирно ми е у овой леной меѣи,
Гди я нећу високога завидити среѣи.
А кадъ деца съ девойчицамъ дођу цвеће брати,
Я ћу ии све око себе звати и сабрати.
Казаћу имъ многе ствари, што ће имъ бит' миле,
Како што су годъ и мени у детињству биле.
Я знамъ добро путъ младости, ер' самъ тудъ прошао,
Нити самъ се у спаваню садъ овде нашао.
Радо се дете томе учи, при чему се сміе,
Гди нит' га ко кара, ни прети да біе.
Сваки е радъ што добро и чути и знати,
Мирно живити свакъ жели, нико да злопати.
Ову мудрость млада деца одъ Езопѣ уче,
Све у игри и у смеяню, ер' се с'тимъ не муче.
Чудеѣи се пчелицама да се лепо слажу,
Свако добро у любви и слоги полагају.
Видеѣи ии како лете за медомъ по цвећу,
Трудъ и подвигъ признаваю за велику срећу.
Немогу се деца доста начудити мраву,
Да велику мудрость има, а малену главу.
За люту се зиму онъ у средъ лета брине,
Нити е радъ да гладуе, нити да погине.
Дивна мудрость за децу! наука висока!
И промисалъ о свачему евеидеѣегъ ока.
Орао летећ' надвишуе небесне облаке,
И одъ тудѣ бистро види ствари свакояке.

Али му е мала фала пенят' се високо,
За луду му съ таки крили оштровидно око!
Кадъ немари за лепоту сунца ни месеца,
Негъ све гледа, да упази корнячу и зеца.
Каже басна, какова су и нарави лава,
И зашто се онъ нариче зверски царъ и глава.
Слова и инорога, крокодила, бика.
Свию се овде познае свойство и прилика.
Медведова пакостъ, и злоба куряка,
И чем' се валя надати, гди е злоба яка.
Смешно е чут', шта у басни говоре магарци,
Како лете корняче, и мудрую ярци.
Маймуни маймунишу, а лисице лажу,
Гуску да увате или кокошъ тражу.
Чудно ли ти у барами жабе крекекећу,
Сласть у блебетаню наоде найвећу.
Паунъ има право, кадъ се съ перъмъ дичи,
Али би се застидіо, да зна како кричи.
И кадъ мачка преде, лиже се и глади,
Мишу она о пакости и мисли и ради.
У игри се мише ловит' учи младо маче,
И по бари лепо плива излежено паче.
Пиле мало разуме, шта квочка говори,
Што му она заповеда, и слуша и твори.
Ко може све описати, шта у баснам' има,
Шта ли дете у нѣима и учи и прима!
Небо, земля, и све ствари басни се подлажу,
И науке превисоке чрезъ ню се предлагају.
И травица у долини и кедаръ на ливаду,
Свой природни гласъ издаю на басне дивану.

Али ево шта найвећу басни дае славу,

И нѣзину са звездама украшуе славу.

Што е ню истина за себе избрала,

И чрезъ ню многу лажъ изъ света прогнала.

Злоба и лукавство, и различне страсти,

Привлаче на люде премноге напасти.

Незнанъ ии ослеплява, и држи у мраку,

И на нѣи налаже муку свакояку.

Ко годъ дакле жели, да му буде болъ,

И да се избави беде и неволъ.

Некъ не стои довека у мраку и ноћи,

Некъ отвори ума очи, пакъ ће се помоћи.

Шта е право и паметно, то е Богу мило,

Нит' е нѣму штогодъ лудо, кадъ пріятно било.

Добродѣтель безъ истине неможе остати,

Нит' се правда одъ неправде безъ нѣ разазнати.

Истину ми басна каже, зато я ню любимъ,

И уздамъ се, мили друже! да мой трудъ не губимъ.

ГЛАВА 4.

О несогласію наших желаній.

Сматраюћи да се већа часть нашего незадовольства на свету, рађа изъ несогласія и противоборенія наши желанія, у којима ми, поготову свагда, преварени остаемо; а не одъ самовештнога у естеству зла; велика е потреба да се старамо, получити права и чиста понятія онога реда и закона, по коему ствари мораю тако, а не иначе приключавати се; ако хоћемо да се довека немучимо безплодними желаніями, и да не утврђавамо наше незадовольство на неразумномъ и гниломъ основанію. Закони естествени ласно се разумѣти могу; нико у средъ зиме не тражи у виноградѣ гроздъ, нити на трешњи трешня. И ко посіе жиръ, не чека да му одъ нѣга у неколико месеци велики растови нарасту. Душа човеческа природно уступа и подлаже се нужди, и наша желанія малакшаваю и престаю, како намъ разумъ покаже, да ми нисмо у состоянію нѣи задовольствовати. Ако ми пристойно разсудимо, ласно ће мо познати да наравно правленіе дѣла наши, тако опредѣленимъ, постояннимъ и неизменимъ законима и правилами, како годъ и броянъ; сиречь да двапутъ петъ чини десетъ, подлежи. Како се годъ рани и расти оно, што изъ землѣ изниче, тако се исто у нами питаю и прирашчаваю наша обикновенія; привлечителна сила магнето-

ва нїе яснїе позната, неголи сострастіе срца къ срцу, прїятельства и дѣйствиє примѣра, кои се мало по мало у природу преобрашчава. Човекъ дакле, кой е совершенно разсмотрїо и сазнао природна дѣйствиа како матерїе, тако и ума, бити ће умѣренъ и правичанъ, у свемъ томъ, што изискує одъ Божїегъ промисла; и знає, чему се има надати одъ природнога и правилнога разположенїа ствари, нити ће бити преваренъ у ономъ, што како одъ себе, тако одъ други ожидавати има. Многи иначе добросердечни и правдолюбиви люди, за недостатакъ пристойнога разуђенїа и познанства, усудили су се неку кривицу божїему промислу приписивати, што допушта, да многи сасвимъ презрителна и худа характери люди, до такви преимущества у животу долазе, коя би правично самому достоинству добродѣтели принадлежала. Каква е то уредба промисли! (недоумеваюћи се веле они) да до богатства, у коєму се найважнїе привременога благополучїа средство состои, неможе се тако ласно съ честностію, са благонаріємъ и съ правдолюбїємъ, како съ намеренїємъ честности, съ майсторскомъ хитросѣу и преваромъ, и са неправдомъ доћи? Ови се томе неби тако чудили, кадъ би разсудили, да богатство благонаравїа душе, кое є вѣчно, и кое се чрезъ цѣну правде и добродѣтели купує, сасвимъ є различне нату-ре, одъ привременога богатства, кое се и съ преваромъ, и съ неправдомъ, и съ очевиднимъ грабежомъ придобити може. Ко не мисли платити, што є чега вредно, како би могао то купити? ванъ да мисли украсти, а свакъ нїе за крађу рођенъ. И сама чиста добродѣтель, често се може съ лукавствомъ и съ при-

творношћу украсти; али ко поштено име люби, и ко би радъ, не да други мисли, него да онъ самъ у себи управъ зна, да е поштенъ, неће нипошто да краде.

Ми валя да сматрамо овай светъ, како еданъ великій пазаръ, гди счастіе представля многоразличне оспапе на продаю, да свакъ, што се коме смили, и у што се залюби, купи и пође своимъ путемъ. Овде се наоде ствари свакояке, полезне, излишне и малой деци што за играњ служе, некии овде дођу да што украду, а некии да се опію. Богатство вѣчно и времено, име славно и похвално, или худо и безчестно; правда и неправда, добродѣтель и злоба: наука и незнаніе; све се то на вашару овога света продае, и купити може: свака одъ ови ствари забележена е и има свою опредѣлену цену, пошто и како се продае и на што служи. Наше време, наша стараня и труди, све су то готови новци, кое ми морамо положити за оно, што смо ради имати. Разсмаатраймо дакле, сравнюймо едно спрама другомъ, избираймо или одмећимо: а по томъ будимо задовольни съ онимъ шта смо купили, и не тужимо се што неимамо, и оно што нисмо хотели купити, и што смо одметнули; небудимо као неразумна деца, коя би хотела садъ едно, а мало после друго. Такова е сила благоустроеноего трудолюбія, да едно постоянно и мужественно употребленіе наше моћи, кадъ ню ми къ едномъ намѣренію и концу управимо, по већой части успѣхъ и напредованъ получи. Ђли ко (на примѣръ) науміо да се обогати? валя да избере такови путь живота, коимъ се може обогатити. Или на води или на суву валя да подложи животъ свой многимъ бѣдствованіяма; да здраво ште-

ди и одъ свойъ уста; да в скупъ и да немари ни за-
што друго на свету, него за добитакъ. Точна чест-
ность и правичность, любовь сродства, пріятельства,
и челоуѣчества, услажденія ума у науки, у височіимъ
и благородніимъ упражнѣніама душе, у познаваню и-
стине и добродѣтели, и испитиваню дѣйствія умно-
га и вѣщественога света; ово су све ствари за дру-
ге, а не за онога, кои в науію само за то да живи,
да се обогати. Овай дакле кадъ дође къ своему же-
лаемому намѣренію, нека буде с'тимъ задоволянъ и
нека не жели што неима и оно, за што ніе марію.
Еси ли се ти другій пакъ залюбію у науку и мудрость?
Еси ли зажелію знати, шта су гречески, и латински,
и после нѣи други народа учени люди знали? валя
да томе послу све свое младости време предашъ и
посветишъ: и тако съ постоянимъ трудомъ и съ вре-
меномъ получиѣшъ што желишъ. Но какво я награ-
ѣніе одъ моего труда имамъ? (питаешъ?) ако то не-
знаешъ, самъ си кривъ, што си изабрао оно што ніе
за тебе: немахъ ли познанъ многи предивни стварій?
сообщеніе и сожителство найкрасніи умова, кои на
небу разума како звезде сіаю. Неимашъ ли едну про-
страноразумителну душу, очищену одъ простачки
плашня, сумня и суевѣрія? душу способну дѣла му-
дрости божіе, разумевати и другима изяснявати? умъ
богатъ, цветуѣтъ, благоустроенъ, къ могуѣму совр-
шенству доведенъ, преиспунѣнъ съ неисточими со-
кровишчами благородни забава и размишлѣнія, съ не-
престанимъ пролеѣемъ нови понятія, са совестнимъ
увѣреніемъ и чувствованіемъ достоинства, овога рода
богатства? Справедливо в небо! Ели могуѣе, да чо-

векъ у ово кратко време живота, за свое труде (ако ће они колики бити) веће награђење искати може?

Али нје ли ово неко опороченіе у света правителству промисла, да многій блатне совести и душе човекъ до толикога богатства дође, да може половину едне націе купити? Ни најманъ! еръ е онъ башъ на тай конацъ своју совѣсть, свое здрављъ, своју слободу, и своју душу предао. Пакъ онде, гди се што продае, мора се наћи, ко ће то и купити: а ко би други, разве онай, кои е за тимъ найвише настојао? Ђли му право дакле завидити, што е и онъ на паза-ру овога света скупіо оно шта е желіо? Оћешъ ли се дакле ти вишеречени предъ овимъ, зато што се онъ и конъи нѣгови у злату сіаю, а ти просто обученъ пѣшице одишъ, застидити? Ни најманъ; одушевљѣнъ благородномъ совѣстію овако помисли: истина, да я тога немамъ, што онай има; али я оно нити самъ желіо ни тражіо; я самъ изабрао оно што самъ возлюбіо, и што ми се види болъ и дуговечніе; словомъ, я самъ съ моимъ участіемъ благодаранъ и задоволянъ.

Ти, кои си кротка и смиренумудра сложенія, и возлюбіо си тихи и колико ти е могуће, независими животъ; нити за достойно судишъ, предъ великими пузити, и чрезъ то надъ манъимъ одъ тебе пеняти се: старай се за свое потребно и поштено живљѣнъ, буди задоволянъ што ниси заплетенъ у смутнѣ и тешка попеченія великога света. Услађавай се у взаимной любви теби подобни пріятеля, буди благодаранъ съ похваломъ твое мирне совести, съ беззлобіемъ срца, и съ чистотомъ духа. А остави привременна блистаня онима, кои се за то могу болъ гребсти и чупати. Човекъ мекога чув-

ствителства совести, кои ни за какву користь правичности нїе радъ преступити; нека се не чуди, и нека не мари, што другїй, за то немареѣи, много коєшта чрезъ то добиваю, коє би и онъ получити могао, да се в њима уподобити хотео. Сократъ, Аристидъ, Фотионъ и њима подобни древни философи, остаю предъ свимъ светомъ до века удивлѣнія достойни, зато што нипошто нису хотели сложити достоинство чисте добродѣтели съ худостію задовољствованіе безпорядачни чувства. Они су свакомъ чистосречно и слободно казивали, какову жертву одъ човека чиста совесть изискує, и каковъ плодъ ова, такова будући приноси, нити су се пакъ соблажнявали ни смущавали, што веѣа часть людїй другоячіе мисли, и за њїове совѣте немари. Ко жели дакле управъ поштепъ, разуманъ и добродѣтелянъ да буде, мора путемъ, кои къ томе води, ступати: ако ли би пакъ радъ што друго, а не ово, имати, валя другїй да предузме путъ. Жена, коя жели честно и похвално име придобити, неуклонно путемъ честности и добродѣтели ходи: нити се обзире, нити мари за оне, коє за модама трче: нити се на њїи срди, нити имъ завиди. Поштено и похвално име, непорочность совѣти и спокойство срца, драгоцѣнне су ствари, нити се за луду на торжишту овога света предлажу, и као за ништа бацаю. Особито и чрезвичайно постоянство, башъ и у таковимъ предпрїятїама, коя нису похвале достойна, ако су ова одвеѣтъ трудна и мучна, показує особиту вредность и достоинство характера. Нема тога, кои се неѣе удивити Леени, (иначе непоштенной у Аѣини жени) коя видеѣи да ѣе є мучити да изда неке свое прїятель, за немоѣи то учи-

нити, сама себи одгризе езикъ. Агесилай Лацедемонскій Краль, видеѣи едногъ злочинца да мужественно наказаніе сноси, сажали и уздане говореѣи: о какова е у овомъ бездѣлнику добродѣтель погибла! вѣчна ште-та за тако злоупотреблѣно мужество. Найвеѣій знакъ великога духа и срца у тому состои се, да ко избере себи какавъ знаменити и славедостойни предмѣтъ, и за нѣимъ да настои чрезъ све време живота. Омиръ кадаръ е био Ахилесова и Екторова мужественна опи-сати дѣла, но изъ тога не слѣдуе, да би онъ то исто и учинити могао, нити би пакъ она два витеза своя иста дѣла онако живо и огнѣвито описати умели, ка-ко што ѣи речени изобразіо Поетъ. Демостенъ е най-славнѣи на свету риторъ, али слабъ войвода био: ерѣ бежеѣи едномъ предъ непріятелѣи, запне се за купи-ну, пакъ стане викати: помажите юнаци, погибо!

Чрезъ ово слово препоручуе намъ се умѣреность наши желаня и изискиваня, да како сами себе, за свако исправлѣніе, способне непознаемо; тако ни одъ други то неправедно да не зактевамо. Натура, како е годъ у свему безчислена и неограничена, тако е исто, у частима оскудна и ограничена. Корняча нѣе начинѣ-на да лети, и да она нѣе башъ така каква е, неби е било на свету. Натура е удивлѣнія достойна, што сва-кога у чему нибудъ, по внѣшнему виду, различна на светъ производи; но у поглавитому, то естъ, да чо-векъ има едну главу, два ока, и проч. у томъ е савъ родъ еднакъ. Чудовишта, на примѣръ съ три руке, или съ едномъ ногомъ човекъ, ово е чрезвичайно, и едва се гди чует. Вообште одъ насъ зависи, да составъ тѣла нашего и здравлѣ наше непокваримо, да се не

осакатимо и не убиемо. Што су различне снаге и способности у людма, зато су и разни занати и начини живљња, и свакиј избере шта е за нѣга. Конѣи, кои су одвећ лаки и за трчанѣ способни, нису добри за тешко товаренѣ и потезанѣ. Да су на исти начинѣ, како образи, тако и ѣуди и нарави човеческе различне, и у овоме е натура прекрасна и удивљѣнїя достойна: но да люди у ѣудима и наравима своима, и у начину мишлѣнїя своїмъ, на примѣрѣ двоглавни, триручни, и едноножни не постаю, то одѣ воспитанїя и одѣ нѣи зависи. Сви што насѣ е годѣ на свету, можемо кои за едно, кои за друго благопотребни и полезни бити; ако се само пристойно разредимо и расположимо. Ли-сица залита лава, на што му зець у арміи? да трчи и разноси писма, одговори лавѣ. Зато дакле кадѣ видимо еднога човека, да има особите отѣности и достоинства, а при тому и неке мане и погрешке, не-валя ради ови, да похуѣавамо и оне: кадѣ ми и об-штима людма, ако су само умѣрене доброте, прашта-мо коекакве мане и погрешке, кое никому не вреде и непакосте.

Одѣ кадѣ су люди на свету и до данасѣ, и одѣ садѣ у напредак мора меѣу нѣима бити, по нѣиовомѣ званїю и начину живљѣнїя, нека различностѣ. Селя-нинѣ неможе бити у свему као граѣанинѣ; добарѣ солдатѣ и витезѣ нїе створенѣ за хитра трговца, ни-ти искусанѣ занациа за Поету и Философа. Одбацимо дакле простачка и безмѣстна примѣчанїя еданѣ про-тивѣ другога, и безпутне желѣ: о да самѣ я тай и и тай! а да е онѣ опетѣ нешто друго! Кои годѣ у ономе у чему е, неваля; по свой прилици, неби до-

баръ био ни у ономъ, у чему нѣ. Обучаваймосе у познанію човеческаго духа и нарави, пакъ ћемо се умети башъ тако ползовати еданъ са другимъ, као добаръ терзія съ аршиномъ, маказама и игломъ. Одъ мудрога и наметнога иштимо добаръ саветъ и наставленіе; одъ шалѣива и веселяка шалу и увеселеніе. Са вѣрнимъ и постояннимъ содружаваймосе, у настоянню за общіе добро будимо сложни и испоручителни. За децу нашу избираймо они начинъ живота, къ коему се показую склонни и способни: одъ зли и неправедни сви сложно бранимосе, и желанія наша къ добру управляймо. Мы сви природно желимо одъ колѣвке до гроба. Душа, срце и сва чувства наша не престано желе: и кадъ би човекъ одъ сваке желѣ престао, већъ неби за ови светъ био. Паметанъ човекъ жели што е дозвољно, добро и могуће, и у томе е благополучанъ; а неправеданъ и неразуманъ жели или што е недозвољно, или немогуће, и у томе е свагда несрећанъ. Ако ли пакъ зао и неправеданъ и напредуе у своимъ желяма и похотама, и са штетомъ ближнѣга свога богати се, и срећно се чини да живи; заисто нѣ завиђеня но окаянства и сажалѣнія достоянъ, зашто чрезъ то погибель на свою душу, и (кадъ годъ буде) на свою децу навлачи. Надъ нами е судбе око, кое насъ гледа, и доброга добро чека, а злога беда.

ГЛАВА 5.

О важности и благопошребности добраго имени, смотряки то само као средство привременне ползе.

Будући да су умови и склонѣнія човеческа безчислена и многообразна, слѣдователно и намѣренія нѣова, за која они избираю еданъ или другій живота начинъ, мораю бити такова: зато и еданъ наравоучителни списатель мора по свакој стазици живота за людма пристаяти, предусретати и нѣи тако управляти, да имъ конацъ намѣренія нѣова буде не само благоуспѣшанъ но и похваланъ. Свакій човекъ природно жели, да добіе и стече довольно иманъ, да може лено и по свомъ склоненію живити; кадъ му се дакле докаже, да онъ къ овомъ истомъ концу, известніе и болъ, съ честностѣу и правичностѣу, него ли съ непоштенѣмъ, лажомъ и неправдомъ може доћи; онъ ће заисто, ако и не за саму къ добродѣтели любовь, баремъ за свою собственну ползу настояти, да поште-но живи и правично поступа. Кадъ се пакъ, чрезъ дуго време, тако живити пріобикне, и позна искуствомъ, каква му се одъ тога полза рађа, онъ ће се безъ сумнѣнія, у таково живлѣнѣ залюбити, и постаће съ-временомъ, не само за свою привременну користъ, не-го и за саму къ добродѣтели любовь добаръ; ванъ да му е (што но речъ) са свимъ одъ блата душа и срце. За оне люде, кои су самовещна притворность,

лукабство и злоба, овде се нити мисли, нити што пише; али е такови по срећи мало. За оне исте башѣ, кои желе или до лепа имѣнїя, или до грађанске чести и достоинства доћи, поштенъ характеръ и лепо име обично много су нужднїе вещи, неголи иста вредностъ и способностъ. Ако ће како люди у неки мести, чрезъ злоуправлѣнїе, или суевѣрїе, или навласти-то чрезъ разпуштенъ нарава покварени бити; немогу обаче до толике слепоте ума и будалаштине доћи, да за свою исту (баремъ привременну) користъ нимало не маре. У свакомъ нашемъ предпрїятїю и послу, никада ми негубимо испредъ очїю нашу собственну безбѣдностъ и ползу; зато ако смо ми башѣ и лукави и неправедни, онетъ се здраво чувамо, да лукавиѣму и неправеднїѣму одъ насъ у шанке недопаднемо; и колико већма добаръ успѣхъ, у едномъ велике важности предузиманю желимо, толико више, у томе, поштена и правдољубива човека, за содружника и помоћника себи имати, старамо се и настоимо. Бадъ годъ човекъ потребуе совѣтъ и наставлѣнїе, тражи га одъ наметна и поштена човека. Бли болестанъ и потребуе лекарства, жели искусна и поштена лекара наћи. Бли у процесу, и зна ли да има право, радъ е праведна имати судїю. Трижи ли што за себе и за свое да купи, негледа на шаренъ и на новъ дућанъ, него распитуе гди е добаръ еснавъ: мисли ли се ко женити, или коя удавати, кои су разумни и поштени, себи подобне траже. Узима ли ко слугу или слушкиню, пита, ко су и одъ куда, гди су пре служили, и иште доказателство, како су се онде овладали. Изъ овога се свега види, какове е препоруке човеку, одъ

височайшега до найнижега состоянія людій, лепо име и поштенъ характеръ. Младъ човекъ дакле, како се почне у обштега живота дѣла мешати, у томъ поглавито свое попеченіе нека полаже, да се о нѣму лепо мнѣніе зачне; у овоме е свагда полакъ добивено: а по томъ, колико више напредъ ступа, толико веѣма нека се стара, да то исто о нѣму мнѣніе расти; зашто ако се разслаби, и на што полакоми, и у овоме натрашке поѣе, ласно у подозренъ притворности падне, и чрезъ то савъ свой преѣашњи трудъ, и у напредакъ ползу, изгуби.

По готову веѣа часть людій склонѣна е своему високоумію ласкати, на свакій начинъ лепо мнѣніе, коє се о другима има умаляваюѣи и себе съ больима одъ себе сравняваюѣи, тако да и весма добаръ човекъ, при совршеной цѣлости и непорочности своего характера, и при всевозможной невиности своій дѣла, не свагда известанъ, да ће се меѣу толикимъ злобнимъ, завидливимъ и пакостнимъ людма, у всеобщтемъ леномъ мнѣнію садржати моѣи: ништа манъ у овоме се состои мудрость, да човекъ злоби и пакости са своимъ погрешителнимъ поступкомъ причине не даде, и тако злоба неимаюѣи на што подупрети се ни наслонити, сама ће одъ себе пасти, и битиће свету на поруганіе. Клевета безъ причине, раѣасе изъ мечтанія и изъ коекакви лукави измишльиваня, и подобна е сапунске пене бешики, коя се за кратко време нешто види, али скоро изчезне: но кадъ ми, или чрезъ наше неразуміе или злобу дамо узрокъ, да се о нами ружно мисли и говори, колико се потомъ приухиштрава, да се оправдамо и чисти покажемо, толико се

вѣhma мрлямо, и себе лукаве и горе показуемо. Догодъ ми нашу погрешку чистосречно не признамо, и на ню неомрзнемо, дотле е све наше раскаяніе цичаню прасета подобно, кое, докъ га боли у бостану одрезани ренъ, ужасно кричи, а како то престане, онъ онетъ при своіой првой памети и ѣуди остае. У овой пуной различни страстіи и смутня, света комедіи, гди се човеческе найнеповиніе речи и дѣла често на криво разумѣваю и толкую, мучно и редко и сама невинность и бланонаравіе одъ опороченія, презренія и мрзости избегнути и избавити се може; колико вѣhma овима, онай мора подложанъ бити, кои самъ о себи, навлашъ и очевидно зло мислити и говорити дае! Давно е и истинито речено, дае нме добро, болъ него много богатство, зашто ово лакше се може и добити и изгубити неголи оно; и ово служи за време, а оно за вавѣкъ. Помишляй последняя твоя, и никада неѣнешъ зао бити, ово е блажена и вѣчна истина. Неираведно су те на смръть осудили! плачуѣи Сократу вели жена нѣгова. То и естъ найвѣе мое благополучіе, да нису праведно: одговори мудри и добродѣтели мужъ. Усрдствуимо дакле и стараймо се по крайнѣи всевозможности, заслужити честно и лено име, и сачувати себе у цѣлости непорочнога характера! Све наше благополучіе нека зависи одъ внутренѣга спокойства савести наше; имаюѣи свагда на памети оно последнѣ време совршене истине, кадъ ѣе се свака тайна објавити, и што е годъ сакривено, одкрити: и кадъ ѣе свака злоба и луваство, лажа и клевета, участіе и награѣніе свое съ онимъ имати, кои се гречески по превозходителству нариче діаволесъ, то естъ клеветникъ.

ГЛАВА 6.

О исторіи и о поминаню славы люди.

Исторія е едно весма нужно, преполезно, а притомъ радостно човеческому роду знанъ. Овде се ласно и съ веселѣмъ учи, шта се е одъ неколико иляда година на овой земљи нашой случавало; какова су премѣнѣнія међу людма бивала; како су царства велика, и различна народня владѣнія и правлѣнія постаяла, и чрезъ какова средства и начине растила и цветала; а потомъ и спадала и пропадала. Колико е благополучіе, да се човекъ може ленимъ прикладомъ давняшньи люди, нѣима подражаваюћи, ползовати, и чрезъ исто нѣово паденіе, одъ подобногъ паденія чуваюћи се, себе исправляти! Шта ће у будућа времена бити, то неможемо знати: а шта е у прошаста било, можемо и знати и одъ тога ползовати се.

Колико е полза у неизвѣстнимъ приключеніямъ живота, не предавати се руководству слепога догађая, кадъ се могу известни прошаста времена приклади, за благополучно управлѣніе имати. Советъ стари люди полезанъ е младима, зато што они имаду више искусства; више су и видели и чули, и самимъ дѣломъ познали: несравнѣно дакле полезніе мора бити искусство неколико иляда година, и советъ мудрога старца времена, кадъ се добро прими и научи, и са зреломъ памећу рассуђава. Савршено дакле познанство

Історіє младимъ прилаже лета воздраста и зреліи нѣма разумъ дає, а старе мудримъ показує. Сврхъ свега обаче у Історіи найвеселіє є и найполезніє читати описаніє живота и дѣла, по наособито, именити, славно и добродѣтелни мужескога и женскога пола люди. Во обште и истинито утврђавасе, да Теорія, то єсть смотриванъ, безъ практике, сирѣчь безъ искусства илити дѣйствія, никадъ неможе савршена бити. Сматраюћи дакле на дѣла добродѣтелни лица, учимо се ласно, ако само оћемо, нѣма подражавати. Знати шта є добро, поштено и праведно, и то исто дѣломъ исполнявати, ово є све височайше савршенство знанія. За дати прикладъ овога вида Історіє; а за возбуди вкусъ и желю къ читаню тога, описаћу на кратко животъ и дѣла мудрогъ Сократа, кога сви просвештени народи знаду, и често споминю, а овде ће се садъ видити зашто, и съ каквимъ правомъ.

Сократъ, синъ едногъ каменосечца именемъ Софронинска, и єдне жене, званіємъ бабице, а именемъ Фенарефе, родіо се у Аѣни 469 године пре Хріста. Изъ почетка научи занатъ свога оца; и Історія чини воспоминаніє о трима статуама, кое представляху три граціє, и кое су предивно содѣлате биле. Види се одъ приуподобљиваня, кое є овай преславни мужъ у свои разговори употреблявао, да се онъ нимало нїє стидіо заната свога родителя и родителнице. „За чудо, (говораше онъ) да єданъ каменосѣчацъ толики трудъ и прилѣжность употреблява, одъ камена да начини човека, а да се човекъ толико мало стара, себе, синѣмъ камену подобнимъ за неопазати! Онъ себе нарицаше бабице умова; зашто: на подобіє свое матере, ка-

ко ова помагаше женама рађати младенце, тако онъ помагаше умовомъ лепе рађати мисли. Критонъ богати грађанинъ у Аѳини, учини познанство са Сократомъ, кадъ овај јоште са своимъ оцемъ у каменосе-
честву пословаше: удивљенъ и возхићенъ красотомъ разума нѣгова, уграби га и извуче изъ очина дућана, за посветити га Філософји, и потомъ онъ исти буде еданъ одъ први нѣгови ученика. Сократъ имао е за учителя, преславнога Філософа Архелая, кои познавши високи умъ свога новoga ученика, зачне къ нѣму таково пріјателство, каковога онъ достојанъ бјаше. Онъ почве своју науку одъ Фізики, по обичаю школа тада-
шнѣга времена, када; ову часть науке, у то време јоште тамну и несовршену, за Філософију почитоваху. Сократъ познавши, колико е ова наука, јоште тада сумнителна и неизвестна, во обште човеческому роду мало полезна; онъ, (да съ Цицероновима речемо речма) сведе нову Філософију съ неба, уведе е у гра-
дове и постави ю међу люде, учећи ихъ како могу по-
стати праведни, разумни и добродѣтелни, и ово е на-
равоучителна Філософія. Овај млади любомудрацъ, носіо е и оружје како и прочи Аѳинейци, и находіо се е у различни боеви, у којима се онъ витежки поднео. Онъ е одъ младости, и до старости свое трезвенъ и
трудолюбивъ животъ любіо, и нико нѣ више одъ нѣ-
га, толико презрѣніе гордости, толику немарность за
богатство, и толику любовь къ умѣреному живљенію
показао. Видѣни едномъ при некимъ велики праздни-
ка церемоніјама чрезвычайну немну, премного сребро
и злато, и свакояка многоцѣна украшенія, ове досто-
паментне изговори речи: о срећанъ ти самъ я, што
одъ своју ови ствари потребе немамъ!

Архелай, Македонски Краль съ великими обштаніями звао га е къ себи. Но онъ на то одговори: нисамъ радъ поћи къ едномъ човеку, кои ми мисли више дати, него одъ мене примити. Онъ е знао, (вели Сенека) да Архелай нѣга не зове, да што добро одъ нѣга прими и научи, него да имаюћи га при своѣмъ двору, іоште гордельивиі него што е, постане, нити би онъ маріо, да позна своя крива понятія о величеству, разумно употреблѣніе богатства, и начинъ добро живити и умрети. Сократъ е свагда любіо чистоу и у одѣянію и у покућству своѣмъ. Видѣи Антістена Філософа, не за нужду, него да се болши Філософъ покаже у издератой альини, рече му: крозь твой исти издерати манторосъ, друже Антисеене! види се славолюбіе твоѣ. Међу прочимъ знаменитимъ свойствама било е у нѣму и свесовршено обузданѣ срдитости; слуга нѣговъ даде му едномъ узрокъ разсрдити се, тада му онъ рече: видишъ! да се нисамъ разлютіо, садъ би те башъ звекнуо. Бданъ скотина човекъ удари га; нѣгови ученици наговараю га да га пошлѣ онде, гди ће се научити памети; на тай начинъ говори онъ: да ме и магарацъ ногомъ удари, морао би га на судъ звати. Кажу му еданъ редъ, да га неки ништа човекъ псуе и ружи. Я му нисамъ кривъ, одговори: што онъ ніе научіо добро говорити. Запита га неки, зашто много ради и послуе у своіой башчи, више него потребуе? чрезъ то бивамъ здравіи и ячи, слађе вечерамъ и спавамъ. У едно вече сазове неке одъ поглавити грађана пріятелъ своѣ на вечеру. Ксанѣипа нѣгова жена люћаше се, што іой ніе казао, да приготови пристойнію вечеру. Нестарай

се за то жено моя! отвешта: ако су ова господа наши прави пріятельи, долазиће више пути на оваку вечеру, ако ли нису, а они некъ не долазе. Запита га неко, како може трпити жену свою, кадъ другда много виче и кара се? Трпимо кокошке и гуске, што намъ яя носе и легу пилиће, да како неби жену, коя намъ децу рађа и подранюе?

Жена нѣгова била е одвећъ люта и напрасита, и кадъ би ко одъ нѣга знати хотео, зашто е таку жену, кою е добро познавао, за себе изабрао? Не чу-ди се томе, одговори: добаръ коньикъ найрадѣ на бесномъ и немирномъ коню яше; а да моя жена нѣ овако люта била, неби се я научіо да самъ овако стрпелливъ. Она мени у своіой лютини многе лепе лекціе даде, кое я никадъ неби знао, да е она одвећъ мирна и кротка. Ова едномъ за дуго вичући, радила е свакояко да га разсрди, а кадъ види да ништа не помаже, оде пакъ завати ведро воде изъ бунара, пакъ пльосъ на нѣга. Онда се онъ топрвъ почне смеяти говорећи: за дугомъ грмлявиномъ нѣ чудо да и здрава киша падне. Многи кратка ума изъ овога ће судити, да е овай Философъ бедакъ био, али, како изреченіе делфійско тако и нѣгова славна дѣла показую и сведоче, да е онъ премудрѣйшій Греціе био. А ову сведочбу неби онъ получитьи могао, да нѣ одъ свое жене много наметніи био. Одъ премного мудри изреченія и лепи речій што се нѣму приписую, изабраћемо овде неколико одъ найпоглавитіи. Кажу му, да е некій богати господаръ (иначе худи нарава човекъ) лепе дворове сазидао. Болъ би учинію, да свое нарави полепша и украси: зашто коя му користъ, да се

люди дому диве, а да се на домаћина сгаде! У време тридесетъ тирана, кадъ многи одъ први и најбољи грађана изгубе имѣніе свое и животъ; видишъ, рекне Сократъ къ едномъ Філософу, да смо и ми садъ богати, ко зна шта би одъ насъ било! Люди траже богатство и величество, како некій особити неба благословъ, и као право средство своєга благополучія: а ово често бива средство растлѣнія нѣови нарава и нѣове несреће. Три правила живота највише препоручаваше онъ ученикомъ своимъ: мудрость, стидљивость и мучанѣ. По нѣговомъ мѣнію, најмногоценіе наслѣдіе, што еданъ отацъ сину своєму оставити може, состои се у вѣрни и добри пріятельи.

Сократъ првый редъ сусретши млада іоште Ксенофонта, предпозна по погледу нѣговомъ, да ће овај младићъ съ временомъ особити човекъ бити, запита га, гди се продаю, те и те вещи; онъ му каже: знашъ ли, гди се човекъ учи да буде добаръ? Незнамъ, одгори. Време е већъ, рече му, да се и то знати постарашъ . . . При некој части, Сократъ изобличи по жестоко за неку погрешку едного одъ своіхъ пріятеля. Болъ би учиніо, рече му ученикъ нѣговъ Платонъ, да си га на само за то изобличио. Баремъ ти, одговори онъ, кадъ си мою погрешку познао, неби ли могао паметніи бити, причекавши да ми е на само кажешъ? . . . Бданъ нагоєнъ богати човекъ тужашесе предъ Сократомъ, да се е одъ ходаня озноіо, и да е потомъ одъ тога назебао и разболио. А твоє слуге, запита га онъ: не зное ли се и они? Како се неби зноили, кадъ по вазданъ раде? али нѣима одъ тога никадъ ништа, разве да више ждєру. Садъ признай, рече му онъ:

да би и ти срећни био, да си слуга, него што си господаръ, ерѣ би био ячій и здравіи. . . Видећи неке имуће люде да богато жертвую, и да златне и сребрне дарове боговомъ покланяю: овии люди, осмѣavajuћи се рече, у некакве лакоме богове вѣрую. . . За всеобште добро, говораше Сократъ: валя се Богу молити. Али понаособито за себе што искати, то не валя. Зашто човекъ не може знати, шта му е полезно. . . Онъ и самъ иѣаше на комедию, коя се нѣму на поруганіе играше. Запитаю га некии: како то посмеяніе трпѣти може? Ласно, одговори онъ, зашто, све оно што нѣе истина, я за шалу примамъ. Видећи еднога господина, да одвећъ жестоко свога работника туче, рече му: ти би много човечнии био, да само разсудити можешъ, би ли радъ био, да и тебе ко тако туче. . . Онъ гледаюћи да рано и незрело воће некий скупо купую, рекне имъ: ала сте лакоми! та да причекате јошѣ неколико дана, пакъ би то могли и слађе и ефтиніе имати. . . Видећи Алцибіада да се поноси са своимъ лепимъ польскимъ зданіемъ и башчама, покаже му земљописателну карту, и запита га да му каже, гди е Атика, (Аѣинейски предѣлъ). Онъ покаже. А гди су ту твои дворови и башче? приложи: хе! зарѣ оћешъ и то да е на карти? Съ чимъ се дакле поносишъ, о суетниче? Благо ономъ! рече неко предъ Сократомъ, кои може получити све што зажели. Не, одговори онъ: него оное, кои е тако задоволянъ, да ништа не жели. . . Вопросы га неко, зашто онъ штогодъ не напише, и по себи остави. Я доста говоримъ, одговори онъ: и ако у томе што добра буде, напише се ко ће то написати; ако ли не,

болъ да не остане написано, еръ би многи среѣнїи били, да су на песку, него на кожи писали. Напрасити люди, веляше онъ, подобни су кишнимъ потокомъ, кои съ устремлѣнїемъ долазе и пролазе, и веѣу ште-ту него ли ползу приносе. Многїи ништа не учинѣ у све време живота, коешта чинѣи и тамовамо окре-ѣуи се. . . . Онъ себе приуподобляваше брусу, кои самъ нерече, али оптри ножеве кои режу. . . . Еданъ ви-сокоуманъ младиѣъ по дугомъ путованю врати се и као поносеѣи се предъ Сократомъ каже, да онъ ни-шта нїе ни видїо ни чуо, ни научїо, одъ шта би мо-гао болъи постати: Право! придода Фїлософъ, ербо си ти пунъ, да у тебе ништа више неможе стати. . . . Душа овога особитога мужа, тако е била залюблѣна и возхишѣена размишлѣнїемъ и изтраживанѣмъ ис-тине, да би другда стаяо по неколико часа, гди на полю, или на торжишту као изванъ себе, нити би знао, шта око нѣга бива, нити ко туда пролази: и да онъ нїе познатъ био, за оно што естъ; одъ многи би вме-нѣнъ био да е съ ума скренутъ. . . . Онъ познаваюи право свойство и природу душе: то естъ, да кадъ би на иляде година у здоровъ могла пребивати тѣлу, свагда би више знати желїла, и у знаню би расти-ла; зато на краткость живота, и на безчислене ства-ри, кое би се могле знати, сматраюи, чистосердечно е исповедао, да то управъ зна, да ништа незна, си-рѣчь у сравнѣнїю оногъ, шта їоште незна. Къ по-добномъ смиреноосебимудрїю наштїо се е и друге при-вести; и некимъ себемнимимъ и самопочитаемимъ све-зналицама самовещно доказивао е, да їоште врло ма-ло знаду. Изъ тогъ узрока, како би се съ коимъ ова-

новимъ у разговоръ пустію, казао би, да онъ ту вещь, о коіой е речъ, незна, и да би е радъ научити: зато искао би допуштентъ питати: другій пакъ, о совершенству свога свезнаня ни мало несумняюћи се, едва би дочекао да га онъ пита. Овай пакъ са своимъ питаньмъ дотле би га довео, да самъ себи противослови, и да мора признати, да ни самъ не зна, шта е до садъ мислио и учію, и да умукне. . . Абатъ Фрагіеръ, остроумно е изяснію, зашто е Сократъ овако поступао. Вознамъривши онъ (речи су реченога Абата) на постоянномъ и непоколебимомъ основанію наравоучителну науку поставити, морао е најпре све оне шарлатане у Філософіи, кои у оно време подъ именемъ Сафіста познати бяху, и са нѣовимъ преухиштренимъ риторическимъ сладкорѣчіемъ сву Грчку заслепляваху, доказуюћи за новце и за интересъ, да црно може бити бело, и на противъ посрамити њ, за лажљиве, како и што су били, показати. И тако чинећи се да ништа незна, и да е радъ одъ нѣи научити се, у самой вещи доказао би, да они сѣ празнима звече речма, и да башъ ништа не знаду. . . Некіи млади люди запитаю га, совѣтуе ли имъ женити се. Природа вамъ на то совѣтуе; али гледайте разумно: разуманъ човекъ што избере, при томе остае, а неразуманъ чини као безсловесна риба, која докъ ніе у мрежи рада би ући, а кадъ уђе рада би ошетъ изићи.

Бданъ фісіономистъ (то естъ, кои по знаци лица и погледа познае, каква су внутреня склоненія душе) рече Сократу, да нѣга, нѣговъ видъ показуе зверонаравна, безстидна и пияницу. Право имашъ, одговори онъ: къ свимъ тимъ злобама я би склонѣніе имао, да

се писамъ съ разумомъ и са словесностію изъ рана
одъ ный обуздавати научію. Похвални су, веляше онъ,
живописци, кои совршено подобіе лица на икони пред-
ставляю: но несравнѣнно веће е похвале досто-
янъ добродѣтельни човекъ, кои у души своіой об-
разъ божій показуе. Што е огледало лицу, то е со-
вѣсть души, ако се ова ту често огледа и тимъ о-
гледанѣмъ ползовати хоће: овоме Філософу, за най-
славніе свое люде дужна е Греція благодарити: нѣго-
ви су ученици Алцібіадъ, Платонъ и Ксенофонтъ. Онъ
нити е школу држао, нити време опредѣлно на то
имао: него е на свакомъ месту и у свако доба уст-
менно науку предавао. Нѣгово наравоученіе нитъ е
било мрачно, нити дивячно; свагда веселе нарави, био
е любитель простоприуготовлѣне части, гди остроуміе
и дружеска любовь ело и пиће услађаваху. Онъ че-
сто споминяше своимъ ученикомъ о свомъ ангелу со-
вѣтнику и руководителю. По разуђенію найразумніи
учителя, онъ, подъ именомъ овогъ пріятельскогъ и
небесногъ духа, здрави разумъ, чрезъ дуго искусство
просвѣштени и на любви къ добродѣтели основани
и утврђени, разумеваше. Сократъ, све друге, онога
времена и мудрования прекоестественне и неразумител-
не тайне, оставивши на страну, у самомъ срцу чове-
кову тражіо е онай први и найпоглавити почетакъ,
кои га води къ благополучію и къ блаженству: и ту
е онъ нашао, да човекъ неможе бити иначе благопо-
лучанъ и блаженъ, окромъ чрезъ правдолюбіе, благо-
твореніе и чистоту живота. Онъ представляше свою
науку тако чисто, природно и просто, да чиняше свое
слишателъ у самимъ себи наћи, шта и како о чему
мислити надлежи.

Овай славни мужъ учени друге ніе себе найбо-
ль чувао, зашто, о многобожію, о закону и о правлѣ-
нію онога времена людій, одвећъ слободно говорећи,
злобу многихъ противу себи возбуди. Нѣгови непрія-
тели найме комедіанта Аристофана, кои, са своимъ
смешнимъ шальвимъ и хитросоставлѣнимъ комедіама,
мало помало привикне прости народъ, да Сократа за
посмеяніе узме. Онда се нађе еданъ худи облагатель,
именемъ Мелитъ, кои нѣга за безбожіе обтужи, за-
што онъ о многобожію, по науци ондашнѣ елинске
богословіе не умствоваше. Лисіасъ славни Реторъ, со-
стави едно слово на обранѣніе Сократа и донесе му
на прочитаніе: Сократъ очита то съ задовољствомъ;
твое е слово, рече му, по правилама риторическимъ
преизредно саставлѣно; али се правичности и вели-
честву душе, и постоянству мудрога човека толика
майсторія слабо пристои. Нѣговъ одговоръ био е простъ
но благороданъ, у коему чисто сіяю зраци невино-
сти. Ево одъ части нѣговъ одговоръ. . . . Я самъ
кодъ васъ обтуженъ, да я кваримъ младежъ, напоя-
ваюћи ю наукомъ, почитанію богова, и правлѣнію
грађанскомъ противномъ. Моя е наука сва у томе би-
ла, да люди буду добродѣтели и разумни. Мои су
сви разговори, питаня и одговори, къ овоме концу
управлѣни били. Ако се кои одъ мои слушателя зао-
наоди, неймате узрока нѣгову злобу моіой приписива-
ти науци; имаде їй много и добри, но я нисамъ никада
изискивао да они свою доброту одъ мене припознаю.
Мое е све упражнѣніе било, да свакога стара и мла-
да, богата и сиромаша на ню увѣштамъ и наговоримъ,
да више валя почитовати и цѣнити душу словесну,

неголи тѣло и сва богатства овога света. Я самъ не-
престано казивао да богатство добродѣтель не раба,
а да изъ добродѣтели свако добро, како во обште
свима, тако и свакомъ по наособито произходи.

Ако се на овај начинъ младежъ квари, тако я
самъ повинанъ, и наказанія достоянъ. Ако ли ко ми-
сли, да я не говоримъ истину, ласно ме е изобличи-
ти. Я видимъ у овомъ собранію многе одъ мойъ уче-
ника, зашто ми ко нестане у лице? Ако ли се пакъ
они стиде што зло на свога учителя очитовати, ба-
ремъ оци нѣови, стричеви, браћа и остали сродници,
као добри грађани морали би ме тужити, да самъ я
синове и сроднике разштетио и у заблуђење привео.
Но овде се на противъ случава; сви сродници учени-
ка мойъ, за мене стое, и мою примаю страву. Со-
грађани Аѳинейци! судите ми како вамъ драго; я се
о моемъ начину живота нити разкаяти могу, нити га
изменити. Я нити самъ дезертирао, кадъ самъ подъ
оружіемъ отечеству служію, нити садъ пакъ, кадъ
самъ се предао любомудрію и науци, могу одъ мо-
ега места одустати, и моимъ сограђаномъ не казива-
ти, како могу постати бољи и благополучни. Догодъ
я живимъ и дишемъ, не могу престати говорећи вамъ:
Любезни мои грађани! найславніега града у мужеству
и у наукама на земљи! Ніе ли вамъ стидно толико
старати се за сабирати привременно богатство, и, за
скороизчезаему честь и славу краткога живота прио-
брѣсти, а немарити за вѣчно сокровиште разума, и-
стине и мудрости, и не радити за украсити свою ду-
шу добродѣтелію и довести ю у оно совршенство, ко-
ега е она способна и достойна! Осуждаваю ме неки

за то, што я свакога по наособито саветуемъ и учимъ, а небу као страшивица у обшта народна собранія да долазимъ, и цѣломъ отечеству совѣте мое да даемъ. Я мислимъ да самъ довольно знака мужества и неустрашимости како у оружію, тако и у Сенату показао, кадъ самъ за правду цѣломъ собранію на противъ стояо и кадъ се нисамъ хотео силовитимъ и безчовечнимъ повелѣніяма тридесетъ тирана покорити. А еадъ што не долазимъ у обшта собранія, то не бива ни за страхъ, ни за малодушіе, него зато, што совршено знамъ, да неби никакове учинію ползе: и да нисамъ престао долазити, давно би погинуо, безъ икакве икому користи: а понаособито съ многима разговараюћи се могао се е одъ тога ползовати, ко е хотео. Не срдите се што говоримъ слободно: свакъ ко се усуди противити се насилію и неправди, онде гди ове злобе владаю и превозмажу, себе у беду меће безъ никакве ни себи, ни другому ползе. А въ прочемъ, о Атинейци! да я у овомъ крайнѣмъ бѣдствованію не чинимъ оно, што осталии у подобнимъ обстоятелствама творе, то естъ што неприпадамъ къ ногама вашимъ, што не молимъ са сузама, што не представлямъ предъ васъ плачевну жену и децу мою, вопіюћи да се на нѣи смилуете; то нити бива изъ тврдоглаве гордости, нити изъ презренія къ вами; за вашу честь, и целога нашего града я то не чинимъ. Валя да се зна, да међу нами има грађана, кои смртъ за зло не држе, кадъ е онай кои умира, праведанъ и поштенъ, него паче животъ безчестанъ и безъ добродѣтели, горе него смртъ презиру. Садъ у старости мојой, и при мишленію кое се о мени има (било то

истинито, или мечтателно) после толики лекція кое
самъ я, што о смрти умствовати вала, предавао и учио:
би ли се већъ мени пристояло одъ смрти плашити?
и еднимъ непристойнимъ последњимъ поступкомъ,
чувствително душе мое, у време целого живота мо-
га умствование противъ внутренѣмъ совѣсти мое увѣ-
ренію, опорочити и уничтожити? . . . Нѣгови злобите-
љи превозмогну, и нѣга на смртъ осуде. Кадъ му
кажу: осудили су те на смртъ; и они ће умрети, од-
говори онъ. Нежалишъ ли растати се одъ твои прія-
теля? Скоро ћемо се састати, одговори онъ. Многи
црковни учитељи признаю га за мученика истине.
Атинейци разкаю се после о смрти Сократа. Нѣгове
клеветнике накажу, а нѣму воздвигну статуу, и по-
свете му храмъ. Живіо е 70 година.

ГЛАВА 7.

Абдала и Балсора,

Персійска Історія.

Име Хелимъ іоште є и данасъ у свимъ восточнимъ странама света на гласу. Нѣга Персіани до данашнѣга дана Хелимъ, естества испитатель називлю, зашто онъ познаваше све силе трава, разумеваше сва содѣйствія звезда, и знаяше оне тайне, коє су у души Соломона сина Давидова напечатане биле. У исто време био є Хелимъ намѣстникъ црнога двора Царєва Персійски, и верховнѣйши лекаръ Персійскога Цара Алнарешина. Овай владѣтель био є найужаснѣи одъ своіу мучителя, кои су и када у овой земљи владали. Страшљивъ, неувѣрителанъ и немилостивъ, онъ даде изъ неоснователнога подозрѣнія тридесетъ и петъ свои жена и двадесетъ синова убити, одъ кои се онъ сумняше да животу нѣговомъ могу бѣдствителни бити. На послѣдакъ скланяюћи се къ старости, умори се одъ толике на свою исту фамилію свирѣпости, и боєћи се да се родъ калифски са свимъ не изкорени (калифи су били у Арапа и Персіана цари и патриарси) да къ себи дозвати Хелима, и овако му стане говорити: Хелимъ, я самъ се одъ давногъ времена мудрости и добродѣтели твоіой дивіо! сада обаче, оћу да ти засведочимъ цѣлу мою увѣреность, кою на тебе полажемъ. Я имамъ іоште

само два сина, кои су јоште деца. Моя е воля да ии ти кѣ себи дома узмешъ, и као свою децу да ии воспитаешъ; воспитај ии у смиренѡмъ, и одъ свакога високоумія слободномъ настояню кѣ науки и кѣ добродѣтели. На овај начинъ оће се породъ Калифски сачувати; деца ће моя по мени царствовати, нити ће пакъ желити да ми за живота престолъ отму. Заповедъ Цара господина мога, испуниће се, одговори Хелимъ: поклони се Цару, и отиде.

Онъ одведе децу у свой домъ, и воспита ии у наукама и добродѣтели. Млади царевићи любляху Хелима као оца свога, и нѣговимъ наставлѣнїемъ долѣе предупеду, да у двадесетъосмой години возраста у свакој восточной мудрости искусни постану. Стариі именоваше се Ибрахимъ, а млади Абдала. Ови живляху међу собомъ у тако совршеной любви, да и до данасъ у оной земљи, кадъ се за два прїателя каже да се вѣрно любе; живе заедно као Ибраимъ и Абдала, веле. . . . Хелимъ имаѣаше едно единое дете, одну кћерь, у кое прекрасномъ тѣлу, краснѣйша обитаваше душа. Отацъ нѣизинъ ништа нїе пренебрегао био, што в ню совршенѣйшомъ у женскомъ полу учинити могло; и будући да садъ она у истимъ съ Царевићи наукама обучаваше се, тако постане међу нѣима таково живлѣнѣ, како међу два брата и единомъ сестромъ. Абдала, коєга духъ кротїи, него другога бѣше, придобїе ю са свимъ у свою любовь, и онъ ню тако возлюби, да му се чиняше, да и не живи, кадъ годъ небї са любимомъ Балсаромъ био; тако се ова незлюбива називаше дѣвица. . . . Слухъ красоте и разума ове девойке толико се разгласи, да и до ушїю самага

Калифе достигне. Овай, подъ извѣтомъ, свое нагледати синове, у домъ Хелимовъ дође и одъ нѣга закте да му и свое деце другарицу, Балсору кѣрь свою покаже. А како е види, и съ нѣомъ мало побеседи остане нѣйзинимъ пріятностима са свимъ пораженъ. Узме Хелима на само, и овако му стане беседити: Хелимъ! Я самъ намѣренъ твоимъ вѣрнимъ заслугама достойно учинити награжденіе. И за тай конаць, я данасъ, твою кѣрь, за мою избирамъ супругу. Она ће одъ данасъ, самномъ заедно надъ Персіомъ царствовати! . . . Како грома удареніе, зазвече ове страховите речи у ушима доброга родителя. Онъ добро знаѣаше счастіе многи бѣдни Царица, кое е Алнарешинъ на ово достоинство возвишавао, а при томъ и взаимна любовь кѣри нѣгове, и младога принца Абдале, ніе се нѣму подкрасти могла. Врзо се онъ поврати къ себи, и одговори съ понизностію; Владѣтелю народовъ! честити Калифъ! твой рабъ признае благодареніе твое; но буди то далеко одъ мисли твое, сѣйность крви Калифскє са крвљу твога лекара и слуге помрачити. Што реко! реко! одговори онай съ постояннимъ гласомъ; и садъ башъ не мислимъ мою речъ натрагъ узети. И тай часъ заповеди Балсору довести, коя и не санијући да би што таково стари Калифъ о нѣой помислю, како чує изъ уста родителя своєга, на какво е нѣо високо достоинство Калифъ возвисити науміо, онесвестне, падне на средъ себе, и остане ту, ладнимъ покривена зноемъ, како сушта мртва безъ движенія и диханія. Хелимъ плакаше горко, и умоли Калифа, да му остави неколико времена, да е онъ къ томъ нечаяномъ височеству полагаю,

и мало помало приуготови. Сирота Балсора, којой само помишлѣніе, да се мора одъ свога любимого Абдале за во вѣки разстати, горчіе и теже него смрътъ беше; одъ претежке свое жалости и туге падне у отчаяніе, и одъ тога падне на ню жестока огнюштина, тако да очевидно отъ данъ до данъ къ гробу се приближаваше. Хелимъ видеѣи да се она одъ болести и одъ смрти ни на кои начинъ избавити неможе, ако се пре не избави онога ужасного помишлѣня, да ће за Калифа поѣи; науми да ю съ помоѣію саме (да тако речемо) смрти, одъ Калифа и смрти ослободи; онъ спріобшти свое намѣренъ кѣри своіой, и ободри ю да се небои, она соизволи на све. Онда іой да онъ, нешто таково пити, одъ шта е морала обумрети, и неколико часа са свимъ мртвой подобна лежати. Яви Калифу да се е Балсора преставила; кои будуѣи да е ню за царицу изабрао био и нарекао, заповеди Хелиму, да е у царскимъ, црнога двора гробницама погребе. Хелимъ даде ю тамо скоро пренети и подъ изветомъ, да ће е ту пре по обичаю балсамирати, неколико дана надъ нѣомъ плакати, тако стваръ разположи, да се и онъ ту чрезъ неколико времена на само бавити и задржавати може.

Тай исти данъ кашнѣ донесесе ту и друго царске фамиліе тѣло, и то е било Абдалино. Обичай е био Калифовъ, како би ко одъ нѣгове фамиліе представіо се, таки би га безъ сваке помпе дао пренети у гробницу црнога двора; и ту би га Хелимъ балсамирао. Овай чувствителного срца младиѣ, видеѣи шта любима нѣгова страда; и не видеѣи никаква средства да іой се помоѣи може, одъ превелике жалости

и туге срца разболе се люто, и нехотећи никакова утѣшенія чути, ни ела ни лѣкарства примати, съ мирномъ предузме себи душомъ, за предрагомъ своіомъ на драгій поћи светъ. Хелимъ у таковимъ обстоятелствама видећи га, наговори га да узме неко пиће, кое ће га лакше и безъ муке умрети. Балсора се пре пробуди, кою милостиви родителъ у своя милошће пуна родителска обятія къ срдцу своме загрли: даде іой неко укрепително лекарство; и за учинити да ово болъ дѣйствиє и већу силу има, покаже іой близу нѣ Абдалу нѣнога: препоручи іой да га чува, докъ се и онъ пробуди, а самъ оде донести што за нѣову рану и подкрепленіє. Анђелъ хранитель неби могао съ већомъ любовію праведну зашчишчавати душу, него што е она любимого свога тѣло гледала и чувала. Кадъ се овай у свое време пробуди; не будући предизвештенъ о измишлѣню и майсторіи воспитателя свога Хелима: и кадъ упази при сіяню кандила, коя ту непрестано горяху, при себи душу и срце свое, неописано е било нѣгово удивленіє и сладость. Нѣму се учини да се е топрвѣ садъ нѣгова душа, у обиталиштама вѣчнога покоя пробудила, и да е нѣгове любиме духъ нѣму у сретеніє дошао, да га у блажени Божій уведе рай. А кадъ му ова придомишлѣнъ и мудро свога Отца предпріятіє разкаже и сву тайну откриє: онда онъ возда хвалу и благодареніє промислу Всемогућега, за таково благо, о себи и своіой любимой устроєніє и расположеніє. Ово обиталиште мртви балсамирати тѣлеса, на мѣсто што би га страшило и грозило, покаже му се пріятніє и веселіє, него исти Калифовъ дворъ са свимъ великолѣпіємъ своимъ; зашто

се онъ овде већ у безбѣдствию съ миломъ наоѓаше своіомъ. Она надъ гробницама ужежена кандила учине му се толико на кругу небесномъ сіяюће звезде, кое нѣму само на то служау, да онъ може гледати и видити красоту Данице свое, коя нѣму светло сунце новаго живота данъ предвозвѣщаваше — ово зданіе називаше се црни Дворъ, зашто савъ одъ црнога финогъ мермера сазиданъ бѣше. Стотина нѣгови околни врата одъ скупого црнога Ебанова дрвета устроена, одъ толикога числа стражана, све црни Арапа неуспино чуваху се, тако да ту никомъ другомъ, кромѣ намѣстнику Двора, то естъ вѣрховномъ Калифскомъ лекару, улазакъ допуштенъ небиаше. Овай самъ свакій данъ ту улазаше, кандила ужижаше, место у чистоѣи содржаваше, новоумерше балсамираше, и свако тѣло на пристойно полагаше мѣсто. За то е Хелиму дакле ласно било, свако вече деци своіой-потребни припитакъ доносити. — Персіяни вѣроваху да и душе умершихъ, у томе двору, до новаго пребиваху месеца, а у ово доба у само по ноћи, да се велике восточне райске зовоме двери саме одъ себе отвараху, и новоусопшихъ душе излазаху, и у свое опредѣлѣніе одлеђаху; и зато у ово време сви стражани ницъ на землю падаху, и съ великимъ благоговѣйствомъ и страхомъ позадуго тако лежау. Мудри Хелимъ ово народнѣ вѣкованѣ на ползу употреби свою, и тако изъ овога места децу изведе свою и одведе ѣи по далеко одъ града на гору Караканъ, гди онъ прекрасне летнѣ дворове и предивне имаше башче, кое му е самъ Калифъ поклонію, кадъ га е едномъ одъ тешке излечію болести. Овде онъ самъ венча и благослови овай вѣрни паръ деце

свое. Абдала подъ званіемъ баштована у десетакъ година, већу часть оне горе у прекрасне преобрази башче, а при томъ кнѣге, и любомудріе, а сврхъ свега еднака и непремѣнна любовь и сладко содружество миле свое Балсоре, тако га у ово залюбе мѣсто, да га за свега света царство неби променію, ни оставію био. . . .

На десетъ година нѣовогъ блаженогъ овде пребиваня, умре Калифъ Алпарешинъ, а Ибраимъ синъ нѣговъ прими скиптаръ правлѣнія. Овай у еданъ летній данъ около горе Каракана ловећи, и знаюћи, да е нѣговъ любими учитель у свои летњи дворови, поручи му, да ће га посетити и съ нѣимъ поручати. У подне дође млади Царъ уморанъ и гладанъ. Хелимъ га весело причека и лепо угости, а кадъ га развеселѣна и добровольна види, каже му да му јоште најслађу часть и најлѣпше угошченіе показао нѣе; пакъ онда разумно, мало по мало (за приуготовити га къ нечаяномъ прерадостномъ гласу) почне му говорити о Абдали и Балсори. Ђдва Царъ половину разговора чуе, остало разумевши, одъ презѣлне возхићенъ радости, скочи на ноге, и знамъ! знамъ све! воскликне. Живъ е мой братъ Абдала, и прекрасна Балсора. Падне на вратъ Хелиму, любећи га и сузама обливаюћи га рече: а сладкій немилосрдни отаць и учителю! како си могао тако немилостивъ бити, и десетъ ме година у жалости за милимъ братцемъ и за сладкомъ сестрицомъ држати! Гди су! о гди су! срце и душа моя! Отворе се съ едне стране врата. Уђе пожелаети баштованъ, водећи са собомъ свою прекрасну баштованку, а предъ собомъ гонећи чопоръ четворо дечице. — — — Што е овде слѣдовало, ни-

ти е вредность ни могуѣство пера. . . . Ибраимъ ви-
деѣи да ни пошто неможе приусовѣтовати Абдулу и
Балсору, да половину царства узму и да царствую;
да и онъ себе близу нѣи сазидати дворове, и кадъ
би годъ могао одъ многотруднога попеченія царство-
ваня, и одъ молве правльнїя и заповеданя отданути:
ту би долазїо одпочинути и ублажити се. Ибраимъ,
по довольно, царскомъ достоинству пристоеѣи добро-
дѣтельныи година, престапи се бездѣтанъ; а синовацъ
нѣговъ, првородни Абдалинь и Балсоринъ синъ, Аб-
дала именемъ, Царемъ постане.

ГЛАВА 8.

Видѣніе Алмеша дервиша.

Кадъ Алметъ дервишъ, кои свето кандило у про-
рокову гробу неугасимо чуваше, у еданъ данъ одъ
свое утрень устане молитве, кою онъ свако ютро,
предъ врати храма, къ востоку окренуть, съ лицемъ
къ земљи приклонѣнимъ исполняваше, упazi онъ ед-
ногъ у свѣтломъ одѣянію човека, за коимъ множество
служителя слѣдоваше, кои нредъ нѣга стане, и гле-
даюћи га съ неотвратнима очима, показиваше да съ
нѣмъ беседити жели. Дервишъ приступи къ нѣму,
поздрави га са учтивостію, и запити га: еда ли онъ
одъ нѣга што зактевати има. — Алметъ! одговори
странны господинъ, ти видишъ предъ собомъ едногъ
човека, коега е рука преизобилнога благосчастія съ
крайнимъ незадовольствомъ и окаянствомъ обреме-
нила. Све што самъ я икада, као средство къ благо-
получію, желію, получію самъ съ преизобиліемъ; и ово
мене у очаяніе приводити. Я жалимъ и тужимъ за бе-
жанъ времена, кое мени безъ икаквогъ уживаня про-
лази, неимаюћи ништа друго одъ будућега очекивати
времена, разве те исте суєте и попеченія, коя су ми
у прошасто преко главе прешла; радъ би да и нема
за ме ништа будућега. Ништа манѣ, грози се мени у
прспма срце, кадъ помислимъ, да и у напредакъ што-
годъ бити може. Она вѣчностъ, коя многимъ бѣднима

за утѣху служи, ужасъ на мене наводи, зашто знамъ да ће доћи и мой празни изкорениѣи животъ! а мов-
му бѣдному битію никакова неће остати слѣда, како-
годъ што видимо да се едногъ бистропловуѣга кора-
бля случава трагу, кадъ се воде за нѣимъ затворе и
сравне. О Алметъ! Алметъ! Ако си ти гдигодъ у со-
кровиштама мудрости какавъ годъ познао и нашао на-
чинъ, коимъ се у овомъ свету задовољство и благо-
получіе обрѣсти и получитьи може, молимъ те Бога
ради! покажи ми га. Я самъ съ овимъ желаніемъ къ
теби дошао, али ти нећу затаити, да и ово мое на-
мѣреніе и желя мене весма устрашаваю и плаше, да
и овде што подобно моимъ прошастимъ намѣреніямъ,
коя су ме свагда варала, осуђавала и заслепљавала,
не познамъ и неискусимъ. Съ погледомъ ужаса и со-
жалѣнія гледаше Алметъ на едно створенъ, коему
разумна словесность илиѣи душа за известни безсмртія
залогъ служити могаше, а оно се тимъ нимало пол-
зовати неумеѣаше: но скоро се опетъ на нѣговомъ
лицу, обична ведриность и тиха любкость вокаже, и
онъ му рече: Странни мужу! дерзай и небойсе, я ћу
теби радо, одъ Вишнѣга получено сприобштити зна-
нѣ . . . Я седнемъ одномъ предъ вече, одвећъ нешто
замишлѣнъ, предъ храма обградомъ; и обратимъ очи
на множество сѣмо и тамо мимоидуѣга народа. Сви
съ великомъ наглосћу спѣшаху, неки на десно а неки
на лево, ови горе, а други доле. На образу свою на-
печаѣена бѣаше брига и печаль. Сиромашніи на бога-
тѣ са злобнима и завистљивима очима гледаху, а ови
на оне гордельиве и презрителне погледе окреѣаху. У
мало речій, едѣа се ко задоволянъ и благополучанъ

виѣаше, зашто мало у нога прсима братолюбно и чо-
веколюбно срце обитаваше. О бѣдни скороизчезаема
живота люди, къ коєму концу ви тако тежите! поми-
слимъ я, у сожалѣнію о нѣима. Ви сви тражите неко
благополучіе, али за луду, ербо по свой прилици, нѣ-
га овде на земљи нема. Иначе како би могло бити,
да они, кои на себи персієску свилу и египетскій му-
селинъ носе, да су тако незадовольни, попеченія и
молве пуни, башъ као и они, кои се у преденю и
тканю тѣи матерія труде, да одъ тога свое живлѣнѣ
пристяжу и получе? Исти кириціе и слуге, кои ове
вещи на натоваренимъ камилама преко далеки песко-
вити и безводни пустина преносе, не туже се више,
него они кон ѣи купую и носе. Светли діаманти и про-
че драго каменъ ели кадро болєсть на здравлѣ пре-
мѣнити, или животъ продужити, и одъ смрти избави-
ти оне, на коима блистаю? или баремъ, можели ово
каменъ стяжательмъ своимъ толико задовольства при-
уэроковати, колика є мука они ядовника, кои ѣи у
утробама планинскимъ траже и изриваю? кои су из-
ключени изъ доброте естєства, коима є данъ и ноѣъ
свєєдно, живи погребени живе, и у вѣчномъ се мраку
муче и уздишу. Ако дакле они, кои се съ овима ску-
пима вещма диче и поносе, нису баремъ толико бла-
гополучни, колико су они, што се о томъ муче, зло-
получни, какавъ є то суетни санъ човечески животъ!
и будуѣи да се толика разностъ меѣу створенѣмъ на-
оди, како ѣе мо ми руку и разположеніе Творца без-
пристрастнимъ и справедльивимъ нареѣи? . . . У исто
време кадъ се на овай начинъ мое мисли многоусу-
губляваху и размишляваюѣи о многоразлични недо-

статки и о мени, видимимъ неуредностима у вѣстеству, наоѣхъ я по мојој памети, да би се много коешта, и другоячѣ и болъ учинити и расположити било могло. Кадъ внезапно почувствуемъ неко чрезвычайно у моимъ чувствама премѣненіе; сокакъ, и по нѣму угнѣтаеми народъ, и савъ градъ Мекка исчезну испредъ очію мои. Наѣмъ се на брду едне планине седећи, и упазимъ съ десне стране видъ Ангела Азорана изобличителя. Ужаснемъ се при овомъ видѣнію, готовъ веѣъ припасти, и негодованіе нѣгово съ опроштена прошепѣмъ утолти, чуемъ да ми рече, да тако у миру седимъ, да слушаемъ и гледамъ. Алметъ! приложи онъ. Ти си животъ свой расмишлѣню посветіо, и свагда си желіо съ разумомъ своимъ неразумне, изъ заблудѣня прелести извести, и продрзливѣ одъ пропасти злобе отвратити; али си ти кнѣигу естества безъ довольна разумѣніа читао. Она ће се садъ предъ тобомъ отворити; внимај и умудри се! . . . При овимъ речма погледши я предасе, угледамъ едну ограду тако красну, како што описую едемски вертоградъ. Посредъ ове ограде, пружаше се еданъ зеленъ путъ, а при концу овога бѣше пустиня, преко кое преставляше се непровидима мрачность; овај путъ бѣше съ свакога рода дрѣвеси осѣнѣнъ, која у исто време съ цвѣтемъ и изобилнимъ покривена бѣху плодомъ. Множество безчислено птица, на гранама ови дрѣвеса сладко пояху. Сву равницу ове ограде, многовидно по зеленой травици цвѣће украшаваше, и савъ воздухъ мирисомъ своимъ облагоухаваше. Съ едне стране овога пута, кристаловидни потокъ, по између зелени меѣща са свиткимъ своимъ теченіемъ по златномъ пес-

ну шумташе, и гдигди малена еверца съ различнымъ водни струя скаканѣмъ саставляше. Съ друге стране холмиѣи неки съ гроздоизобилнимъ посаѣени лозама и съ некаковимъ у себи пештерама, превесело и удивително очима позориште предлагаху. Съ неизреченимъ усаѣеніемъ сматраюѣи я на ово восхитителнога удивлѣнія место, упазимъ на средъ вишеописаногъ пута едногъ дубоко замишлѣногъ човека. Овай држаше прекрштене руке у нѣдри, нѣгове очи и мисли земљи бияху прилеплѣне, видъ нѣговъ издаваше печаль и ужасъ. Тешко уздишуѣи обазрео би се онъ кадкадъ око себе. Угрозио би се, кадъ би годъ погледао на предъ собомъ лежеѣу пустиню; хотео би стати, али га некакова невидима сила тамо потезаше... Коя ѡ ономъ човеку люта неволя! помислимъ у себи, да у таковомъ месту никаква нечувствуе увеселенія, и хтедо усудитисе одъ Азора о томъ изяснѣніе просити. Но онъ предваривши прошеніе мое, рече ми: Погледай садъ на лево: кнѣига естества предъ очима твоима отворена стои, сматрай и уразумисе! Погледамъ на лево, и увидимъ меѣу двема каменитимъ планинама одну широку песковиту поляну. Ништа се ту зелена невиѣаше, и обе оне планине ни найманя неосѣняваше сѣнчица. Сунце са средъ небеснога круга среде съ пламенити свои зраци безводну ону опаляваше поляну. Али при концу ове, отварашесе весела, плодоносна, съ весели лугови и ливадама, и съ великолѣпнима зданіяма и дворовима украшена страна. Насредъ оне суве поляне усмотримъ едногъ трудосноснѣгъ; праомъ покривена и зноемъ обливена човека. Полу нагъ, жеданъ и утруѣецъ, съ веселимъ лицемъ и очима на

ону лепу гледаюћи страну, тамо усрдствоваше . . . Я сада обратимъ лице къ Азорану, и зажелимъ одъ нѣга, овога видѣнія изяснѣніе. Споменисе Алметъ, рече ми онъ, да овай светъ, у коему люди за неко време живе, ништа друго нѣ, него путъ и прешествіе у другій; и да нѣово право благополучіе не зависи толико нити отъ лепоте нити одъ ружноће пута, по коему они шествую, колико одъ намѣренія и конца, къ коему они теченіе управляю свое. Страхъ или надежда, у којима они овде живе, опредѣлява цѣну нѣовога намѣренія и конца. Онай несрећный, кои у оной лепой огради остати желяше, и на ограничіе ограде съ ужасомъ гледаше, благе надежде лишень будући, све оне пріятности, кое подъ нѣимъ, надъ нѣимъ, и около нѣга стояху, нечувствоваше. Всегдашній страхъ, да оно кое нити баремъ уживаше, не изгуби, непрестано га мучаше. При онако сладкомъ пѣнію птица онъ бяше са свимъ огуглао. Зелена трава, неувеняемо цвеће, плодоносна дрвеса, тихо теченіе, бистрота, и шуштанѣ потока, и свію они вишеописани предмета красота, ни пайманѣ дѣйствіе на нѣговима већъ затуплѣніма чувствама причинити немогаху: зашто онъ ни о чему другому већъ мислити немогаше, свагда и непрестано само о оной пустини и мраку, кое ту окружаваху ограду, мислећи. А напротивъ овога, онай, што преко оне песковите и многотрудне прелазаше поляне, бияше при свемъ труду и муци благополучанъ, зашто, пріятни погледъ на весело трпеливодушного путешествія свога окончаніе нѣга утѣшаваше, и благонадеждіемъ срце нѣгово прохлађаваше. Свакій дакле, кои себе за странна и прищелца на овой зе-

мљи сматра и познае, мало мари, ели путъ коимъ онъ пролази раванъ или нераванъ, цветовитъ или песковитъ и трновитъ, само надали се онъ да ће у такво место доћи и доспети, гди исто трнъ овога живота пута изгубићесе и исчезнути. Шта е дакле вѣчна премудростъ неравно и неправедно разделила? Оно, што у свакомъ состоянію може човека благополучнимъ учинити; а безъ шта мора човекъ у комъ му драго состоянію бѣданъ и окаянъ бити, то е добродѣтель, а ова е свакомъ могућа, и често маленомъ селянину возможна, неголи великомъ дворянину и властелину. Немой дакле никада заборавити ово видѣніе, и сохрани дубоко у срцу твоје речи моје да можешъ заблужденима путъ къ благополучію показати, и судбине божіе предъ кратковидѣнимъ човеческимъ умомъ и очима оправдати. Јоште речи Азоранове у моима звоняху ушима, кадъ ово чудесно предамномъ изчезне видѣніе, и ја се опетъ нађемъ у предворію храма седећи. Сунце е већъ давно зашло било, и множество народа къ покою обратило. Торжествена полуноћна тишина и всецѣло разрѣшеніе неразумнога моего сумнѣнія, напуни срце моје тишимъ покоемъ, и тако ти се вратимъ подъ покровъ мой, славу воздајући Свевишнѣму, што ме е научіо оправданіямъ своимъ Ово е, странни брате! видѣніе моје, које се е мени, не само за мене, но и за тебе и за многе друге, кои ово буду чути, и овимъ се ползовати соизволе, открило и показало. Ти си до садъ благополучіе само у привременима и прелестнима тражіо вещима, зато си се одъ твоега желанія и намѣренія све то већма удалявао. Иди садъ съ Богомъ, и обрати срце твоје къ добро-

желанію и къ благотворенію ближнѣга твоего. Употре-
би сву снагу ума и могуѣства твоего на ползу чове-
чества. Подай руку помоћи стару и неяку, и избавляй
гдигодъ можешъ слабога одъ силніега. Држи страну
праведнога, и ополчайсе колико више можешъ на
злюбу и неправду. Помишляй са услаждениємъ далеко
будуще време! и на ма' ѣнешъ познати, да ѣе благо-
надеждіе, коєга си досадъ лишенъ био, доѣи, и срце
ѣе се твое у теби разблажити и развеселити; нити
ѣнешъ къ тому сматрати на кончину живота твоего, као
на неко страшило и пустиню тамомъ покривену; но
паче, као на тихо пристаниште по бѣдствіа полномъ
овога многометежнога живота волнованію. При окон-
чанію ови речій, Алметъ учтиво и любко поздрави и
одпусти страннога господина; кои се пунъ утѣшенія
и радости, съ постоянимъ оставше време живота инѣ-
че расположити намѣреніємъ, возврати во своя.

ГЛАВА 9.

Еданъ царъ папуча.

У Багдаду живляше еданъ старъ богатъ трго-
ваць, именемъ Абу-Каземъ-Тамбури, кои за свою ску-
поћу и тврдињу на далеко разглашенъ бѣше. Овай,
при свемъ богатству своме носаше на себи некакву
стародревну альину и димліе, на коима се ништа дру-
го него крпа на крпи виѣаше. Калпакъ нѣговъ бѣ-
ше тако мастанъ и измрлянь, да се ни пошто немо-
гаше познати, какве е бѣе у свое време она чоа би-
ла. Али између остали нѣгови альина папуче му най-
знаменитіе бяху, всеобштенароднѣ вниманіе заслужи-
ваху, и свію, како мѣштана, тако и странны людій
очи на себе привлекаваху. Ђонови, ови на гласу па-
пуча, бяху свуда наоколо съ велики ексері подкова-
ни, а горня часть нѣова съ различни дебелі парчети
закрилѣна: зашто одъ десетъ година овамо, мало се
кои крпачъ у Багдаду наоѣаше, кои се неби похвали-
ти могао, да нѣе на нѣима свою хитрость и майсторію
показао. Нужно дакле, морале су оне тако тежке би-
ти; а и люди опетъ, чрезвичайно будући на подсмея-
нѣ лакоми, бадъ би годъ што хотели до сіясета авет-
но и преко мѣре тешко показати, свагда би то Абу-
каземъ-Тамбуровимъ папучама приуподоблявали. Овай
трговаць ходѣи едномъ по великой Багдадской піяци,
упази неке, особите величине и лепоте, кристалне на

продаю предложене сосуде; и како у послу искусанъ, познавши да се на томъ добити може: купи ѿ, и даде дома однети. У исто време чуе, да еданъ Ароматопродавацъ одъ заимодаваца свои утешнѣнъ, принуђенъ беше око педесетъ ока преизрядне ружичне воде, будъ зашто, само за готове новце, продати; поити тамо, и ту воду за полакъ цѣне купи, чини е къ себи пренети, и у новокуплѣне кристалне сасути судове. . . О овой благоуснѣшной трговини пунъ радости, науми и на свое ядно тѣло штогодъ прегорети, и као некій алвалукъ себи даюћи, пође се за петъ паара у баню окупати: то, што е онъ давно и давно желію, али е све способна времена, да како то заслужи, очекивао. Свлачећи се ту, рече му еданъ познаникъ, шалећи се, да би већъ време било и онимъ яднимъ папучама опростити, и мира имъ дати, и чрезъ то себе одъ всенароднѣга посмеянїя и поруганїя освободити. Я самъ о томе, одговори Абуказемтамбури, више пута помислю; али онетъ, кадъ ѿ добро погледамъ, чиними се да нису іоште за оставку: а съ друге стране видишъ и самъ, каква су намъ садъ времена! нейма ти ни войске ни куге, да баремъ половину людства помори, и тако ће ѿ еданъ путъ нестати, те би они кои би остали, кои новчићъ више имали. Люди се плоче до сіясета, као да изъ землѣ изничу, а новаца одъ данъ до данъ све то манъ на свету. То говорећи свуче се и оде у топицу, мислећи у себи, даћу я моїмъ петъ паара, али ћу се долге трти и прати, докъ сву стару кожу са себе не сперемъ. Тарући се тако и перући; дође и градскій Кадїя, свуче се у истой соби и оде купати се. Нашъ

стари трговацъ пре готовъ, изиђе и обуче се у свое
лепе альине, али му нема папуча, но на они месту
нађе некакве нове и лепе. Помисли, да му е онай
пріятель, кои се е съ нѣмъ о папучама разговарао,
ту шалу учиніо; башъ ѣу му зафалити кадъ га ви-
димъ, рече: навуче папуче и пође весео дома. А кадъ
ти намъ Кадія изиђе, чисто се упронасти, видећи на
место свой, свему свету познате, Абуказем-тамбуро-
ве папуче. Полете слуге по трагу, доведу га предъ
судію у овога папучама, и како явни изобличени лу-
пежъ, за непретрпнати кою стотину по табани, морао
е на томъ месту толико за наказаніе платити, за ко-
лико би иляду нови папуча купити могао. Како до-
ма дође, праведникъ на свое папуче разпалѣнъ гнѣ-
вомъ, учини имъ страшну предику, даде имъ триста
анатема, и баџи ѣи у рѣку Тигаръ, коя испредъ нѣ-
говогоъ течаше пенцера. . . Сада онъ изъ глубине ср-
ца уздишући купи себи здраве и яке папуче, и почне
данъ и ноћъ штудирати, како ће свою надокнадити
штету. Другій данъ за тимъ, изиђе за обазрети се
по граду, неби ли што ефтино купити нашао, што би
се скупѣ препродати могло. Тай исти данъ рибари
ловећи рибу; осете нешто потешко у мрежи, кою кадъ
на брегъ извуку, грозница ѣи спопадне, кадъ виде, оно
чему се никадъ нису надали, Абуказем-тамбурове па-
пуче, кое се са ексери свои за мрежу заквачиле бя-
ху. Люто раздражени и разярени, почну страовито
псовати и проклиняти. Спопадну ѣи, пакъ съ нѣима
крозъ госине пенцере, кое поразбіяю; али сва несре-
ћа нѣе у овомъ била, него улетивши папуче у собу,
ударе на найвећа кристална стакла, немилостиво ѣи

раздробе, и тако пропадне сва у њима ружице вода до капљ. Како е старцу било, кадъ предъ ноћъ улѣзе у свою собу, нађе цендере полупане, стакла поразбіяна, ружице воду просуту, и исте њгове старе папуче ту. Баци палпакъ съ главе на землю, стане се лунати у груде и чупати браду, и тако жестоко запевати и яукати, да све комшіе потеку на ларму. Обично при оваковимъ обстоятелствама мораю се люди чудити и смеяти: а кадъ се сити наизсмею, безъ шале о томъ размишљаваюћи приключенію, сви единоголосно нађу, да съ тимъ папучама ніе чистъ посао; и да мора съ њима нечастиви (силе га сапеле) дѣйствовати и управляти, ха! рече онда еданъ стари оца, то ти е башъ оно што самъ я давно негда у едномъ Браминскомъ ѣтану читао, да и альине кадъ се одвећъ за дуго носе, улѣзе у њи некаква злога човека душа, и тако ти се рихтигъ повампире! То е вала; рекну сви единоголасно и единомудрено; а да шта би друго било? него їи треба здраво осушити, пакъ онда са свимъ сажећи, а пепео њіовъ у вѣтаръ на восточну страну развеяти. Онда їи узме бѣдни стараць, и гледаюћи їи съ плачевнима очима, и машући съ главомъ метне їй на стреоу спрама сунца, да се ту здраво осуше и припеку. Сутра данъ комшійска деца скупе се и почну се играти изподъ стрее, гди папуче стаяху; у исто време дођу две мачке, поте-раю се и поколю по стрей, и оборе папуче, кое падну двоіой деци на главе и разбію їи имъ. Стане дрека деце, притрче њіови оци, узму папуче и съ кр-вавимъ главама децу, и оду кадіи на тужбу. Овай дакъ себи дозвати онога чіе су папуче, и съ громови-

тимъ запита га гласомъ, познае ли онъ ту обућу. Познаемъ у зли часъ по мою главу! одговори: а да што садъ опетъ овде траже? да нечинимо много речій; и овде едва се съ яки новци одъ дегенека избави и курталише, а напуче му се предаду натрагъ, Онда онъ за избѣгнути еданпутъ толике беде и напасти, замота ѿ у некакве крпетине, завеже ѿ здраво съ ужетомъ, и како се смркне, отиде у свою башчу, и затопи ѿ дубоко у землю. Неко изъ комшилука привреба га при овомъ послу, и мислећи да онъ ту нешто друго сакрива; улѣзе ноћомъ преко плота, изкопа онай завежляй, затрпа яму и поравни землю, пакъ изиђе напољ. А кадъ съ довольно труда одрешни то, позна да се е у свомъ чаянію осрамотіо: завеже опетъ брже болъ оне сгадљиве напуче, и баци ѿ у еданъ олука, кудъ поміе протекаваху градске. После мало дана удари здрава киша; и вишеречени пакетъ стане негде у цевъ олука, а около нѣга накуписе блато, тако да вода немогући протицати, удари натрагъ. Наводне се неки подруми и дућани, и учини се велика многима штета. Майстори пођу прегледавати и чистити водне цеви, нађу онай завежляй, и однесу га кади. Брже по Абу-каземъ-тамбуру. Смртни зной нападне на овога, кадъ дође упази ту свое напуче. Проклети човече, рече му кади, шта си најпосле съ овимъ напучама науміо? или си заръ намисліо, да савъ градъ съ нѣма упропастишъ? садъ морашъ толику штету платити! . . . Честити кади! одговори онай, већъ я садъ видимъ, кои е съ тимъ напучама посао, кадъ су оне и оданде изишле, гди самъ я нѣи закопао био! све ћу платити и све ћу пре-

трпѣти, штогодъ праведни судъ изрече и осуди, само
то те молимъ и просимъ, избави ме беде и напасти!
ослободи ме одъ тѣхъ моѣхъ главнихъ непріятелей, и не дай
ми ѣи више натрагъ! И самъ кадія нѣ се могао одъ
смерти задржати, и почемъ онаѣ плати штету учинѣну,
кадія даде негде те чудновите оставити папуче, а нѣ-
га одпусти са увѣщаніемъ, да одъ садъ за дуго старе
вѣхъ не носи папуче.

ГЛАВА 10.

О усажденію размишлѣній.

Да усажденія ума превозходе сва пріятія телесни чувства, ово є една истина, одъ свію они призната, кои су кадри били способности у дѣйствія ума у цѣлой нѣовой сили, височеству и пространству употребити. Обаче, овай свепревозходнѣйшій родъ умнога усажденія, само се наоди у они разумѣнія предметі, кои се чрезъ многотрудну, дуговремену и високу получаваю науку. Овде пакъ говори се о нижемъ роду увеселенія ума, кои є свакомъ одъ саме природе дарованъ и кои нити велике и особите вредности, нити труда, нити многе изискує науке. Ово ништа нє друго, него усажденія простого и тихого размишлѣнія и воспоминанія прошасті приключенія стварій, къ коима однако отворенъ путь, како простого разума землѣдѣлцу и занатціи, тако и ученомъ Философу: но ништа манѣ ово упражнѣніє и забавка, кадъ се у лепъ обичай уведе, при свой своіой лакости и простоти, сладчайше задовољство човеческого причиняванія живота. . . . Мало се ко съ увеселеніємъ не опоми-нѣ првога періода дѣтиньскога свога возраста. Стари люди єдни година кадъ се састану, радо се разговараю о ономъ што су у дѣтињству чинили, кудъ су

трчали и како су се играли; и свагда су имъ мила она иста мѣста њіови први забава. Колико се редій, безъ никаква посла, не сврати човекъ, у кое мѣсто, гди е младость своју проводіо, и живо себи воображавајући оно свое прво весело време, ако ће и старъ бити, чини му се на свакій начинъ, као да се помлађуе. Опоминѣшъ ли се брате то и оно, што смо у школи радили? и опетъ оно друго, кадъ смо изъ школе изишли: мѣсто, време године, часъ дневи, ништа ти ту неостане не споменуто. Кадъ смо птице или рибе ловили, раке ватали. А знашъ ли пакъ, кадъ се оно почунасмо? и бисмо зато и зато тучени? Често се садъ ономе сладко смею, зашто су онда здраво плакали. Свакоме су човеку природно мила малена дечица, зашто е и онъ у свое време башъ онакій био, и онимъ истимъ путемъ прошао; и то у себи, ако и тамно, али дѣйствително воображава, или боль да речемъ чувствуе. Савъ седъ и погрблѣнъ старацъ застави се, стане съ благовољѣніемъ гледа, и кашлюћи осміява се на игрице малене деце, и на њіово напрућу, аки би било на брзима коньма утркиванъ; и на мѣсто да би имъ се ругао, често жали што и онъ међу њи пристати неможе. . . Само кадъ е човекъ разумно и добродѣтелно животъ свой проводіо, нейма тога времена у теченію живота о коему онъ размишљавајући, да се или неползуе, или не утѣшава и не развеселява. Цицеро е ово лепо назначіо, а и само искуство ствари сведочи и доказуе, да найстраовитія, и бѣдствителнія у животу претрпѣла и преко главе претметнута приключенія радо се размишљаваю и спомину. О Боже сачувай! чуємо често: шта онда подне-

смо? малъ не изгубосмо! за длакомъ остаде животъ! Сновидѣнію, на некій начинъ, прикладна су приключенія живота: колико е страшни санъ што смо снили, толико га усерднѣ казуемо. Старіи Офицери и солдати ништа радѣ не преповедаю, него гди су у найвећой ватри, и крвопролитію били. Пѣсне наши стари найвише су овога содржанія. Отсече главу! скреса до рамена руку! и изгубе толико юнака! Сви Славеносрбски Народи у разнимъ кралѣвствама и државама, и кадъ се жене, и кадъ празную, и кадъ се годъ часте, и кадъ годъ путую по мору или по суву, оваке пѣваю пѣсне. Али сврхъ свега, овакова при нашимъ народима пѣсана, тако е куріозно заключеніе, да би грехъ био съ молчаніемъ то преминути. Кадъ онай кои пѣва сврши пѣсню, онда съ громовитіимъ гласомъ овако заключи: Домаћине теби на поштенъ! мили гости на ваше веселъ! Онда било, садъ се споминяло! вами пѣсна, мени чаша вина! А при томъ мореплавателъи, коихъ е свагда у корабльи живлѣнъ; они люди опетъ да довека живе, имали би шта разказивати, све страшнѣ за страшнимъ. У исто време кадъ ово пишемъ, знамъ шта ће ми многіи, ово читаюћи рећи. Шта е ономъ садъ опетъ у главу звекнуло, да намъ таково нешто на штампу издае, што и старе баке све до едне знаду? Гледай му садъ те памети, и тобожнѣ науке! ако е само то у кнѣигама што онъ чита, на часть му таке кнѣиге, нека ѿ самъ премеће, ми све то и безъ нѣгови кнѣига знамо! . . . Нѣ само ово, има јоштъ гдишта, видиће те, и мило ће вамъ бити. Но што се и до ови стварій каса, валя овако мислити. Облакшати и развеселити човечес-

кій животъ, ово е најдражіи даръ, што се човечес-
комъ роду даровати може. Права е истина, да савъ
нашъ животъ, кадъ већъ прође, (а мора проћи, илѣ
намъ се оће илѣ неће) подобанъ е едне ноћи санку.
Алѣ нейма тога човека, кои кадъ годъ леже, да неби
радъ лепо што, пріятно и весело саняти, а не ружно
и невесело. Немогу се люди свагда частити, нити не-
престано спавати: и ніе свакомъ дато цѣли животъ
съ кнѣигама проводити. А сачувай Боже! ово неби ни
добро било, ерѣ ко би іи онда лебомъ нараніо? Али
мислити, о стварма размишлявати, различна премѣнѣ-
нія живота опоминяти, са словесномъ душомъ, съ до-
бримъ и благимъ срцемъ утѣшавати се, забавляти се,
полезно и весело упражнявати се, и свое време про-
водити, ово свако може, и прастирка при яганыци, и
пастирѣ при овцама, и дрвосечацъ у гори, и путникъ
на путу, и прочая. Ко не види дакле, какова би пол-
за изъ овакова упражнѣнія людма произлазила, кадъ
би овоме совершенно изъ дѣтињства приобичавали и
приобучавали. Зашто су люди по вишой части несрећ-
ни? зашто зло чине. А зашто зло чине? зашто зло
говоре. А зашто зло говоре? зато башъ, зашто зло
и накриво и пакостно мисле. Ове су све ствари тако
заплетене, како годъ еданъ ланацъ, и една часть по-
теже за собомъ другу. . . . Навластито, размишлява-
нѣ и воспоминаніе естъ найсвойственіе упражнѣніе,
и найслађа забавка разумне старости. Старъ човекъ
колико е више лишенъ снаге, крепости, и склонѣнія
къ забавама и упражнѣніяма, юношескому и мужес-
кому возрасту пристойнимъ, толико е више обогаћенъ
различнимъ знанѣмъ и искуствомъ прошати времена:

зато и мора све свое задовољство наодити, путуюћи воспоминаніємъ, и проходаюћи се размишляванѣмъ крозъ разне догађае прошастога живота. Ово е причина, да се стари люди са себи подобнима радо разговараю и време проводе; и младимъ (на некій начинъ правично поносећи се) разказую, шта су давно чули, шта су запамтили, очима своима видли, и искуствомъ познали. У свој исторіи се види, да или природомъ особљиво обдарени, или наукомъ украшени умови, кои су по превозходителству познавали и чувствовали сладость умнога са собомъ сообраштенія, да су се свагда клонили чрезмѣрне молве и метежа, и да су свага или уединѣніе или съ немногими обхожденіе, предпочитовали. Да су люди често еданъ другомъ досадни и несносни, томе свакій може свой узрокъ и извиновлѣніе имати; али да е човекъ самъ себи несносанъ и на досади, ово се ни чему другомъ приписати неможе, разве непоредочности нѣгови мислій. Свакій е могао самъ собомъ ласно искусити, како су благодѣтелне, добре и веселе у човеку мисли. Ако се кадъ у ноћи неспава; имали се само о чему добромъ мислити; проведе се лако неспаваня време. Путуе ли ко: има ли само о чемъ пріятномъ мислити, и неосети како далекій путъ пређе. Ружно време, и што обичаваю рећи, дуго време, које многе, навластито имуће и добростоеће люде гризе и мучи, никада ніе на досаду ономъ, кои се у дружеству лепи наоди мислій. Скупштине и содружества пріятельска никада нису пріятнія и увеселителныя, него кадъ се лепо мисли, ибо лепе мисли, лепе разговоре рађаю. Ово е обште мнѣніе учени людій, да благополучіе безсловесни жи-

вотиня у томе се состои, да почемъ задовољъ чувства своя, навластито тр'бу, ни о чемъ другомъ не мисле. Напротивъ, благополучіе словесни створеня, неограничує се само съ тѣлеснимъ чувствама; но башъ онде гди се безсловеснога створеня окончава задовољство, ту се словеснога починѣ. Срце, умъ и душа изискую са свимъ другога рода задовољства. На примѣръ, најближњи союзи сродства, безсрдачнога соединѣнія и согласія; просто рећи, безъ добродѣтелства и пріятељства ништа нису. Желя лепога имена, зактеванѣ взаимнога почитанія, надежда безсмртія и вѣчнога живота, ево чакъ кудъ се мапа словесности способностъ и свобода. . . . Една баснословна но наравоучителна и къ овоме, о чему е овде речъ, весма пристойна исторія, каже намъ, да една царска кћи, доброга срца и душе дѣвица, сматрајући на толике заилетке, смутѣ и незадовољства, овога живота: запроси усрдно одъ Бога, да іой даруе провести животъ безъ такви желанія, која смућаваю срца, а задовољствовати се немогу. У овомъ пожеланію отиде у стране оца свога башче. Туда ходајући, слушајући поянѣ птица, и разматрајући различна цвећа, траве и плодносна дрвета, разсуждаваюћи о разнимъ животиня свойствама, упустити се у такове усладителне мисли, да и неосетивши проведе цѣли свой животъ. А кадъ се као къ себи поврати, нађе се са свимъ стара и изнемогла. Поврати се дома, и благодарећи Богу на тако тихо и весело проведенѣмъ животу, представи се съ мирѣмъ. . . . Платона Елинскога Філософа сви прѣовни учитељи божественнимъ наричу: понеже онъ неколико стотина година пре Христа, до толикога

є совршенства ума достигао, да є познао, да блажен-
ство небесни духова у понятіама, размишлѣніама
и разумѣніама безчисленогъ божіегъ створеня и исти-
не состои се. Севисочайше превозходителство хріст-
янске науке ніє ништа друго него ово исто. Овде
смо іоште као у мраку, (учи апостолъ Павелъ) и што
познаемо, то бива као у некомъ гаданію сиречь по-
гађаню и придомишлѣнію: но онамо, то єсть у буду-
ћемъ животу, видићемо истину лицемъ къ лицу. . .
Свакъ види дакле ласно, какавъ є многоцѣнни и пре-
красни божій даръ єпособство мишлѣня, воспоминанія
и разуђенія стварій: и колико већу ласность и со-
вршенство у овомъ животу душа наша получи, толи-
ко се приуготовлѣніа и способніа къ будућему животу
чини и показує. . . Но, на страну садъ съ овакимъ
високимъ стварма. Моє намереніє ніє овде било, пре-
дику о таковимъ стварма говорити, да ми се люди
чуде. Сиђимо дакле по ниже, и говоримо тако, како
насъ свакъ домашити може. Свакій є човекъ радъ,
де се другима пріятанъ види; а ако онъ у себи руж-
но, невесело, лукаво и злобно мисли, никада добримъ
людма неће пріятанъ бити. Внѣшни видъ лица, осмі-
яванъ и погледъ, показую внутренъ состояніє мислій.
Сама намъ природа показує, колика є различность ме-
ђу смеіомъ и погледомъ беззлюбивима и престоєрдеч-
нимъ, и међу политичнимъ, лукавимъ и притворнимъ.
Истина є, да се често можемо преварити, еудећи ми
о другима, а другіи о нама; а причина є тому съ
обадве стране єднака. Ми би ради да други о нама
добро мисле, а ми о нѣима како намъ є драго. Зашто
дакле да они немаю то исто право, коє ми оћемо да

имамо? Али самъ овде садъ мало сишао съ пута. Говоренъ е било, вообште о размишльиваню и напоми-
няню прошасти догађая, и о упражнѣню съ добримъ
мислима, што намъ услажденіе причиняваю. Но поми-
слиће ко: о свеблагій Боже! колико насъ е, кои би
и о преминувшима приключеніама размишлявајући,
узрокъ имали веселитесе! По вишой части морамо
жалити, стидитесе и срамити, опоминюћи толике бу-
далаштине, преваре, погрешке, и обиде другима учи-
нѣне. А ово насъ мучи, а неуслађава. Права истина,
ништа манъ и ово е потребно и полезно, зашто намъ
може служити на покаяніе, исправлѣніе и на побол-
шанъ живота у напредакъ, ако оѣмо да будемо па-
метни и больи. Жене, коѣ толико маре за лепоту и
пріятность лица; да знаду, како лепе и добре мисли
исту лепоту красе и узвишаваю и природну нѣову
пріятность услађаваю: да то оне знаду, никадъ неби
шта зло и пакостно ни помислили. Ништа нѣ тако
кадро, едно лепо лице наружити и нагрдити, него
злюбне, пакосне и завистльиве мисли. Обично су сви
люди тога мнѣнія, да ништа нѣ сакривеніе одъ ми-
слий: зашто ко може знати, шта другій мисли? али
кадъ добро стваръ разсудимо, нѣ тако. Бданъ чо-
векъ кои свагда зло, лукаво и притворно мисли;
исти знаци и осѣнѣнія лица нѣгова, погледъ очію,
мицанъ уста и движеніе цѣлога тѣла издаю га; и
овде се посведочаваю оне свете речи: ништа нѣ та-
ко тайно, да се не появи. Кадъ би наша природна
способностъ, мисли и размишлѣнія чрезъ другій оби-
чай, тако благоустроена била, ми би у истима пр-
сима нашимъ наодили неисточими изворъ нашега за-

довольства и улаженія. Но за достигнути управъ къ
сладоу размишленія, никада не валя изпредъ очію
да губимо правила честности и добродѣтели, до-
бро знаючи, да онай неможе чувствовати сладость
мишленія, кога е срце са свимъ пусто любви, и
лишено беззлобія и доброте.

ГЛАВА II.

О пріяшеляма и пріяшельству.

Представляюћи различне наравоучителне матеріе, весма є полезно и скупа увеселително, те исте ствари, у самомъ нѣовомъ дѣйствию и исполнѣнію показивати: а то бива чрезъ Исторію. Полезно є, зашто є врло ласно упамтити оно, што се у примѣру и у самовешт-номъ исполнѣнію тога и тога види. Увеселително є пакъ: ерѣ насѣ чини познавати знаменита и славна лица, коя су давно пре насѣ на свету живила. Доводи насѣ у познанство и содружество съ нѣима и возбужава у нама желю, да се и ми нѣима, по нашемъ могућству, у похвалнимъ исправлѣніяма подобни покажемо. Пріятельство є прво основаніє човеческога временнога живота и благоденствія. Кадѣ би сви люди на свету добри били, сви би, еданѣ другомѣ пріятельи били; и сви би могли блигополучни бити. Колико є тешнѣ и ближнѣ међу людма сродство, ако међу нѣима нема согласія, взаимногѣ благоволѣнія, доброжеланія и вѣрногѣ сладкогѣ пріятельства, толико су они чрезъ то исто соединѣніє и сродство несрећни и бѣдни. Мужѣ и жена, братѣ и сестра и найближе комшіє, еднога мѣста жители единоплемени и единоваравни, безѣ милогѣ пріятелства шта су друго, него туга и неволя? Ништа нѣе обштіє међу людма него име пріятельи: зашто природа їи сама учи,

да то мора нешто лепо бити: али по несрећи, и на велику срамоту човеческога рода, ништа се толико не безчести и злоупотребљава, колико ово пречестно име. Ни съ чимъ се толико не лаже и не лицемѣрствуе, колико съ овимъ светимъ именовъ. Предъ очима любезни, предрагій пріятель, а мало по далѣ, на другомъ месту, међу други пріятельи, посмеятель, опорочитель, и люти хулитель и гонитель. Праведни Боже! есу ли зато словесностію и разумомъ люди одарени, да се чрезъ тай исти даръ хитріе вараю, и неразумніе међу собомъ да живе и сами себе несрећни-ма да чине! Да шта е тому причина? ніе толико ни исто неразумно самолюбіе нити неправедно користолоубіе, колико худо воспитаніе и неваляли згадљиви обичаи. За воспетити дакле, колико е възможно, пріятельства злоупотреблѣніе; и за дати познати людма шта е пріятель, шта ли пріятельство, даће намъ овде Исторія найпре стара, то естъ пре Хріста, а по томъ и нова неколико лепи приклада. . . Алцібіадъ наодећи се у великой слави и благополучію у Аѣни, многи му се показиваху пріятельи, и заклиняху се да су му тѣломъ и душою предани. Онъ їй сазове у едну ноћ, и каже имъ, да е учинію неко убійство, и да е сасвимъ пропао, него да му помогу да се спасе, онда га сви подъ разни изговори оставе: самъ Калія остане при нѣму, обећаваюћи му се, да ће съ нѣимъ, ако буде до потребе и умрети. Онда све друге отера одъ себе, а овогъ задржи за свагда. Зопиръ вѣрни другъ Дарія цара Персійскога, за помоћи га обладати Вавилонъ градъ, даде себи одрезати носъ и уши. Прибѣгне у обсъденни градъ, казуюћи да му е то царъ у-

чинію. Грађани познаюћи нѣгово искусство, учине га своимъ войводомъ. А овай преда Дарію градъ, кои, кадъ га види тако осакаћена, рече му са сузами: Ахъ преко мѣре вѣрни друже, што си учинію? Незнашъ ти, да би я сто оваки градова дао за тебе цѣла? . . . Димитріє отъ Фалера філософъ перипатикъ, Теофрастовъ ученикъ, управляо є десетъ година съ республикомъ Аѣинейскомъ, по томъ изгнатъ, пређе у Фиву и овде живећи како прости грађанинъ, учини пріятельство съ філософомъ Кратесомъ, у коѣга содружеству задоволеніи є живію, него кадъ є у великомъ господству био. . . Філиппъ, Маѣдонскій Краль, ходѣи по сокаку гди се нѣгови робови продаваху, єданъ одъ ови видећи да Краль на себи свою альину носаше, рече му: послушай ме Філиппе, да ти єдну тайну кажемъ, по коєй ћешъ познати, да смо пріятельи. Овай приступи; а онъ му рече тихо, намести одѣяніє твоє, срамно є владѣтелю тако ходити. Правда, рече Філиппъ. Ти си мой пріятель. Даде му слободу, и обдари га. . . Псамменитъ, Краль Егѣпетскій, живію є на 525 година пре Хріста: побеђенъ и заробленъ са своіомъ фамиліомъ одъ Камбиса Цара Персійскога, виђаше кѣрь свою како робиню да воду носи, а сина свога у гвозђу, и све то сносаше съ великимъ терпѣніемъ; а кадъ упави єднога старога пріятеля у крайнѣмъ божеству, старости и слабости, гди леба просашо, заплаче горко. Запита га Камбисъ, како то бива? Да моє несчаствіє и деце моє сносимъ, у томе ми помаже крепкодушіє, а да вѣрна друга у таковой нужди видимъ, и да му помоћи немогу, толико немамъ крепкодушія. . .

Александеръ велики заслужио є ово презиме не

толико побѣдама цѣлога востока, колико, чрезъ нека дѣла своя, коя показую истинито величество душе. У лютой грозниці, нѣговъ любезникъ и лекаръ Філиппъ приготвля му лекарство, на данъ пре сраженія са свомъ силомъ Даріевомъ, одъ кога сраженія зависаше сва слава нѣгова. У исти часъ кадъ лекарство узети мораше, прими писмо да се чува Філиппа, еръ є подмиѣненъ да га отруе. Улѣзе Філиппъ съ лекарствомъ, Александеръ даде му писмо да чита, а онъ узме лекарство, пакъ на ма пошє, чрезъ то показуюћи, да нѣму нє могуће о познатомъ пріятелю сумняти се. Шта є мислю Александеръ то чинити? Філиппъ є поштенъ човекъ! Філиппъ є пріятель мой! онъ є одъ мене свагда имао шта є годъ хтео, и може имати што-годъ хоће! Како би мене отровати могао? То нє могуће! Али, буди што му драго, я волимъ умрети, не-го о нѣму зло помислити. . . Діониси први овога имена владѣтель Суракузски, одсуди на смртъ некога знаменитого Сициліанина именемъ Дамона. Овай за-проси само ту милость, да му допусти за неколико дана поћи видити пре смрти свою жену и децу, и разположити свое ствари, обећаваюћи у уречени данъ доћи. Ако нађешъ ко ће за тебе умрети, ако ти не-дођешъ, пустићу те, рече му Краль. Пвѣіасъ нѣговъ пріятель едва то дочека, и даде себе поставити у та-мницу на мѣсто пріятеля свога. Отиде онай. Осване уречени данъ: нема іоште Дамова. Сва фамилія Пвѣієва плаче и тужи. Сви га грађани наричу нера-зумнимъ и лудимъ. Овай тѣшећи свое гсвораше имъ: Неплачите, о малоумни! сва є моя жалость, што знамъ, да ће мой Дамонъ доћи. Ето и подне, уречени часъ

погублѣня; поведу овога на мѣсто усѣченія, доведу га ту. Кадъ у еданъ ма, савъ народъ на позоришту почне съ гласомъ удивлѣнія и ужаса единоголасно викати: Ено! ено Дамона гди лети на коню! Дотрчи овай савъ озноенъ, и се веселимъ лицемъ нападне на на вратъ друга свога говорећи: Пвѣія мили! любезни Пвѣія! нећешъ ти умрети! я ћу умрети! Све множество народа потоке проливаше суза; и самъ Діониси, иначе жестокъ и свирепъ човекъ, при овомъ необычномъ виђеню умекчаше срцемъ, притече, и са сузама почне ону двоицу грлити и любити. Неће васъ ни еданъ умрети! о ви достойни да во вѣки живите! Ахъ смилуйте се, примите и мене трећегу у тако друштво. Антипатеръ Краль Мецедонски и Фоционъ Аѣинейски грађанинъ, бияху пріятельи. Краль запроси нешто одъ Фоціона, што не比亚ше правично. Како можешъ то изискивати одъ едногъ пріятеля? рече му овай: кадъ би я то учинію, био би твой худи ласкатель, а не пріятель. . . Писистратъ, Аѣинейски грађанинъ, кои е потомъ своимъ отечествомъ завладао био. Неки пріятельи нѣгови оставе га и отиду негде на само живити. Онда овай натовари своѣ петребне ствари, пакъ отиде къ онима; запитаю га они: што е дошао? Дошао самъ, одговори овай, или да васъ повратимъ къ себи, или да останемъ овде съ вами; еръ безъ васъ немогу живити. . . Темистоклесъ и Аристидъ, наречени праведни, найпоглавитіи Аѣинейски грађани, бияху свагда еданъ другомъ противанъ и непріятельи. Едномъ изберу іи грађани на неко посланство, велике важности за цѣло отечество. Ови излазећи крозь врата градска, овде брате, рече Темистоклесъ Ари-

стиду, оставимо наше неприязнство, и будимо пріятельи докъ благополучно оправимо дѣло любимого отечества. А кадъ се вратимо, можемо га, ако хоѣшиъ, оиетъ узети. . . Садъ ће мо казати неколико примѣра изъ нове Исторіе. Една сирота жена дође къ кардиналу Фарнезе, и запроси одъ нѣга петъ цекина, да плати кирію обиталишта свога, зашто иначе хоѣе да е истераю напољъ. Кардиналъ се спомене, да е у младости своіой имао пріязнство съ мужемъ ове жене, даде іой цедульицу да поѣе къ нѣговомъ домоуправителю. Овай по заповеди свога господина изброи жени педесетъ цекина, коя то видећи каже домоустроителю, да Кардиналъ ніе ню добро разумео; она непотребуе више него петъ. Овай отиде и яви то. Има право добра жена! моя е погрешка; подай іой нетъ стотина цекиня, и реци іой да кадъ годъ буде имала потребу, некъ се пріяви. . . Госпођа Габріелли д'Естрее, любезница Хенрика четвртога Краля Француского, свади се съ кралѣвимъ министромъ Сулли, и вознамѣри да га у кралѣву немилость метне. Краль кои весма любяше свога министра, пошлѣ га къ своіой любезной, да іой каже одъ стране нѣгове, да онъ жели и хоѣе да се помире. Она га прими ружно и съ жестокиимъ речма. Онда краль седне са Суллоиъ у кола и поѣе самъ тамо. Ова онда употреби сву свою хитрость къ своѣмъ намѣренію, но видећи све безъ плода; почне горко плакати, жалећи се што онъ мари више за еднога слугу него за ню. Краль видећи, да колико е више онъ совѣтоваше и моляше, толико се она огорчаваше, раздражаваше, и Суллу слугоиъ називаше; одговори іой весма срдито: Шта слуга?

знай госпођо, да я лакше могу наћи десетъ любезница, као што сте ви, него єднога слугу и вѣрнога пріятеля, као што є Сулли. И то рекши окрене се и пође. Онда она потрчи, падне на колена предъ Краля, проси проштєнь, обѣштаваюћи се да ће се чисто-срдечно помирити съ Суллоу. . Ришардъ Мидъ Медикъ у Лондону имаѣаше пріятельство съ другимъ Медикомъ именемъ Фреендъ. Овай последњи, будући членъ парламента, покаже се весма противанъ Министерству, и чрезъ то воздвигне на себе таке силне непріятелъ, да га метну у тамницу, гди се издательи царства затварау. Око шесть месеци после први Министеръ разболе се тешко; дозове къ себи медика Ришардъ Мида. Овай познавши министрову болєсть, каже му да нико други кромѣ нѣга неможе га излечити. Но да неће му дати ни чаше воде, докъ се не пусти Фреендъ изъ тамнице. Министеръ видећи се у такой нужди изходатайствує слободу онога и тако получи здравлѣ. Онда Ришардъ Мидъ однесе своєму пріятелю Фреенду петъ хіляда гинєа, што є одъ нѣгови муштерія у време нѣгова затвора залужіо био. . Воатюръ избрани французски списатель у вѣку Лудовика тринаєстога, изгуби на игри све своє новце, и остане дужанъ две стотине дуката. Онъ пише своєму пріятелю Костару єдно писмо иштући одъ нѣга ову сумму новаца. Ово писмо знаменито, изобразує намъ животворно знаке совршенє увѣренности и слободє чистосрдєчнога и совршенєгога пріятельства. Ово є. . . Я самъ ючє изгубіо все мое новце, и савише двєста дуката што самъ остао дужанъ, и обєћао самъ се данасъ платити. Ако їи ти имашъ, пошлѣ ми їи таки,

ако ли ѿи немашъ, а ти узайми одъ когъ ти драго. Било како било, валя да ми ѿи ти узаймишъ, и чувайсе добро да ти ко други не уграби испредъ мустаѣа овако благовременство учинити ми любовь; мени би жао било тебе ради; како те я познаемъ, ти би се мучно за тимъ утѣшио. За избѣгнути дакле ову несреѣу, болъ разпродай све што годъ имашъ! Ти видишъ овде како любовь уме заповедати; я осеѣамъ у себи велико веселъ овако съ тобомъ поступаюѣи, и я знамъ добро, да би чувствовао ѿштъ веѣе, кадъ би и ти тако самномъ радіо, али што ѣу ти я, кадъ си ленштина; садъ суди, писамъ ли я о теби добро извѣстанъ. . . . Я ѣу дати мою облигацію ономъ, кои ми донесе твоѣ новце. И добаръ ти данъ. . . . На овако писмо потребанъ ѣ и подобни одговоръ. . . . Я имамъ неизказану радость, да самъ у состоянїю показати теби малену службу, кою изискуешъ одъ мене; никада не би помислю, да би се могла купити такова радость за двеста дуката. Почемъ самъ то садъ познао, давмъ ти мою речъ, да ѣу докъ самъ годъ живѣ, имати готовъ еданъ маленъ капиталъ на твоѣ разположенъ. Заповедай ми слободно све што ти буде угодно: ти неѣешъ моѣи имати толику радость зоповедаюѣи ми, колика ѣе моя бити, теби служеѣи; али колико самъ ти годъ покоранъ, оѣу ти се противити, ако ме будешъ принуѣавати, да уземъ одъ тебе облигацію.

ГЛАВА 12.

О Любви ко Отечеству.

Любовъ ко отечеству не состои се само у томе, да е свакоме мѣсто рођеня и воспитанія миліе него сва друга на свету. Ово е обште и природно безсловеснимъ животиняма, зашто и ова се нерадо очуждаваю одъ мѣста, гди су се изъ почетка обикла. И за удивленіе е, како често конь, воо, и свиня, кадъ се гди далеко преместе, измакну се и побегну натрагъ на свое прво селиште. Ово произходи изъ природнога свакогъ животногъ своелюбія, да онамо тежи, гди му се чини болъ. У човеку пакъ словесномъ и разумномъ ово исто врођено прирастіе много е височіе и благородніе: зашто онъ: за благородность, кою у срцу своме къ милимъ и сладкимъ своимъ родителъмъ и воспитателъмъ чувствуе, люби и загрля цѣле и многочисленне народе, кои су истога рода и езика, и често крять жертвуе свою свойственну користь, и драговољно исти животъ свой за ползу и за благополучіе едиnorodни свои презире и предае. Годъ у едномъ народу не буде довольно число такoви благороднодушни патриота, свагда ће онъ или съ едне или съ друге стране рамати: но будући да у тако превозходни патриоти изискуе се хероическа добродѣтель, слѣдователно овакови неможе се довольно число наћи, докъ се годъ у цѣли народъ не уведе чрезъ

воспитаніе, наставлєніе и правлєніе, разумна любовь чести, и лепа имена: зашто, догодъ у вдной націи нїе много веће число добри и правдолюбиви него зли и неправедни, неможе се наћи довольно число найбольи. Овде нїе намѣреніе тужити се и ядати, што нїе тай и тай такіи, а онаи и онаи другоячіи, зашто то нѣи дакле не помаже; познати, у чему стои погрешка, и почети исправляти се и по всевозможной снаги поболшавати се, како свакомъ понаособљиво, тако и свима во обште, ово є могуће. За дати дакле къ овомъ преблаженомъ предпріятію поводъ и руководство, шта може бити болъ и обштеспасителнїе, него представляти любоподражателной младежи изъ старе и изъ нове исторіе такове добродѣтельне люде, кои су чрезъ любовь ко отечеству и къ роду своме безсмертно за собомъ име оставили? и ово ће бити ове главе матерія. . . . Архілеонида, проста жена у Лацедемоніи, имала є сина отмѣнне храбрости, кои за отечество воююћи погине. Некїи страни, кои су при истой баталіи били, доне су іой тай гласъ, весма похваляюћи сина нѣна, и говорећи да ће се мучно у Лацедемоніи еданъ нѣму подобанъ наћи. О! ви се варате! одговори великодушна жена: истина да є мой синъ храбаръ био; али, фала Богу, има отечество наше много больи одъ нѣга. „Ево преполезно мудрованіе за отечество, да нико себе и свое за найболъ не почи- тує.“ Аристонъ синъ и наслѣдникъ Агасиклеовъ, у правлѣнію лацедемонскомъ читаюћи єдно преизрядно надгробно слово на похвалу Аѣинеана, кои су съ Лацедемонци воююћи погибли; рече: шта неби овай човекъ могао рећи, кадъ би хваліо оне, кои су ове слав-

не люде побѣдили? . . . Лацедемоняни убію посланика Персіискога. Оракулъ Аполлоновъ предскаже нѣма велика злополучія, ако они сами на себи ту обиду не освете. Онда Бурисъ и Спартисъ два знаменита Лацедемонца отиду своевольно и предаду се Ксерксу Царю Персидскому, да на нѣма отмасти смръть свога посланика, како му драго. Царъ удивльнъ толикой любви ко отечеству, задовољи се съ тимъ, и на мѣсто што би їи дао мучити и убити, запроси їи да остану при нѣговомъ двору. Како би могли лишити се нашего отечества, ми, кои смо своевольно дошли за нѣга умрети? . . . Марко Фуриусъ Камилъ, кои е живіо на 365 година пре Хріста, био е петъ пута Диктаторъ (всеверховнѣйшій повелитель) Римскій, и четири крѣтъ е тріумфироа, то естъ: како совршени непріятеля побѣдитель съ великомъ славомъ у градъ улазіо. Овай будући едномъ цензоръ (судія нарава, обичая и домаѣга владаня грађана) до овога степеня нико нѣ могао доћи, кои нѣ пре найвеће службе и достоинства грађанска на себи имао. У овомъ достоинству онъ, назначи све оне за инфатъ (то естъ за непоштене) у отечеству, кои би неженѣни остарили; судећи да е свакъ поштенъ човекъ дужанъ платити естеству и отечеству оно, што е одъ нѣй приміо, сирѣчь дѣтородіе и нѣово воспитаніе. . . . Овомъ славномъ мужу при обсъденію града Фалера дође градскій магистеръ съ поглавити грађана децомъ, и каже му, да е онъ преваріо децу као да ће съ нѣма проходати се, и да їи садъ предае нѣму; толико, колико да му е градъ предао, и да онъ одъ нѣга ожидава достойно своіой заслути награжденіе. Право е, одговори славни Римля-

нинъ, да таки свога отечества пріятель пристойно получи награжденіе: заповеди га свући до коже, везати му руке наопако, дати деци лесково пруће, и рече имъ, да га тако шибаюћи дотераю у градъ. Што в овому у граду било, то се ласно погодити може. Доста, да грађани видећи у непріятелю толику добродѣтель, изиђу, донесу му ключе града и предаду му се. . . Овога истога грађанина после толике нѣгове службе и славе Римляни узбуне се и изтераю га у вѣчно заточеніе. Но онъ свагда у своіой добродѣтели непремѣненъ и недвижимъ, излазећи изъ града ове знамените изрече речи: о Боже дай, да ме Римляни никада неузтребую! Отиде у єданъ маленъ градићъ Арденъ, и ту живляше мирно. По некомъ времену дођу му ту гласи, да су Галли ударили на Римъ и завоєвали га. Садъ онъ заборавивши неблагодарность свои сограђана, и обиду себи учинѣну, ніе ни очемъ другомъ мислю, него како ће отечеству своѣ помоћи. Позватъ одъ они Римляна, кои су у Капитоліумъ прибегли били, и одъ ный опетъ за Диктатора примлѣнъ; пође, удари на Галле, побѣди ѿ са свимъ и ослободи градъ, и дочека радость, само великимъ душама природну, неблагодарнимъ своимъ добро учини, и онога истога града зидове, изъ коєга єсть безчестіємъ изгнатъ и протеранъ био, воздвигнути и обновити. . . Кодрось Краль Аѣинейскій на 1071 годину пре Хріста и Хираклиде почемъ савъ Пелопонезъ освое, дођу и обсѣдну градъ Аѣину. Аѣинейцемъ є предвозвештено било одъ оракула, да ће они свое непріятель побѣдити, ако нѣюєъ Краль одъ непріятеля погине. Хираклиде то знаюћи заповеде свой сво-

іюй войски, да у сраженію нико не додирне Краля. Овай то сазнавши преобуче се у дрвосечца альпине, оде не далеко одъ града съби дрва, и ту нађе начинъ и почне кавгу съ неки солдати непріятельски, и лупи едного са сикиромъ, а они ти намъ га онде свега изкомадаю. То е било предъ вече, а сутра данъ Аѣинейци пошлю къ непріятелъмъ, искати тѣло убіенога Краля. Ови кадъ то сазнаду, нападне ужасъ на нѣи, и побегну брже-болъ. . . Аѣинейци обседли су били градъ Оасъ, грађани у последнѣмъ недостатку ране умирау одъ глади, но нико несмѣяше усудити се споменути, да се предаду, зашто су били узаконили, да, ко спомене о томъ, буде погублѣнъ. Онда некій Хегеторидъ одъ први грађана метне себи уже на вратъ и дође у собраніе и рече: я знамъ, какавъ смо ми учинили законъ; но са свимъ тимъ я себе предамъ смрти; убите мене, а спасите себе и фамиліе ваше, и предайте се непріятелю. Све собраніе похвали нѣгово великодушіе, не убію га, него уништоже учинѣни законъ, и предаду се. . . . Една Лацедемонка иошлѣ свога роба да распита, што се чини съ войскомъ, гди она имаѣаше петъ синова свои. Кадъ овай дође, каже іюй, да су сви петъ синова нѣни изгинули. Я те нисамъ послала, одговори она, да видишъ, што чине синовии мои, него войска наша: е-смо ли ми побѣдили? Есмо; отвѣшта онай. Благодареніе буди Богу, рече она, и отиде у Храмъ принети жертву. . . Леониду вожду Лацедемонскому поручи Царъ Ксерксъ: оди къ мени, сложи се самномъ, пакъ лу те я учинити Кралѣмъ цѣле Греціе. Ти незнашъ, шта е поштењъ, одговори му овай: я желимъ за сло-

боду Греція воююћи погинути, а не на нѣйзино удару-
ченіе съ непріятельи нѣни слагати се. Овай полазећи
у Өермопуле съ триста свои витезова, гди е знао да
ће погинути, овако се са своіомъ женомъ поздрави:
Ишти себи достойна мужа на мѣсто мене, роди и од-
рани отечеству добродѣтельни грађана. . . Ликургъ Ла-
цедемонскій законодаваць, управляо е своимъ Отече-
ствомъ на 870 година пре Хріста. Овай почемъ даде
своимъ сограђаномъ полезне законе, каже имъ, да
ће поћи совѣтовати се съ Делфскимъ оракуломъ, мо-
жели се што болъ іюштъ узаконити, но при томъ у-
чини ии да се закуну, да ћеду хранити те законе, докъ
се годъ онъ не поврати. Ови се закуну, а онъ онда
отиде, пакъ се већъ никадъ не врати. . . Педаретъ одъ
поглавити Лацедемоняна не будући примлѣнъ у число
три стотине совѣтника, кои се у нека времена изби-
раху, возврати се изъ собранія радостанъ, благодарє-
ћи Богу, да нѣгово отечество има три стотине болъи
одъ нѣга. Ово се зове любовь къ патріи, а не, кадъ
я нисамъ, некъ ніе ни онъ. . . Пелопидасъ генералъ
Өивейскій, полазећи на войску, жена нѣгова прешору-
чи му да умѣри храбрость свою, и да чува животъ
свой. Богъ некъ уреди (одговори онъ) съ моимъ жи-
вотомъ, моя е дужность садъ отечество чувати, а не
животъ мой. Ёданъ клеветникъ тужаше Пелопиду
едногъ храброгъ солдата, да свагда о нѣму зло гово-
ри. Нека онъ служи само како валя отечеству, пакъ
нека говори о мени што му драго! одговори онъ. . .
Фоціонъ осуђенъ одъ свои неправедни сограђана от-
ровъ пити, запитаю га, имали што сину своему нало-
жити. Имамъ, рече: да служи своимъ отечеству вѣр-

но и праведно, како и я што самъ служю, и да не мари, што самъ я за мое службе оваково награѣніе получю. . . Помпоніусъ солдатъ Римлянинъ покаже чудеса храбрости біюћи се противъ Митридата, но наипосле савъ покривенъ ранама падне у руке непріателя. Митридатъ очевидацъ нѣговога мужества, прими га милостиво, и даде га излечити: а потомъ защита га, можели се садъ поуздати у нѣгово пріятельство. Не, одговори Помпоніусъ, докъ си годъ непріатель отечества моего. . . Регулусъ конзулъ и генералъ Римскій, по многима надъ Картагинезами побѣдама, и самъ одъ они побѣѣнъ и зароблѣнъ буде. Они га пошлю у Римъ да принуди сенатъ, да промене робове, съ уговоромъ, ако не сврши, да се врати назадъ. Овай отиде; али несматраюћи ни на што, него на ползу Отечества; совѣтуе Римляномъ, да то ни пошто не чине, и по свомъ обеѣнаню врати се натрагъ, гди га са ужаснимъ мученіями уморе. . . Рутіліусъ неправедно изгнанъ изъ Рима, некій познаникъ рече му, да се оѣе каква междоусобна брань у Римѣ случити, те би се онда могао повратити. Избави Боже того! отвѣща онъ, то би ми жалосніе било него мое изгнаніе. Одъ овога еданъ пріатель запроси нешто неправично, што му онъ одрече. А да коя ми е полза одъ твоега пріятельства, кадъ ништа одъ тебе за атаръ не могу получитьи? А каква би била мени одъ твоега, кадъ би я чрезъ то морао непоштенъ и неправеданъ бити? . . .Themistoclesъ, еданъ одъ найславніи грчки генерала, по многимъ побѣдама на мору и на суву надъ Персіяни одржанима, доѣе на игралишта олимпическа, све множество народа престане гледати

на различне игре, сви са удивленіємъ обратe очи на нѣга. Ёданъ гласъ изъ безчислени уста захуи: Ено Ѳемистоклесъ! ено га! Онда онъ рекне къ нѣима око себе: ово ми е довольно награженіе за све службе мое Греціи учинѣне. Спремајући се поћи на непріятелъ, даде представити на театру бой два силовита петла, кои се ужасно издеру и окрваве, пакъ онда рекне къ народу: видите ли браћо сограђани! Ови се петлови не поражаваю онде ни за жене свое, ни за децу; ни за огньишта своя ни за отечество, него само за юначство, и за славу: съ каквомъ храбростію дакле не морамо ми на непріятелъ наше ударати, кои за све то воюемо? Прекословляјући се са Еврѹбіадомъ Лацедемонскимъ вождомъ, овай немогући съ речма на край изићи, подигне штапъ да онога лупи. Удри ме, старіи си, рече му Ѳемистоклесъ, само послушай оно што е свой Греціи на ползу. Ёданъ грађанинъ весма сребролюбивъ искаше едну службу у којой онъ са штетомъ общества могаше много добити: Ѳемистоклесъ, знајући да е онъ иначе вреданъ, и да чрезъ сродне свое и пріятелъ могаше ту службу получить, даде му довольно суму новаца съ уговоромъ, да онъ више то не тражи. Овай славни витезъ изагнать изъ Аѳине, прибегне къ главному свомъ непріятелю Цару Персійскому; кои на мѣсто што би га озлобіо, чувствуе неизказану радость, да има у свомъ царству такога човека. Учини велику часть и веселъ, и у наступившу ноћ спаваюћи трипутъ е викао у сну: Ѳемистокла Аѳинеанина я имамъ! даде му на нѣговъ ужитакъ три града у малой Азіи. По некомъ времену вознамѣри Царъ воевати на Грецію, и Ѳемистокла

вождомъ войске свое учинити: но овай, и у истомъ изгнанію, свога отечества гореѣй любитель, за не во-
евати противу нѣга, учини жертву Боговомъ, пакъ се
отруе 65 те године живота. . . Ёрасивулъ Аѣинеанинъ
избави отечество свое одъ тридесетъ тѣрана, возвра-
ти све изагнате и разбегнуте граѣане, утврди прву
слободу и законе, помири све заваѣене сограѣане, у-
чинивши їи да се сви зауну на свеобѣнту амнистію,
то естъ заборавлѣнъ свію прошасти меѣу собомъ учи-
нѣни обида; онда му рекне еданъ сограѣанинъ; о ко-
лико є теби дужно отечество за толику твою заслугу!
О блаженъ я, одговори Ёрасивулъ, ако самъ му платію
што самъ му дужанъ за роѣненіе и воспитаніе! . . . Ё-
данъ хинескій Царъ допусти одвеѣъ велику власть
велможама царства, кои весма удручаваху народъ.
Шестъ стотина людій еданъ за другимъ, кои су се на ово
тужили, убіѣни буду; но ништа манъ доѣе онетъ е-
данъ са истомъ тужбоомъ, и каже Цару, да є и онъ
дошао за отечество животъ дати, и да има 10 хи-
ляда, кои су у овомъ истомъ намѣренію. Царъ до-
ѣе у себе, развиди стваръ, и даде погубити оне,
кои су узрокъ народнѣ тужбе . . . Баїардъ зовоми не-
устрашими, еданъ одъ први официра Франца прво-
га Краля французскога: біюѣи се са Шпаньолци бу-
де смртно ранѣнъ, даде себе положити подъ едно
дрво за изданути ту. Кондтаблъ одъ Бурбона, кои
одступію бѣше одъ Франціе, своєга отечества, и ов-
де воѣаше войску шпаньолску, види Баярда у тако-
вомъ станю, и споминюѣисе првога съ нѣимъ дру-
жества доѣе сожалити га. Ви сте веѣега сожалѣ-
ніа достойни господине, одговори Баярдъ: я уми-

ремъ као поштенъ воинъ за отечество мое и за кра-
ля; а ви съ непріятельми нѣови на нѣи воюете, и
проливате кровь браће ваше.

ГЛАВА 13.

О любви къ наукамъ.

Како чрезъ словесность различава се человекъ одъ
остали безсловесни животина, тако се чрезъ знанъ и на-
уку разанствуе искусанъ и ученъ человекъ одъ сасвимъ
невѣже и простака. Душа безъ довольногого понятія и
разумѣнія ствари наоди се у дѣтиньскомъ состоянію;
а колико више разумева и зна, толико се веѣма при-
ближава къ природномъ своему совершенству. На-
властито кадъ е наука съ добродѣтельнымъ животомъ
соединѣна, онда се человекъ може нареѣи, колико е мо-
гуѣе у своему совершенству. Колико су полезне вели-
кимъ царствама и многочисленнымъ народима науке,
различна знаня, художества и рукодѣлія, то се у са-
мой ствари види и доказуе; нити е потреба о томъ,
као о нечемъ сумнителномъ и неизвѣстномъ простран-
нословити. Овде ће мо само у примѣру знаменити лю-
ди видети, шта валя о овой матеріи умствовати. . .
Александръ великій тако е био у науку, што му е
Аристотель предавао, залюблѣнъ, да е често говорио:
волю би бити у науки тако великъ како што е Ари-
стотель, него у власти и богатству како што самъ я.
Побѣдивши Дарія наѣ се у сокровишту нѣговомъ
еданъ сандучиѣ савъ одъ драгого каменя: сви се не-
доумѣваху што би надлежало у тако драгоцѣномъ сан-
дучиѣу држати: Омирово сочинѣніе, рече Александръ.

Бданъ куриръ дотрчи, и въздвижуѣи руке вопіе: о благополучне новине што ти носимъ побѣдоносни Александре. Овай кои башъ читаше Омира, презнесе, и запита: Шта! ніе ли коіомъ среѣомъ Омиръ воскреснуо? Онъ сва своя исправлѣнія за недостаточна почитоваше, неимаюѣи ко би іи тако, као Омиръ опи-сао. . . Августъ Цесаръ ніе никадъ помислю, да ће се похудити, почитуюѣи учене люде за свое пріятелъ. У своимъ писмама къ Орацію тако се съ нѣимъ пре-писуе и шали, као са себи равнимъ. Онъ е позивао къ себи овога поету за секретара свои повелѣнія и за сотрапезника; али Хорацій одвећъ улюблѣнъ у свое спокойство, одрече се то примити; нити се зато Це-саръ на нѣга разсрди, него ти седне, пакъ му овако напише: Септиміе ће ти казати, на кои самъ му я начинъ о теби говоріо; и ако си ти тако поноситъ те ниси приміо мое пріятельско предложеніе, зато се я опетъ нећу на тебе срдити ни одъ тебе поносити. Сврхъ тога што му Хораціе іоштъ ни єдно парче одъ свои сти-хотворенія ніе приписао био; овако се чисто пріятельски, све єднако шальивимъ начиномъ на нѣга тужи: нека до-бро знашъ, да самъ се на тебе разсрдіо, зато што ти у твои стихови нећешъ самномъ найвише да беседишъ. Валя заръ да се боишъ, да ће ти у последня време-на стидно бити, показати се да си мой пріятель био! . . . Юліусъ Цесаръ тако е любіо науку и читанъ кнѣига, да найвеће войске нису могле овой гореѣой страсти пре-пятствовати нити нѣга одъ кнѣига одтргнути. Онъ чув-ствоваше у исто време всенародни позоришта и игра-лишта. Увѣрителнѣйше доказателство тога, показуе нѣгово исто сочиненіе. У средъ лупе оружія, и у за-

мѣшателству међуусобни и странски воеваня и битва, списао е онъ свой коментаріумъ или свою на кратко исторію, съ намѣреніемъ да служи само за матеріалъ оного, кои би Історію нашироко писати предузео; али е то съ таковомъ красотомъ и сладкорѣчіемъ написано, да се іоште нико нїе усудио єдну єдину речъ къ томе придодати. Нити се е нашао овога вида списатель, кои би себи поласкао, овомъ простомъ и милитарскомъ сладкоречію сравнити се. . . Димокритъ Авдиритъ остави свою богату очевину, и прође Египетъ, Етіопію, Халдеу и Персію за наукомъ. При повраћенію своме у отечество нѣгови сограђани чуюћи га о стварма, кое они непостизаваху говорити, издаду га за изумлѣна, и дозову славнога медика Ипократа да га лечи. Овай кадъ позна човека удиви се нѣговой пространой науки и знаню, учини съ нѣмъ пріятельство, и полазећи рече онима, кои су га дозвали; васъ би валяло лечити, а не Димокрита. . . Марко Авреліусъ Цесаръ, названи філософъ, иђаше често слушати предаванѣ Секста философа. Софиста Луціусъ зачуди се томе. Не чудисе, рече му Цесаръ: разуманъ човекъ валя свагда да жели научити оно што іоште незна. . . Плиниусъ названи старіи, провео е вишу часть живота у арміи и у правлѣнію грађанскомъ; ништа манѣ списао е пространу исторію натуралну и многе различне књиге. Неимаюћи доволно времена за читанѣ, при ручку и вечери свагда би имао єднога, кои би му читао. . . Сципіонъ названи Африканъ, био е особити любитель књига, и зато би говорио: никада нисамъ у болѣмъ дружеству, него кадъ самъ безпосленъ. . . Кадъ би ко хтео описивати само неку часть велики и

славни лица одъ царева, кралѣва и принца, до най-простіѣга селянскога рода людій, кои су се чрезъ любовъ къ ученію, и чрезъ науку поставили, и колико су роду човеческому ползу причинили, томе би потребовало више кнѣига. Но овде се чини само едно воспоминаніе о томе, за возбуди почитаніе и желю къ читаню полезни кнѣига и любовь къ знаню; и зато ћемо узети одъ безчислени примѣра само јоште еданъ у Аристотелю. Овај фѣлософъ био е учитель Александра великога. Ученикъ е својој власти покоріо многа царства и народе, а учитель душе и умове ученога свега. Владѣніе Александрово и у исти наслѣдници нѣгови престало е са свимъ и изчезло оно четири стотине година послѣ нѣга. А Аристотелъ е владао не само надъ Еллино-греческимъ него и надъ хрѣistianскимъ и маомеданскимъ душама и умови, гди е годъ науке било, до две илѣде година после смрти свое. И садъ башъ, кадъ е престао онако монархически владати, као што е пре сто година, са свимъ тимъ остао е и до данасъ у високомъ достоинству, у правлѣнію мудрости и науке, и остаће довека. Александеръ и нѣгови наслѣдници учинили су хиляду пута више зла него добра, како своимъ народомъ, тако и онима около себе, непрестанно біюћи се, колюћи се, и изстребляюћи човеческій родъ, како годъ гладни куряци кадъ упадну у стадо оваца. А Аристотелъ разпространіо е свою власть безъ огня, безъ мача, и безъ икаквогъ оружія; и што е найвише, безъ анатема, безъ проклетства и безъ сваке претнѣ. Онъ е само изтраживао истину ствари, отварао е людма очи, душе и ума, и показивао имъ е шта е добро, шта ли

е зло, шта е благочиніе и добаръ поредакъ, шта ли смутня и непоредакъ; єднимъ словомъ, шта е наравно и умно, добро и красно, шта ли пакъ зло и ружно. Но ако е онъ и произлазіо одъ Ескулапіева поколеня, свезнаюћій Богъ ніе могао бити, ибо ни Ескулапіусъ ніе то био, премда су га за неко време зато почитовали. . . Овай преславни и велики на свету човекъ био е къ своіой супруги добри и неисказане любви и милошће супругъ; любіо е не само за живота, но и по смрти нѣзиной као божество неко. Какавъ е био милостиви и благій родитель, види се изъ нѣгове наравоучителне філософіе, кою е за сина свога Никомаха сочиніо. Филипу Александрову оцу, єдно малено писмо што Аристотелю пише, позиваюћи га да му сина учи, више поштєня чини, него све нѣгове войне, кровпролитія, и исто стреломъ у бою избодено око. . . Ово е. . . *Одъ мене Филипа, къ теби Аристотелю поздравлѣнїѣ!*

„Даємъ ти на знанѣ, да имамъ єдногъ сина. Я благодаримъ боговомъ! не толико што су ми га дали колико да су ми га дали у време Аристотелѣво. Надам се да ћешъ га учинити моимъ достойнимъ наслѣдникомъ, и Кралѣмъ Мацедоніе достойнимъ. . . Филиппъ ніе знао, како ће овомъ човеку любовь и благодарность свою показати. Даде му богатства, воздвигне му штатуе, и даде изнова сазидати савъ градъ Стагиру, у коме се е онъ родіо. Аристотелъ утврђаваюћи, да е само поштєно и праведно живлѣнѣ Богу угодно и пріятно; а приноси и жертве животиня, и внѣшна помпа церемонія и храмова, да су сасвимъ божеству излишне вещи. Чрезъ то узбуни на себе

суовѣріє. И нехотећи да и съ нѣмъ Аѣиняни учине исту будалаштину, што су са Сократомъ урадили; подигне се одатле и пређе у градъ Халцисъ, гди се и престаѣ, на 322 године пре Христа: две године по смрти Александровой: шестдесетъ трећега года живота. Између знаменити нѣгови речій ове су. Бданъ клепетуша човекъ говорећи много запита га, да му нѣ на досаду. Ниси одговори онъ: можешъ говорити колико оћешъ, еръ те я не слушамъ. . . Будимо пріятельи Сократови и Платонови, но найвише истине. Некій се младићъ поносаше, да е изъ славнаго отечества: а еси ли тога достоянъ? запита га. . . Шта е димъ и помрчина очима, то е пристрастіє души. . . Благодѣяніє е лепъ цвѣтъ, али брзо вене. . Себе не валя ни фалити ни кудити. Надежда е санъ буднога човека. . . У бѣдному нетреба гледати човека, него човечество. . Коренъ науке е горакъ, али е плодъ сладак. . . Ко у добродѣтельи и науци путує, свагда напредъ нека гледа. . . Човекъ добаръ и разуманъ разликує одъ зла неразумна, колико живъ и здравъ одъ болесна и мртва. . Пріятельство е єдна душа у два тѣла. . Наука у благополучію служи на украшеніє, а злополучію на утѣшеніє. . Любомудріє учи чинити своєвольнo оно, што други силомъ чине. . Добродѣтель стои у среди. . .

ГЛАВА 14.

О славнимъ женама.

Жене составляю половицу човеческога рода, слѣдовательно и причиняваю полакъ (или и више) нѣгова благополучія, ако су разумне и добре, такођеръ и злополучія, ако су неразумне и зле. Жена се рађа на светъ да буде супруга, мати и воспитательница. А шта може бити светѣйше, пречестѣйше, милостивѣе, благодѣтелнѣе, слађе и найнужднѣе на свету одъ те три ствари. Кадъ е човекъ само у својој кући са женомъ својомъ миранъ, спокоянъ, у слогѣ и у любви, онъ може да не мари за савъ светъ. А кадъ човекъ окуси и позна сладость домаћега мира и слоге, онъ жели и съ комшіяма своима мирно, сложно и пріятельски да живи; и тако се ове ствари разшираваю, и све то далъ разпространяю и производе најпріятнѣйше сложеніе човеческога благополучія. И на другомъ месту споминало се, колике е неисказане важности и потребе дѣло, ову половицу рода нашега изъ детињства съ поштенимъ и разумнимъ мишлѣнѣмъ и мудрованѣмъ упоити, и као млекоу небеснимъ, за душу опредѣленимъ одоити, ранити и воспитати. Заиста сожалѣніа е и уздисаня достойна стваръ, за таква висока намѣренія, одъ Бога произведена и опредѣлена, разумна створенія, видити да толико маре за ствари одъ ништа: за ковакве пантльичице, за ле-

пезе, за свакояке, куріозно и чудновито некако, по непостоямой моди измишлѣне капе и шешириће! . . . Да се деца малена забавляю съ луткама и съ коекаквимъ играчкама; деца су, ніе имъ се дивити; али да совершенногъ возраста дѣвица и жена мисли и вѣруе, да ће една лепша на врату марама, или шареніе на тѣлу альине већу цѣну и достоинство нѣзиной персони приложити, и да ће се она чрезъ то боля, честніа и любведостойніа показати, ово е крайня будааштина и растлѣніе нарави и умствованя. А навластито, домаћій миръ узнемиривати, сродне и любиме свое, фамилію и дѣчицу свою, за кое би паметни мужъ и жена животъ свой положили, у дугъ, у оскудность, у сиромаштво и у несрећу доводити, то не само ніе хрістіанско ни човеческо, него горе наче поганеско мишленѣ. За обратити дакле ума очи любезни наши жена, сестрица и сродница къ лепшимъ и къ благороднімъ предмѣтима, къ пристойнімъ и достойнімъ нѣовогъ славолюбія и желѣ, показате се овде, да нису оне само за шаранѣ и кићенѣ одъ Бога создане, и за неко време на ови светѣ послане. Овде ће намъ Исторія дати неколико примѣра славни, добродѣтелни и подражанія достойни жена. . . Арріа благородна Римлянка, жена Цецине Петуса, видећи да ће мужъ нѣнъ жестокима мукама мученъ и уморенъ бити, узме стилетъ, прободє се съ нѣимъ, да га свомъ мужу говорећи, ласно се може умрети Пете; то што ћешъ ти ударити, то мене боли. . . Епонина, Сабина нова жена у време Веспасіана Цесара, живила е са своимъ мужемъ (когда Цесаръ убити искаше) деветъ година у некимъ подземнимъ пештерама. . . Кама ед-

на благородна госпођа у Галатіи, Синориксъ принципъ мѣста, сродникъ мужа нѣйзина, залюбисе у ню смртно; но неуздаюћи се одъ нѣ ништа за живота мужа, коєга она срдечно любяше, нађе неку причину и даде га убити. По томъ запроси Каму за жену. Она изъ почетка одрицала се, но као да би била принуђена одъ сродства свога, наипосле соизволи. Кадъ дође данъ вѣнчаня, отиду у храмъ Діанинъ, и ту по обичнимъ церемоніама, узму чашу вина, кою би новоспужени обичавали изпити. Кама е справила била то вино, и жестокий отровъ у нѣга улила. Онда узме она пре по обичаю, и поіе неколико, а оставше даде Синориксу. Овай натегне и поіе све до капль. Онда она съ радостнимъ лицемъ рече къ предстоєщи-ма: Свидѣтельница є мени богиня овога храма, да я неби досадъ за мужемъ моимъ живила, да нисамъ чекала нѣга осветити. Иди садъ: окрене се къ Синориксу и рече му: иди злобна и проклета главо! и ле-зи на смртну, а не на брачну постелю. Я љу съ радощу умрети, погубивши убицу мужа мога. . . Кор-нелія госпођа римкиня, мати Гракова; къ овой дође едномъ нека богата познаница изъ Кампаніе, и пока-же іой свое драгоцѣнно каменъ и бисеръ, и запроси ю, да іой и она покаже свое; ова обећа; мало по томъ кадъ два сина нѣна изъ обште школе дођу, она їй покаже другой, говорећи: ово є мое драго каменъ, я за друго немаримъ; даюћи имъ добро воспитаніе, то себи за найвеће украшеніе почитуемъ. . . Коринна дѣ-вица Фивейска, петъ є пута съ поетическими своима сочинѣніама надъ Пиндаромъ (за коєга Орацій сведо-чи да га нико постигнути неможе) побѣду одржала.

Боя штета, да су ове девојке сочиненія изгубљена!..
 Теана свештеница у Аѳини, сама се супротиви свимъ
 гражданомъ, нити ѣ хотела проклети Алѳибиада, гово-
 рећи: свештенство валя да благосиля а не да про-
 клинъ. . . Пугея кћи Аристотелова, жена Демората Кра-
 ля Лацемонскога, знаменита колико по имену оца сво-
 га, толико паче за цѣломудріе свое и любовь къ му-
 жу своему. Ову запитаю едномъ, коя іой ѣ боя най-
 милія; боя стидливости на лицу честне жене, одго-
 вори. . . Меланопа жена Пугеіе княза Фругійскога, ви-
 дећи мужа своего сасвимъ замобљна у злато, на на-
 чинъ, да већа часть поданика нѣгови бияше принуђе-
 на златне руде копати, а нѣиве свое неуражене оста-
 вляти, даде начинити различне птице, яганьде и ри-
 бе одъ злата, хлебове и колаче одъ злата. Едномъ
 Пугеіасъ здраво гладанъ заповеди, да се носи ело. По-
 чну носити, али све одъ злата, и варено, и попрже-
 но и испечено, све одъ сувога чистога злата. Кадъ
 се овомъ досади; почне викати: ело люди, помагай,
 я умре одъ глади, нѣ мени садъ до злата, некъ иде
 до врага. Онда му разумна жена съ едномъ памет-
 номъ предикомъ здраво угріе уши, и тако га излечи
 одъ златобѣсія нѣгова. . . Зувовіа Краљица Палмир-
 ска, жена Оденатова, произхођаше родомъ одъ Птоло-
 меа краля Египетскога и на гласу Клеопатре. По смр-
 ти мужевльой управляла ѣ съ великомъ храбростѣу и
 мудростѣу око двадесетъ година кралѣвствомъ своимъ;
 последня одъ Александрови наслѣдника у страни во-
 сточной. Воевала ѣ съ великомъ храбростѣу сама у
 персони противъ Персіана, и на два цесара римска Га-
 ліена и Клаудія, совршене ѣ одржала побѣде. Сви

историци онога времена преузвишю мудрость, цѣломудріе любовь къ наукама и проче царске добродѣтели ове госпође. Остроумни фѣлософъ Лонгинъ био е учитель нѣнъ, и имао е радость видети, да съ нѣомъ иста седи на престолу мудрость. Она е и сама на кратко восточну и града Александріе написала исторію... У оно време на кою су се годъ страну приключенія човеческа окретала, судбина е нека морала бити, да Римляни велику часть землѣ побѣде и своіой покорѣ власти. Авреліанъ цесаръ съ великомъ силомъ дође, кралѣвствомъ ове госпође завлада, ню исту зароби и у Римъ одведе. Но она у истомъ своемъ робству показала е такову неподвижность, достоинство и височество душе, да е овде топрвъ засведочила, да е светомъ царствовати достойна била. Авреліанъ е запита, како се е усудила, съ римскимъ бити се императори. Я до тебе, одговори она, другога императора нисамъ познавала; а неби ни тебе, да самъ те побѣдила. Авреліанъ побѣду свою празнуюћи, златнимъ везану ланцемъ, и у свемъ нѣзиномъ царскомъ украшенію уведе е у Римъ. Но нѣзина о свему томе немарность, къ већемъ е удивленію возбуждавала народъ, него сва помпа цесарова. Многи су га осуждавали, што е онъ свою гордость надъ овомъ славномъ женомъ тако показао. Кои по томъ поправіо е ову учинѣну обиду, давши іой велика добра у Тиволи близу двора Адріанова, гди е она оставше свое провела дне, одъ свакога любима и почитаема. Кѣри нѣзине удомлѣне су биле съ najveћимъ римскимъ фамиліяма... Година, жена Мерціе княза у Инглитери, живила е у еданаестомъ вѣку, прослављена кра-

соте, цѣломудрія и доброте ради свое. Мужъ нѣнъ наложи великій данакъ на житель града Ковентри. Народъ утѣшнѣнъ прибѣгне къ овой госпоѣ, просеѣи ю за облакшанъ. Она припадне съ многимъ сузама къ ногама мѣжевлѣвимъ. Овай чудноватъ човекъ, знающъ иначе стидливость нѣну, каже іой да онъ на другій начинъ неће е послушати, ако она гола нага на коню крозъ све сокаке града не прође. Кадъ ова види да другоячіе ништа получитьи неможе; доброта нѣна побѣди стидливость. Даде свимъ грађанима то на знанъ, и заповеди да се одъ то, до то доба, нико не усуди на сокаци наѣи или погледати. И тако ова добротомъ и стидливостѣу своіомъ покривена прође свуда. Одъ цѣлога града само еданъ нитковъ се нађе и погледа е крозъ пенцеръ, пакъ хуля се изда и пофали; онда скоче грађани и утуку га. На томъ истомъ мѣсту види се една штатуа, коя представля човека виреѣна крозъ окно. . . .

Елисавета краљица Англиска кѣи Хенрика осмога. Марія сестра нѣзина старія, кралюющъи, држала ю е неколико година затворену, гди се е она своимъ злополучіемъ много ползовала, у езицима, како у еллинскомъ, латинскомъ, и у различнымъ наукама непрестанно упражнявающъи се, а навластито трудила се е постигнути правила и начинъ владѣнія и народоправлѣнія, у чему е она и весма предупѣла. По смрти сестре свое постане краљицомъ, и по примѣру оца свога сакупи парламентъ и утврди црковъ Англиканску, коя е и до данасъ господствующа у Инглитери, и прими на себе съ титуломъ краљѣвскимъ и врховнѣйше правителнице цркве Англиканске. Она пошлѣ по-

моѣ Хенрику четвртому, тада краљу Наварскому, и помогне му завладати кралѣвствомъ Франціе, кое по наслѣдію нѣму принадлежаше. Республики Холандезской помогне избавити се одъ Шпаніюла, и одговори посланикомъ Холандезскимъ, кои дошли бяху дати їой верховенство надъ соединѣніма провинціями, да неби било ни лепо ни поштено, да Англиска кралица жели ствари туѣ. Філипъ втори, краль Шпаньолски, пошлѣ на Англію одну страовиту флоту, кою наименоуе: „Непобѣдима:“ но и сами вѣтрови као да би воевала за Елисавету, ударе на ову флоту, и сву е поразбіяю и потопе. Ова владѣтельница поставила е Англію у найцветуѣе состояніе Еуроѣе. У нѣно време завладаю Инглези многе острове и велику часть Америке, и разпростру свое купечество на све четири стране землѣ. Сва рукодѣля и художества доведу се у совершенство, и закони правлѣнія утврде се. Она сама противна раскошству и распикуѣству, najveћимъ врагомъ и злотворомъ како цѣлога народа тако и свакога по наособито, издавала е свагда мудре указе противъ свачега, што е излишнѣ и нецотребно. Доодни царства нису ни нашто употребляеми били, развѣ на обрану отечества и на свеобшту ползу. Она е имала гдиногоъ и особитогоъ пріятеля и любезника, али ние никога обогатила на штету подданика свои. И свакому е совѣтовала, да се опоминѣ, да е подданикъ како и прочи. Она е имала то што ни еданъ краль у Англіи до нѣ, ни после нѣ ние могао имати, а то есть, самодержавство и любовь народа своего. Нѣзина е речъ била: я немогу друго мислити о моимъ людма, него што родители мисле о чадама своимъ. Управѣ

судити о оной славной госпоѣи, (вели еданъ оштроу-
ми еписатель) мора ко бити совршени царски мини-
стеръ или совршени владѣтель. Слава, кою е она при-
добила съ постоянствомъ духа свога, съ разумомъ и
мудростию правлѣнія, съ дубокомъ политикомъ, съ не-
утрудимомъ бодростию, съ мужествомъ и хитростию у
найтрновитимъ дѣлима, съ штедньомъ мудре домо-
строителнице безъ порока сребролюбія. Овакова и ово-
лика слава нѣ могла неопорочена остати за крвѣ
проливену Маріе Стуардъ, кою многи историци Ели-
саветиною политици приписую. За ово еданъ епископъ
(коѣга она весма почитоваше) опомене е, да е она у
овимъ обстоятелствама више као политикъ, него као
христянка поступала. Я видимъ, рече му она: да ти
ниси са вниманіемъ прочитао кнѣиге царства. Она е
различне езике говорила, Шпаніолски е знала, но нѣ
хотела нѣимъ беседити изъ узрока, да чрезъ то Шпа-
ніоли гордѣливи не буду, будући да су и безъ тога
доста високоумни. Еданъ Шпаніолски посланикъ раз-
говарајући се съ нѣомъ рече їой, да е она зато толи-
ко благополучна, што има мудре и искусне совѣтни-
ке; то е истина, одговори она, али неразуманъ нити
їй тражи, нити їй уме наћи. За малимъ е остало, да
нѣ узела за мужа Хенрика трећег, тада будући овай
принцъ одъ Бленсона. А кадъ постане кралѣмъ Фран-
ціе, поузда се да ће е безъ сумњѣнія получити. Но
она одговори: кадъ се нисамъ удала за єднога прин-
ца, коѣга би я учинила кралѣмъ, што би полазила за
краля, кадъ самъ я већ кралѣица? За курталисати
се многи принципа, кои ю искаху за жену, она каже
да за другога неће поћи, разве за папу Сикста; овай

кадъ то чуе, смеюћи се рекне: срећа велика, што ніе ми се слободно женити, еръ би съ нѣомъ (боимъ се) родіо каквогъ Александра, одъ кога би опетъ сва земля ограйсала! Седамдесете године возраста, а четрдесете царствованія, разболи се тяжело. Архієпископъ Канторберски, утѣшаваше є съ будућимъ награжденіємъ за толика добра нѣомъ учинѣна. Милордъ! одговори она: доста самъ се у животу гордила; остави ме баремъ да у смиренію умремъ. . .

Екатерина Алексієва прва, жена Петра великаго, и по нѣму наслѣдница свероссійске монархіе, роѣна у Ливоніи близу маленогъ града Денартъ, одъ сиромы и прости родителя, іоште у дѣтињствѣ изгуби оца, и остане у рукахъ слабе и болешльиве матере, коя са своимъ рукодѣліємъ єдва моглаше оскудно себе и свою дѣвойчицу преранѣивати, видъ нѣзинъ бѣше прекрасанъ, и струкъ тѣла благодатанъ; она изъ дѣтињства предвозвештавала особити духъ, оштроуміе и разумъ. Мати є научи читати, а єданъ стари пасторъ луторански, обучи ю познанству хрістьянскаго закона и вѣре. У петнаестой години возраста остане и безъ матере. Речени пасторъ прими ю къ себи, и наложи іой надзирательство кѣри свои. Овде се она ползує одъ своіо лекціи, коє се предаваху кѣрма министровима, међу прочима у музики и у танцованю, илити игри. Смртъ овога нѣзина благодѣтеля погрузи ю у нову оскудость. Ливонія у то време бѣше позориште войне међу Русси и Шведи. Она поѣе тражити каково годъ прибѣжиште у Марієнбургъ. Пролазећи съ великимъ ужасомъ и трепетомъ чрезъ мѣста поналѣна и опустошена, упадне у руке двоици

шведскимъ солдатыма; и Богъ вѣсть шта би одъ нѣи пострадала била, да промисалъ неба у тай исти часъ не пошлѣ єдногъ шведскогъ унтерофицира, у коему она позна сина вишепоменутога Пастора, свога благодѣтеля. Овай є изхити изъ руку они и даде є провести съ безбѣдствіємъ до Маріенъ-Бурга, давши іой єдно препоручително писмо, на некога свога пріятеля именовъ Глукъ. Овай є прими, и преда іой воспитаііє свои двою малени кѣри, а потомъ познавши у нѣой толики разумъ и доброту, коя много превозхоѣаше красоту нѣну, будуи удовъ, запроси ю за супругу. Она се тога одрече, зашто є пре дала била свою речъ избавителю своемѣ официру, Пасторову сину; и при томъ остане, премда є онай єдну руку изгубіо био. У исти данъ, кадъ су мислили вѣнчатисе, ударе Русси на Маріенъ-Бургъ, и освое га, и ту погине речени официръ. Неки солдаты русски наѣу Екатерину сакривену у єдної фуруни, и као свою добить продаду є генералу Менцикову. Овай є пошлѣ къ сестри своіой, коя є прими съ любовію, пристойномъ истинитому достоинству и таковой красоти у злополучію. Овде є позна Петаръ Велики, и остане пораженъ фисіономіємъ лица нѣна. Доѣе и слѣдуюи данъ, разговори се снѣомъ, учини іой коекаква предложенія, удиви се красоти разума и добродѣтели душе нѣне, и залюбисе у ню смртно. Онъ є узме за жену, и вѣнча се съ нѣомъ публично 1712. При неудатномъ предпріятію при рѣки Пруту била є заєдно съ Петромъ, и буде узрокъ спасенія нѣгова, зашто она даде совѣтъ, за придобити везира съ велики дарови, кое се и учини. На 1724. вѣнчана буде на царство, и при-

ми крону и скиптаръ изъ руке імператора мужа сво-
га. По смрти Петровой, коя е слѣдовала 1725. прими
правлѣніе свега царства, и покаже се достойна Пе-
тра великаго наслѣдница, благополучно совршивши
сее оно, што е онъ био почео. Она установи нови
орденъ светого Александра Невскогъ. Руссія изгуби
ю, Маія 17. 1727. Живила е само 38 година. Ово
неколико примѣра довольна су за увѣрити насъ, да е
душа како у мужескому тако и у женскому полу єд-
нога истого рода, и да има прекрасни, велики и сла-
вни душа у селянима и у селянкама, кое да су у дру-
гимъ обстоятелствама, би свету познате биле. Но самъ
и єдини премудри Богъ, кои познає врутреню и са-
кривену цѣну и достоинство сваке душе, воздатиће и
прославиће сваку по достоинству. Блажена е и Бо-
гомъ благословена свака жена, коя се са своимъ об-
стоятелствама уме слагати, живи смирено, разумно и
поштено, облашкаваюћи и улаждаваюћи животъ му-
жа свога; стараюћи се за свое домаће управлѣніе, и
воспитаюћи чада своя у любви къ Богу и къ бли-
жнѣму, и у поштенѣмъ и разумномъ владаню. Сви
мали и велики пролазимо путемъ живота; а у гробу
нема разанствія, нити предъ правдомъ Божиомъ, лице-
пріятія. Комъ е мало дато, мало ће се и искати одъ
нѣга; споминѣймо ово и бићемо тихи и задовольни у
малености нашої. Предъ нелицемѣрнимъ и правед-
нимъ судіомъ ниєдна душа боголюбива и правдомо-
бива ниє малена, него велика, славна и вѣчнаго до-
стойна блаженства.

ГЛАВА 15.

Путь у Вавилонъ.

Алигорическа повѣсть.

Едва зора почне предвозвѣщавати приближеніе дана, уседнемъ я на мое магаре, и унутимъ се ста-
зомъ, коя къ царскому Вавилону путу управъ воѣхаше.
О како є радосно, воіяхъ я, и задовольства луно,
оне новоозаряеме холмове свудъ наоколо гледати! ко-
лико є цвѣћа на онимъ прекраснимъ ливадама! какавъ
є ово укрепительни и любкій мирисъ, што облагоухава
све стране воздуха! Два реда густолистовити дрвета
осѣняваю овай широки друмъ, у коихъ ладу могу я
съ ослишемъ моимъ, кадъ ми буде драго, почивати.
О какво є великолѣніе неба! какавъ се красанъ пока-
зує данъ! какавъ є чистъ воздухъ, коимъ я дишемъ!
Мени ніє потреба наглити се ни итати, зашто и съ
умѣреннымъ ходомъ скота моего могу я іюште пре но-
ћи за вида у Вавилонъ доспети.

Овако я говорахъ и чиняшеми се чисто да самъ
ііянъ и као изванъ себе одъ презѣне срца моего ра-
дости, сматрахъ съ благовољній погледомъ на живот-
но, кое ме носаше, и глабахъ му вратъ и гриву; кадъ
аѣ етоти у єданиутъ напрасно чуємъ некій шумъ са-
зади мене; обазремъ се и уиазимъ на множество богато-
покривени камила, премноге у злату и драгомъ каме-
ню сіяюће се мужеского и женского пола поде. Они

бяху подалеко одъ мене, но за часъ стигну ме. Ныювъ погледъ беше високоуманъ и презрителанъ; изъ бли- за гледаюћи ий, одъ презълнога блистаня Турске златоизвезене и діамантима и бисеромъ посеяне порфире чисто ми се помраче очи. О како се я садъ себи худанъ и маленъ на моему магарчету представимъ и покажемъ! Я се усилявахъ свакояко да се изправимъ и протегнемъ; али све залуду, едва моя глава до ныюви пета досязаваше. Сравнѣваюћи я себе и мое магаре съ онима и съ ныювимъ камилама, топрвѣ се познамъ да самъ ништа, или као еданъ мравакъ на лицу земному. Почнемъ се стидити и срамотити одъ мога прошастога простачкога и глупога задовольства. Сва лепота ливада, холмова, богатолиственни дрвета, еднимъ словомъ, сва красота божіегъ створеня изчезне изпредъ очію мои. Сладко поянѣ птица, музика околосвираюћи пастира, тиходишући прохладителни и сладкогъ мириса преиспунѣни воздухъ, не чиняше већъ ни найманѣгъ дѣйствія на излишежеланіемъ затупѣнима, и завистію помраченимъ моимъ чувствама. Високоуміе мое смртно се увређено нађе; но ништа манѣ, и тако усилявахъ се я за онима пристаяти и касати, да баремъ сасвимъ одъ ный удалѣнъ не останемъ, и да ий не изгубимъ изпредъ очію мои: ербо ми се чиняше да самъ іоште штогодъ нешто, само и изъ далека гледаюћи ий, и за нѣма касаюћи. Желяхъ да се мое магаре у елѣанта претвори, да му ноге скоріе него у срне постану, и да му уши као еленѣи рози нарасту, да онъ може съ нѣма све оне камиле, и оне што на нѣма седе, надиреузвисити. У моіой разяреной нестерпѣливости шибакъ бѣднога моего скота, да

зной не само съ нѣга него и съ мене течаше. У презѣл-
ной моіой туги едва дисати могахъ, и чиняше ми се као
да я на мои леѣи моего скота носимъ, а не онъ ме-
не. Али найпосле упазимъ да ми е сва залуду мука
и наглость, зашто еданъ коракляй они проклети ка-
мила толико доваташе, колико шесть магарета мога.
Веѣъ изгубимъ изпредъ очію предмете ревнованія мое-
га, и съ нѣима заедно сву суетну надежду, да ѣу ѣи
икада стигнути. . . О свету! свету! така ли е то на
теби правда! у преогорченію срца моего вопіемъ я.
Каква е и колика ужасна различность меѣу мно-
мъ треокаянимъ и онима благополучнима земнороднима!
Они се сяю и блистаю, а я самъ яданъ мрачанъ и
таманъ! Они седе на свили и кадифи на високимъ и
преузвишенимъ камилама, а я бѣдни на голомъ сама-
ру, и на худой животинѣи, на магарету! О судбино
света, шта се о теби мислити и мудровати може!
Нека ми више нико неспомене о некаквой мудрости и
правди на свету, ерѣ ѣу му обадва ока избости: ка-
ко се не наѣе еданъ одъ они да седи овде гди я се-
димъ, а да самъ я на нѣговомъ месту! Јоште тако
гордельиво яше покрай мене и пролазе, нити се удо-
стояваю баремъ съ човечнимъ да ме погледаю окомъ!
Да су они хотели само мало полакше ѣѣи, могахъ я
касаюѣи за нѣима пристати, али ко су они, ко ли
самъ я! Да се одъ све неволѣ баремъ црна земля о-
творити оѣе, и да ме прождере съ магаретомъ, да пи-
самъ я самъ слута и ругоба на свету! . . . Ево овако,
и јоште горе него овако говореѣи, псујуѣи, ружеѣи и
проклињуѣи овај светъ и све што е на нѣму, пустимъ
изъ руку уларъ магареѣи, и оставимъ му на волю

да чини што оће, више не марећи, ишао илѣ не ишао; онѣ то осети, пакъ почне ногу предѣ ногу. Мало по мало сврати се съ пута чупаюћи зелену траву, една га пространа лепа ливада ласно на себе намами; овде кадѣ се здраво наждере и напуни, закте му се одпочинути; спусти се на землю, а я се превалимѣ са самара; али ни зашто већ не марећи легнемѣ и я покрай нѣга, и наумимѣ ту остати. Истомѣ ме почне санѣ подкрађивати, кадѣ у еданѣ ма опетѣ чуемѣ различне гласове, праску, вику и пѣванѣ на великомѣ путу; отворимѣ очи, кадѣ ето ти угледамѣ силно множество безчисленнократно веће него прво, обоега пола, стари и млади люди, и малене деце. Многи яшаху јошѣ на манѣмѣ и слабиѣмѣ него мое магаре, а веће число нѣи носећи свако своју на леђи торбицу, иѣху и весело пѣшце путоваху. Весела полунага дечица одѣ радости скакаху: и ми сви у Вавилонѣ идемо, восклицаваху. Устанемѣ, и дивећи се овомѣ видѣнју наместимѣ самарѣ, скоро усѣднемѣ и приближимѣ се кѣ нѣима. Оћешѣ ли и ти съ нама, запита ме еданѣ одѣ друштва, а остали ме гледаху съ пріятельскимѣ очима. Та айде оћу, кадѣ васѣ е толико: одговоримѣ я; али ми нећемо никада оне прве, кои су тако и тако прошли, стигнути. Пакѣ што е нами до тога? одговори една у просто бело платно обучена, но благообразна жена, они кои су и покрай насѣ прошли; они онако, а ми овако, доста да ћемо сви у исто место данасѣ доћи, мало пре или мало кашнѣ, то е све едно, а онде по своей прилици бити ће другоячје расположеніе ствари; зашто прелазећи нѣки предѣлѣ мѣста, мора свако оставити што на себи

и са собомъ носи, а само унети што у себи има. Юштѣ сувише они се неразумно са своимъ височествомъ поносе, понеже докъ се донде дође, валя проћи и крозъ тако стрмовита и ласнопоклизна мѣста, да они могу често и што зло пострадати, а ми што овако нутуемо, неравниѣ смо безбѣдни. Я онда изкажемъ овой паметной жени све што ми се случило, одъ кадъ самъ у прозоріе пошао и до овога часа. Е видишъ! рече ми она: шта би одъ тебе било, да си на каквой високой камили био, пакъ да си се съ нѣ превалио као са магарета? Ти би садъ имао коју ногу или руку сломљену. Я останемъ люто посрамљенъ одъ ови речи: а навластито сматрајући на множество жена и малене дече, кои пѣшице путоваху, и срећни и задовольни показиваху се. О проклета гордости маловременнога живота! и несити жельо високоумнога славолубія! Ви сте дакле, кои човеческій родъ злополучнимъ чините! Како самъ я срећанъ био, докъ се нисамъ съ богатима одъ себе сравнивао. Земля е мени рай била, и срце е мое у потоку сладости пливало: а како високоуміе многу облада, тай часъ почне завистъ разтрзавати утробу мою, и я останемъ найбѣдни на свѣту човекъ. Далеко одсадъ одъ мене фуріе и мучители човѣческаго спокойства и мира! У оваковимъ размишлѣніяма путовахъ тихо, и почнемъ се опетъ услађавати гледајући небо и землю. Мое се веселѣ стоусугубляваше, колико веће число виђахъ невинни и весели око мене лица. Я се разговарахъ кадъ съ еднимъ кадъ съ другимъ: Ови прости люди безъ гордости, безъ лукавства, безъ сваке злобе и притворности, бяху достойни провести путь

свой съ безпечаліемъ, съ певанѣмъ и съ веселѣмъ. Колико се више я съ овима забавляхъ толико веѣма осеѣахъ, да се тихо задовольство у мое возвращава-ше срце; слаѣе него сва скупа напрасита и скороиз-чезаема услаѣенія свою петъ чувства.

Споменемъ се да е време благодарити Богу, што ме е сподобіо у овакомъ добромъ и миломъ дружеству путовати; али се люто застидимъ опоменувшисе малопреѣашнѣ мое прелести ума: кадъ, ослеплѣнъ кичливствомъ и помраченъ завистию усуѣавахсе опорочавати и хулити судьбину и правду божію у расположенію вещей. Сокрушисе срце мое раскаяніемъ, и потоку ми извори суза одъ сожаленія о моемъ крайнѣмъ безумію. Не! не! речемъ я у горезти срца мога уздишуѣи: нисамъ достоянъ съ овима незлобивима путовати душама! Я глупіи и луѣи одъ истога овога скота кои ме носи! зашто онъ, ако ніе кадаръ познати и славити оно свевишнѣ блажено естество, баремъ га неуме ни хулити! Овай е скотъ мене ради саздаты, и опетъ ніе толико скотъ, да не признае благодарѣніе мое и попеченіе, кое я о нѣму носимъ! Познае ме, повинуе ми се и служи ме радо. А я, токорсе словесни човекъ, и смислено створенъ, коега е умъ кадаръ по лествици створеня до сунца, до звезда, и превіше нѣи понетисе и узвисити, нисамъ ли и я за кога створенъ? Кадъ самъ я кадаръ о безсмртію и о будуѣемъ помислити животу, ніе ли приличніе и вѣроятніе, да и мое опредѣленіе мора одъ скотскога различніе бити, кои о безсмртію ніе вреданъ умствовати ни помислити? Нашто би ми даты био ови даръ словесности, рассужденія и разумѣнія, кадъ неби ни

зашто друго произведенъ био на светъ, развъ да се ранимъ и плодимъ, као и проча животна? То исто и ова имаду о манѣмъ трошку и съ манѣмъ попеченіемъ него я. Заиста ни на што друго, него да самъ одъ свію други животни и бѣдни и несрећни; ербо ова не умеду мислити о ономъ што за нѣи нѣе; нити кадъ могу желити оно, што нѣе имъ могуће имати. Заръ е мени самомъ дато мислити о ономъ што нѣе? Човекъ ли самъ мора имати понятіе о Творцу твари, и о создателю создани вещь, любити га, и желити да у любви и доброты нѣговой безконечно блаженство свое нађе, пакъ у овой тако високой, тако благородной и прекрасной жельи осуѣненъ и прелашченъ до найпосле да се нађе? Не! ово нѣе могуће, и противно е свакой искри здравога разума, и свакому понятію правде и мудрости! . . . А да кадъ е тако, како я мого мало пре о свевишнѣга премудромъ устроєнію у сумню доћи? и то зашто, него што се и я не сіямъ у злату, и што не седимъ на великой камили? Садъ видимъ и самимъ искуствомъ познаемъ, да они ни задовольніе, ни веселіе, ни благополучніе путь свой не прелазе одъ овога незлобивога множества люди. Они лете као да їй вѣтаръ носи, нѣювъ мозакъ у онако ветровитомъ трчаню мора се вртити, нити имаду времена сматрати на преукрашена мѣста, крозь коя пролазе, нити се могу съ нѣима услађавати. А овимъ смиренимъ и добримъ людма тихо задовольство и непорочно увеселеніе путешествія нѣюва, видисе да и будућу нѣюву предвозвештава радость Я не-смыслени и неразсудни бяхъ се чисто помамію и крайнѣмъ очаянію предао, зато што съ онима на високо-

преузвишеной не леѣахъ намили! О окайна и слепая зависти! и ти неразумна гордости живота; ви сте мучители човеческога рода! ви ѣе ослеплявате и не дадете имъ мудрость и правду познавати божію, и единымъ словомъ, што е годъ наравнога зла и несреће међу людма, одъ васъ се раѣа и произлази! Овако разкаявши се о моемъ вишереченомъ греху, крепко предложеніе себи предузметъ, да оставши путь мой съ больомъ преѣемъ намеђу. Упустимъ се опетъ коѣ съ кимъ одъ дружства у разговоръ и забаву; довольни одъ ови путника, ако и просто обучени и пѣшице хоѣаху, но по разговору могахусе познати, да су мислѣи и разсуждавајуѣи путовали. Наша беседа бияше о красоти разни предмета, крозь коѣ пролазасмо, о многоразличнимъ бояма цвѣѣа, о разновкуснимъ плодовима воѣни дрвета, о удивлѣніа достойнимъ природама свакояки животиня, одъ елѣфанта до мрава, о премудроуреѣеномъ ходу и теченію сунца, месеца, планета, комета и прочи небесни светила: о тако теѣкимъ и великимъ тѣлесама, како што е земля, и безъ сравнѣніа веѣимъ и тежимъ него земля, коя ѣе сила на воздуху држи, и коя рука съ ѣѣима управля и влада, о непрестаной године времена премѣни, о чудномъ естеству воздуха, воде и огня, о грому, грмлявини и блистанію молніа; о облацима, роси, киѣи, снегу и тучи, о безчисленоразни сѣмени свега што се раѣа, изниче и расте, о свакоякимъ рудама одъ многоцѣни каменя, злата и сребра до самога олова и свакогъ вида каменя, како се у утробѣ землѣ раѣаю и како постаю. О свойствама и силама трава и кореня! наипосле доѣе речъ и о човеку. Правично, рече еданъ одъ

собесѣдателя, наричесе човекъ мали светъ како веществени тако и умни: по уму словесности и разуму види се да у нѣму безсмртна обитава душа: сматраюћи га пакъ са стране прирастїа нѣгови, и кадъ се онъ злوبي предаде, откриваюсе у нѣму сва свойства дивїи зверова, тако да се пристойно о нѣму може рећи: како е великъ, како ли е маленъ! како е славанъ, како ли е худъ! како е благополучанъ, како ли е бѣданъ човекъ! Ако се залюби у мудрость, правду и добродѣтель, показуе у себи нешто велико, славно, прекрасно и благополучно. Ако ли се пакъ преда безумїю, глуности, неправди и злوبي, представля себе маленимъ, худимъ, ружнимъ и бѣднымъ. Чрезъ добро воспитанїе и благоупотреблѣнїе душевни способностїй, растећи годинама, возвишавасе све къ већему совершенству; а крозъ зло воспитанїе и злоупотреблѣнїе умне вредности, растећи теченїемъ времена, све то гори постае и бива. Колика е ужасна различностъ међу просвѣщенїмъ, добродѣтельнымъ и богочестивїмъ човекомъ, и међу дивїимъ човекоѣдцемъ Кафромъ у Африки, и Нордамериканцемъ! Како су мудро разположени состави тѣла, и ласноокретни тѣлесни светила очїю, мозга, ушїю и прочи чувства! Каково е непостижимо устроєнїе срца, у коєму се све тѣлесне окончаваю жиле, и одъ коєга се све артерїе починю, и коє съ непрестанимъ своимъ стискиванїемъ и разшириванїемъ прима у себе и пушта изъ себе цѣлога тѣла крвь, и тако ю содржава у свагдашнїмъ около-теченію одъ врха главе до ножни прстїю! Какова су дѣйствїя ума илити душе, како се рађаю и постаю мисли! Каква е сила воспоминанїя, коє у себи толи-

ка безчисленна може содржавати понятія! Какавъ е даръ беседе, чрезъ кою човекъ тако скоро, ясно и ласно мисли свое изяснявати може... Предузмемо по томъ Историю различни народа, нѣови закона, правлѣнія и обичая. На кои су начинъ разна владѣнія и царства постаяла, расла и содржаваласе, а по томъ падала, а друга на мѣсто нѣово долазила... Ласно е видети, да у овакови и овима подобни разговори (у кое, колико се више човекъ упушта, толико изобилнѣю и богатѣю размишлѣнія и забаве свое матерію наоди), да смо сто година путовали, имали би се съ чимъ забавляти и упражнявати. Овако утѣшително и полезно путуюћи, дођемо къ некой високой планини, преко кое тихо и лагано стунаюћи, премда путь бѣше каменитъ и стрмовитъ, мирно пређемо. А кадъ се у долину спустимо, нађемо съ едне и съ друге стране пута некакве блатовите баре и ритове... Овде се я ужаснемъ, кадъ упазимъ све оне високе камиле у блату погрезнуте, а оне кои су на нѣима яали, у плачевномъ состоянію, едва се потезаху, блатомъ и крвлю одъ главе до ногу покривени. Занитамо їи, шта имъ се е догодило, да се тако наоде. Кажу намъ, да съ они стрмовити силазећи брда, поплаше имъ се одъ нешта камиле, и устремително съ нѣима летећи, поскачу у оне блатовите ритове, тако да се они едва, изпребіяни и поизсакаѣени, изъ блата извуку. О блажени би ми били, да смо тако съ вама низко и тихо ходили, неби намъ садъ овако било! Нами се е казивало, да ови путь нѣе за високе камиле, алъ ми нѣсмо хтели вѣровати, достойни смо дакле овога страданія!... Садъ я управъ познамъ бѣдствіе и мале-

ность человеческого величества овде на земли; и колико се ко на височиѣмъ наоди мѣсту, толико при паденію своме горе и жалосніе пада. А пастисе мора, то е одсуђено. Нису дакле високостоећи зависти достойни, но паче сожалѣнія, ако нису одъ маньи одъ себе, паметніи, праведніи и больи. Ми сви идемо у Вавилонъ, то е истина, и ево да често ту пѣшакъ срећніе него коньикъ дође. Благо ономъ, ко у любовномъ, простосердечномъ и мирномъ путѣ дружеству Господъ гордимъ противится, а смиреннымъ дѣе благодать свою.

ГЛАВА 16.

О начину, съ великомъ ползомъ читати.

Онима, кои къ наиболѣмъ намѣренію стопе свое управляю, и кои съ трудомъ и подвигомъ своимъ многима съ временемъ мисле на ползу бити, отечество и націю свою прославити и украсити, путь показати, и труде нѣове не само облакшати, него и да су плодови ти учинити; ово е едно човеколюбіа дѣло и благодѣяніе, што се, не само нѣима показуе, него и многима настоѣщага времена людма, кои се буду нѣиовимъ трудомъ ползовати. Ови су люди младиѣи наши, кои се науци предаю и посвештаваю; одъ кои ако се еданъ у стотини нађе, да у којой либо науци превозходанъ и совршенъ буде, кадаръ ће бити, за све остале, отечеству свое доволно награђенъ учинити. Овима дакле, колико е могуће, помоћи, неваля никаково попеченіе у немарность и као за леђа полагати: но паче свевозможно старанъ употребити, што би имъ се многотрудни достадугачкій путь науке разкрчіо и поравніо, одъ трня и каменя очистіо, и любкимъ лепомириснимъ цвећемъ посеяо и украсіо. . . . Видити е, да многи прекрасного ума ученици, непрестанимъ читанѣмъ, многимъ данъ и ноћъ писанѣмъ, чрезмѣрнимъ на изусъ ученѣмъ, мишлѣнѣмъ и надъ кнѣигама сѣденѣмъ составъ тѣла свога покваре, и здравлѣ свое изгубе, пре него осете приумѣрено трудовомъ своимъ

насла́женіє, и колико толико, настояню нѣиовомъ пристойно напредованъ. Они читаю много и труде се смотраюћи труде и бденія своя као неку себи оштро наложену дужность, и неотложно средство за получитьи совершенство у практики коега либо званія: но готови су при томъ исповедити, да савъ редъ нѣиовога читаня и ученя нїе ништа друго него трудъ и мука. У коима они нипошто не наоде толико увеселѣнія, колико би довольно било, нѣима, за нѣиовъ утруђенъ мозакъ, за отегођену главу и све тѣло, и за меланхолю, коя се обично изъ дуговремениога седеня, читаня и мишлѣня рађа, прилично награђеніє учинити. У самомъ намѣренію дакле, и желанію, за облакшати ученикомъ нѣиовъ трудъ, кои є иначе добродѣтелианъ и велике похвале и любви достоянъ, представиће се у овой глави неко наставлѣніє, како би се могао ко у читаню и ученю съ већимъ, не само услађеніємъ него и ползованѣмъ упражнявати. Али пре него я мовѣніє о овомъ послу изяснимъ, желимъ да неби читатели на ове мов речи као на неко наложеніє и догматическо установлѣніє, него само као на едно предложеніє и добродѣтелно советованъ сматрали. . . . За получитьи пристоеће ползованъ одъ читаня, найпре потреба є да є ово ономъ кои чита, пріятно. Природа човекова тако є устроена, да онъ ни у єдномъ послу неће ни постоянно ни за дуго напредовати, у коему никаква задовольства ни пріятности не наоди. Ми свагда предузимамо єданъ мучанъ, замршенъ и неугоданъ посао съ противобореніємъ, итимо колико брже можемо, да се одъ нѣга избавимо, нити даємо себи толико времена и стрпелливости, колико би се тре-

бавало за получить у томе совршени успѣхъ: едва
чекаючи да се освободимо одъ едне ствари, коя насъ
всма тишти. А чему въ срце наше придато и прилеп-
лѣно, и къ чему насъ иста наша склонѣнія привлекае,
у томе и воображеніе ума и паметствованѣ наше со-
гласно содѣйствую, и разумѣнію нашему помажу, да
се мора у любими предмѣтѣ углубити, и сву возмож-
ну ползу себи одъ туда почерпсти. . . . Прво и найпо-
главитіе старанѣ у томе мора положити се, да, почемъ
ученикъ получи основателно и довольно знанѣ езика,
у коима се найболѣ кнѣиге наоде, а навластито онога,
коимъ се науке предаю, да за совѣтъ прими, испита
и позна природно свое склоненіе, къ коіой га матеріи
и науци (да тако речемо) срце потеже. „Чудна е не-
ка тайна у души човеческой, да у оноемъ, къ чему се
найвеѣма ко накланя, у томе и предуспѣва“ а кадъ
ово што смо рекли, позна, онда нека се попашти, съ
совѣтомъ искусни у томе людѣй, найболѣ у истой ма-
теріи кнѣиге пріобрѣсти, у кое ѣе се онъ ласно и за-
любити; и то што би се другима, одъ другоячіега
склонѣнія, трновито видало, нѣму ѣе се пріятно цве-
ѣе чинити. . . . Второ по реду, а по важности првомъ подобно;
и сматраючи одъ колике е велике потребе у свакомъ
послу практика, (безъ кое теорія закопаномъ и сакри-
венномъ злату пріундобити се може) іоште важніе
слободно се нареѣи може, чести са искусніима одъ се-
бе, о истой матеріи разговоръ, и съ подобнима себи
о томъ диспутациа, илити препиранѣ. Но ово ни пош-
то да не бива изъ тѣрдоглавога, инатѣіискога лудо-
високоумнога (и нека ми се опрости реѣи) еретиче-

епюга духа любопрепіранія, и неразумне луде вике; узъ кое нити се е кадъ што добро родило, нити ће се родити; него изъ саме чистосрдечне и свете любви къ точномъ разумѣнію и познаваню у свачему истини ствари. Инатъ и своєдогматическо, као съ обоюдоштримъ андаромъ у руку, своій мнѣнія и предразсужденія зашчишченіе са свимъ заслеплява умъ, ожесточава и окаменява срце човеково, како годъ што се пише за Фараона, и запира свакій входъ къ истини, и къ тихомъ и чистомъ познанію ствари. Кадъ оне блажене преминувши мудри людій душе, могу насъ толико ползовати, научити и просветити, колико више, онима подобни живи, могу то учинити. У онима кнѣигама, ако намъ се што мучно и непонятно покаже, ако намъ се у чему коя сумня роди, ми їй не нађоємо да намъ то изясне; а живе имамо у руку, и можемо одъ нѣи свако изясненѣ искати и получитьи. У взаѣмномъ разговорѣ одушевляваю се оне ствари, кое смо ми читали; и ако смо ми са всевозможнимъ о нѣима мислили вниманіемъ, и опетъ ћемо што више у истима открити и познати, кадъ чуємо, шта су и други о нѣиму мислили и судили. Внутренѣ дѣйствиє ума може се приподобити внѣшнему виду людій. Ако ће некїи незнамъ како себи подобни бити, опетъ кадъ добро гледашъ, нађи ћешъ међу нѣима неко разиствіе. Ми кадъ оћемо да кажемо, да су два човека себи подобна, велимо: подобни су као јає яету: али искусни испитательи єстества наоде, да ни два яєта нема на свету са свимъ єднака. Зато дакле ко више миліона людій види, тога умъ толико миліона различностій начертанія у себе прима; а ко веће чи-

сло познанства умова придобива, толико се више нѣговъ умъ разграничава и разпространява. Изъ овога слѣди, да после довольного разговора о коіой либо матеріи и науки, кнѣиге, кое те исте ствари содржаваю, съ много веѣнимъ вниманіемъ, ласноразумѣніемъ и услажденіемъ читаю се и запамѣую; пакъ по томъ опетъ о тима стварма говорити, читати и мислити, мора намъ се то олашнити и усладити: а изъ овога се раѣа благій успехъ, сладкій плодъ и совршенство. Зато разумни родители юште са своіомъ маленомъ децомъ свагда се разговараю, и питаю ій: шта сте видли, чули, говорили, читали, научили, и чинили? Пакъ у свему тому чинеѣи имъ своя примѣчанія, и даюѣи имъ пристойна наставленія, изъ млади ноктію отвараю имъ умъ и уразумляваю душу нѣиову, управляюѣи ій на свако добро и похвално знанѣ и творенѣ. — Свакій младиѣъ, кои се преда науки, наоди велико увеселѣніе, да се може себи подобнима и бо-льима одъ себе показати, да онъ разуме те ствари, коима се учи; а ко овога любочестія у себи не осеѣа, тай ніе за науку. Осеѣаюѣи пакъ то, природно мора любити оне кнѣиге, кое га у овоме помажу. Ова любовъ мало по мало бива обичай, и постае пристра-стіе; у почетку едного нового езика или кое му дра-го науке представляю намъ се ствари непознате, по тому ніе могуѣе да намъ се не чине трудне, но ако се ми само на то опредѣлимо, и постоянно, али безъ итости у тому узирлѣжимо, при свакой новой изуче-ной лекціи ново ѣемо чувствовати услажденіе. Пред-ставляймо себи и сво на умъ, да кадъ се земледѣ-лацъ толико труди и знои оруѣи и сеюѣи, и у неиз-

вестной надежди, неколико месецій ожидаваюћи, да себи годишню собере рану, како се неби ми мужественіи показали, за таковъ плодъ, кога ћемо за цѣлога живота уживати! Одвећъ дугачке лекціе, и дуго читанъ преко мѣре утруждаваю мозакъ, слабо се разумеваю, јоштъ слабѣе се о њима разсуждавати може, нити се пристойно запамтити могу, слѣдователно много сламе, а мало пшенице доносе, труда до преизобиља, а усажденія и ползе или нимало или весма мало.

Многи трудолюбиви муче се и троше, дуго преписуюћи періоде и целе листове списателя, и то наизусть уче. Не велимъ, да ово нема своју ползу; али не къ труду и къ занимању времена пристоећу, навластито онима, кои не ласно наизусть учити могу. Съ друге стране пакъ ово сматрајући, приузрокуе већу штету него ползу, зашто смета и воснештава, да ученикъ съ временомъ може себи свой свойственни начинъ писаня и изговора приобрѣсти. . . . Найвећа полза што се може имати одъ едне књиге, у томе се состои, да читатель совршенно разуме списатељво мнѣніе, и да се тако уочи духомъ његовимъ, да може, кадъ остави књигу његову, са своимъ истимъ речма и беседомъ о оной матеріи разговоръ водити. У оваковомъ упражнѣнію наметствованъ употребљајући снагу своју, све се то већма оштри, изяснява и укрепљава; а изговоръ и беседа доводи се къ ласности и къ совршенству. На овај начинъ оно што ми говоримо и пишемо, бива на неки начинъ наше; ми мислимо, ми дѣјствуемо, и неосуђавамо себе, да смо за свагда просто орудіе туђега одъ речи до речи говореня. Ово е начинъ најотмѣннии у наукама люди,

читати съ великимъ вниманіемъ различне писателъ, почерпавати, и изцеђивати їй у себе, а кадъ о онимъ матеріама пишу и беседе, чине то одъ себе. Читанъ заисто справедливѣйше нариче се, рана ума; али на подобіе ране, коя само тада полезна бива, кадъ се чиновно у желудцу кува, кадъ се преобраштава у чисту крвъ и у мозакъ костію, и свимъ тѣла частима питателну свою силу сиріобштава, причиняваюћи растенъ и крепость; ту исту службу и читанъ валя да чини уму, да се у нѣга (да тако речемо) совоплоштава и пресушществовлява, придодаваюћи му свагда ново прираштеніе и снагу, нити є потреба, да изъ нѣга излази нескувано и непретворено, како што є и улѣзло. . . Пристойна мѣра различности и переменѣнія у читаню не мало причинява, да намъ ово бива увеселително и пріятно. Правда, да у еданъ маа найболѣ є изъ єдне или изъ две читати кнѣиге; ништа манѣ, кадъ се овима надовольимо, невреди и одъ другого стула или матеріе кнѣигу узети; има довольно преизрядни кнѣига не само у стихови него и у простомъ стилу, кое на одморъ одъ труда читаюћи се служе. Различность свагда увеселява, и ако є колико любитель читаня задоволѣнъ овимъ, како узме другу кнѣигу на другомъ єзику и о другой матеріи, тай часъ дође му нова желя къ читаню. Прећи друга одъ стари писателя къ новимъ, или одъ ови къ онима, променити дубоку матерію съ плиткомъ, и безшальиву са шальивомъ и веселомъ, оставити кнѣигу а узети перо; а затимъ и єдно и друго, и поћи съ радостнимъ срцемъ у весело друштво, и соучастникомъ бити любодружески забава, ово све помаже читаню и

науци. Умъ нашъ по довольномъ упокоєнію и после умѣрене забаве и развеселѣнія, враћа се съ векомъ глађу и желѣомъ къ кнѣигама; само кадъ забаве не биваю одвећъ дуге и честе, и чрезъ обичай не доведе къ лѣности и къ немарлѣвомъ распиумію. Онай, ко жели читати са услаждєніємъ; (а то исто значи съ наибѣльомъ ползомъ, зашто ко преко срца чита, неће се никадъ пристойно читанѣмъ ползовати), мора добро пазити не само на прилично къ читаню време дєви, него и цѣле године. Вообште ютро є свагда посвећєно било мусама и кнѣигама, а поподне взаимно-дружескомъ разговору; najlepше оштроуміє после вла и пића остає затуплѣно и разслаблѣно. Такођеръ и месеци превелике врућине нису чинаню и ученю пріятельи. Ова небесна частица ума нашега у таковомъ є союзу съ мозкомъ, съ крвлю и съ тѣломъ нашимъ, да кадъ ове части страдаю и разслаблѣне су, и она докъ є съ нѣима, принуђєна є сострадати. Но сасвимъ тимъ у сваки часъ и време, кадъ наше мисли нису раскуте, кадъ є срце наше у тишини и миру одъ нагловити зактеваня страсти, и кадъ ми у власти имамо наше вниманіє, да съ нѣимъ можемо владати и управљати, читанѣ наше неће безплодно бити. Сврхъ свега и по свевозможной мѣри читатель и ученикъ дужни су позорствовати на вниманіє своє, ово є мати, коя зачинѣ разумъ и раскућєнѣ, гріє їй и рани пре порода, и по породу одраніє їй, и къ снаги, зрелости и совршенству мужескога возраста упућує їй и доводи. Безъ довољногъ вниманія нити се што може совршено разумети, нити добро упамтити; а безъ ове две ствари, све є недостаточно и сакато. Ништа нїє

тако противно вниманію, како итня и брзость. Како годъ кадъ човекъ брзо трчи, неможе позорствовать на оне ствари, крозъ кое пролази, тако и кадъ умъ итећи мисли, нїе у состоянію ништа, како би се надлежало, примѣтити. Зато учители о овомъ валя весма да се стараю, да ученике свое къ вниманію привикну. Видити е често са сожаленїемъ, да весма оштроумни и бистре памети младићи, до послѣдка не показую се у наукама найотмѣннїи, и то ни зашто друго, него за нїову презѣлну скорость и у себеузданѣ. Ласно науче, али ласно и заборавае, зашто неће о томъ што су научили, са вниманїемъ и задуго да мисле и суде. Подобни дождевнимъ потокомъ, кои дотле теку, докѣ има дожда, а мало за тимъ остаю суви, у нѣима нећешъ наћи ни пастрма ни рака, разве некакве доваляне панѣ и каменѣ; блистанѣ молніе мало у нѣи помаже; коя, како скоро плане, тако е и нестане. Чрезъ постоянно ума вниманїе, люди су произнашли у неколико иляда година све високе науке, полезне занате и сва знаня, ми садъ имаюћи їй готове, ласно їй постигнути можемо; али безъ вниманїа затворенѣ намъ е къ нѣима входѣ; али ако по срећи и улѣземо, али напрасито пролазећи и трчећи, мало се съ нѣима познати можемо. Мудрованѣ неки древни философа било е, да е душа човеческа имала їоштѣ пре негда сва понятїа науке и мудрости, пакѣ да їй е заборавила; а потомъ обичаваюћи имъ се, ништа друго не чини, него се само опоминѣ о ономъ што е пре знала. И изъ тога слѣди, да како што човекъ научи, то му се тако ласно и природно види, као да е съ нѣимъ отъ сложенїа умнога света било. Но ово мудрованѣ

исто толико значи, да е благи Творацъ словесну душу способну свакой мудрости создао; положио е у ню благодѣтельно семе свакога знаня, кое само чека росу трудолюбія и топлоту вниманія, да изникне, нараси, процвета и плодъ принесе. Све шаре и найфайнѣ жилище у мрамору законате стое, и чекаю само искусна каменосѣца руку, да каменъ изсече, углади и оно што е у нѣму сакривено лежало, у свой красоти нѣговой свету да представи и покаже. Но кои интересъ (помислити ће ко) може младога ученика ободрити и подкрепити, да у трудолюбномъ вниманію къ науци сладость свою тражи? Исти Павель Апостоль нѣ се нимало усумняо Еллинскога Стихотворца за сведока узети, да смо родъ божій. А то по чему другомъ може бити, разве по мудрости и добродѣтели? Богъ се премудри праведанъ и добаръ нариче; и ко се къ овимъ свойствама приближава, къ Богу приступа. Можели већи и славни интересъ на свету одъ овога бити? Нека сви други на страну... Довде смо у овой беседи сматрали само на оне, кои се сасвимъ наукама предаю, и савъ животъ свой нѣима посвећую; али читанъ кое лепе кнѣиге на свомъ простомъ езику, може и селянину и пастиру за овцама мило и полезно бити, ако само слова своя познаду и науче читати. Сва права мудрость и валяне кнѣиге на тай конацъ упрavlяю се, да човечески родъ разумни, больи и срећни постане. Зато сви просвѣштени, а при томъ човеколюбиви люди нису хотели трпити, да мудрость и лепа знаня само у стари езици остаю, и да се само у некомъ числу зовоми учени люди ограничаваю и ограђаваю. Природа душе ка-

но годъ и тѣла у свима е вообште еднака, и често онай, кои мало зна, съ добримъ ерцемъ може болъи бити, него онай, кои много зна безъ добра срца. На исти начинъ како многи што мало имаю, ако су разумни, могу мирнѣ и праведнѣ животъ проводитьи свой, него неки кои сто кратъ више имаду. Промисалъ всемогућега Творца никадъ не дрема, нити сасвимъ човечески оставля родъ; зато многочислене націе и народи чрезъ многостогодишня паденія и страданія, што су за свое неправде, злобе, а навластито за междоусобна несогласія преко главе праметнули и претрпили; чрезъ ова иста злостраданія мораю, кадъ годъ буде, у чувство доћи, у болъи редъ поставити се и поболшати се, зато природно свакъ жели, да му е болъ и да не злопати. Исти овай благодѣтелни промисалъ небесни тако устроява, да се цѣлимъ народомъ съ временомъ отвараю ума зѣнице, да виде и познаду, изъ кога погибелнога извора нѣова извире несрећа; а овай е изворъ злоба, изъ нѣ извиру незнанъ, неправда и междоусобна мрзость и несогласіе, завистъ, гордость, лукавство, лажа, свака притворность, и єднимъ словомъ сва несрећа. За умалити дакле зло на свету, а умножити добро, потреба е єдно и друго найпре познати; а ово бива чрезъ безпристрастне кнѣиге и читанъ, ко разуме и зна, шта е добро и полезно, дае се ласно къ томе управляти и водити.

ГЛАВА 17.

О различныхъ на кратко Исторіама.

Една кратка Историческа повѣсть ласно се запом-
ти и изощрава, навластито младе деце умъ, чинѣни
имъ ласноразумително наравоученіе, кое се у нъойзи
представля. Даде имъ способство, право судити и раз-
суђавати о човеческимъ дѣлама, приподае имъ добри
вкусъ, да могу чувствовати оно што е лепо и добро,
тако да мало по мало способни биваю и дугачка по-
вѣствованія безъ труда запомтити, и себи одъ туда
правила обхођенія и живлѣнія бадити. Една кратка і-
сторія може често ону добродѣтель, кою у себи содр-
жава, съ већимъ дѣйствиємъ и снагомъ у юште мла-
до срце укоренити, него дугачка и лепо о томе спи-
сана бесѣда, при којой валя много и високо мислити.
Придодаћу юште едно, што е весма полезно, и у жи-
воту похвално и потребно. Овай начинъ історіица о-
бучава млади возрастъ поредачно, пристойно, безъ из-
лишечія и коекакви заплетаня и замршеня речій, оно
што намъбраваю, ласно и чисто представити и разка-
зати. — У лютости што доказивати, нѣ знакъ, да
онай кои доказуе, има право. . . . Еданъ прости Селя-
нинъ нађе се при некој теологической диспутациі у
Оксфордской академіи и слушаше съ великимъ вни-
маніємъ богослове, кои се ту препираху. Неко га за-
пита: зашто онъ съ толикомъ интересаціомъ слуша

ствари кое не разуме, нити може судити, ко одъ они има право, ко ли не? Немой мислити, одговори онай: да ми селяни немамо човеческога разума. Я знамъ да они, кои врло вичу, лютесе, проклиню и прете, или криво имаю, ил' незнаду шта говоре. А они кои безъ сваке лютине и претнѣ кажу свое разлоге, мислимъ да су паметни и болъ разумѣваю ствари свое. — Болъ е да страда кеса него правица. — Артибарзанъ поглавити офицеръ и любимацъ Артаксеркса цара Персійскога, искаше одъ нѣга за некога неку милость, кою царъ правично немогаше дозволити; зато кадъ распита и сазна, колико е томе официру новаца обѣ-
ѣано, ако получи то што проси; зовне га и даде му изброити ту сумму новаца, говорећи му: ето ти оно што си мислио добити! Я безъ тога стражнѣи остати не-
ѣу; а кадъ би саизволио на твое прошеніе, био би ве-
сма неправеданъ, кое едномъ владѣтелю нипошто нѣе
слободно... Инатъ честности и великодушія. — Бданъ
сирома но поштенъ човекъ, вратаръ едне господске
куѣе у Милану, наѣе кессу съ двеста талира. А како
чѣе, чія е, однесе му е. Онай, за показати му свою
благодарность, понуди га да узме на поклонъ двадѣ-
сетъ талира. Вратаръ изговараюћи се да онъ то нѣе
заслужію, каже да неѣе узети ни крайцаре. Другій га
моли и за дуго принуждава; а кадъ види да съ нѣимъ
неможе на край изићи, баци предъ нѣга сву кесу го-
ворећи: Ето ти кесса! моя нѣе; я е нисамъ изгубію.
Кадъ ти мени неѣешъ ни на чемъ благодаранъ да бу-
дешъ, неѣу ни я теби. Онай ее сирома наѣе садъ у
невољи, и за непотезати туѣу кессу са собомъ, узме
20 талира, захвали и отиде. — Каменъ філософическій

илити майсторія, како се прави злато. — Еданъ благородни Венеціанъ, добаръ пріятель Косме княза Флорентійскога, рече му єдномъ: нико не сумня да ви немате каменъ ф: молимъ, сприобштите и мени ту тайну! Оѹу драговольно: одговори Косма, ово є мой каменъ. Я никадъ не чинимъ чрезъ другога оно, што могу учинити самъ собомъ. Што може бити данасъ, никадъ неодлажемъ на сутра, и ни найманю стваръ не пренебрегавамъ. — Поштенъ човекъ свакому држи свою рѣчь. — Кадъ су Арапи Махомедани завладали били кралѣвствомъ Шпаньолскимъ, еданъ млади кавалеръ шпаньолъ завади се съ єднимъ подобнимъ Арапиномъ, побіє се съ нѣмъ и убіє га: и да неби до ноѣи ухваѣенъ био, преѣе преко зида єдне велике баште да се ту сакріє. Господаръ баште, еданъ одъ поглавити Арапа, шетаюѣи се самъ по своіой башти упави га, доѣе къ нѣму и запита га, коя му є нужда, да се ту сакрива? Велика! одговори онай, него дай ми рѣчь и вѣру, да ѣешъ ме сачувати, пакъ ѣу ти казати. Овай га уведе у домъ свой, да му леба и соли, говореѣи му: садъ се можешъ у мене увѣровати, да си незнамъ што учинію. Онда му онай изкаже савъ посао: а овай га сакріє у єдну собу, обеѣавши му, да ѣе га, како ноѣъ буде, у безбѣдство поставити. Мало за тимъ донесу у домъ овога истога човека нѣгова сина убієна, и кажу му, да га є еданъ такови убію; и да су га видли да є у твою башту ускочію. Онда овай поѣе са многима тражити га по башти, али га не наѣу. А како ноѣъ буде, даде му коня оседлана и рече му: млади човече! ти си мога сина убію, дай си после тога леба и соли у моіой куѣи окусію, и

я самъ ти мою вѣру задао, да ѣу те сачувати, и дужанъ самъ то учинити; него бѣжи, ноѣу покривенъ; конъ е добаръ и брзъ, до зоре можешъ у мѣсто безбоязности доѣи. . . . Великодушни благодѣтель не соблажное се, ако му се пристойна не показуе благодарность — Тимолеонъ коринтянинъ избави градъ Свракузу одъ мучителя, и постави народъ у совршену слободу своѣй закона и правлѣнія. Овай славни човекъ доѣе до таке старости, да видъ очію изгуби, и кадъ би годъ собраніе народнѣ бивало, поглавити грађани носили би га на столици нѣговой у собраніе свое, и безъ нѣгова совѣта неби ништа предузимали. Еданпутъ наѣу се неки нерасудни бездѣлници, и почну у цѣломъ собранію на овога обштега благодѣтеля, за нешто, хулити. Сви остали жестоко вознегодую на то, и праведнимъ раздражени гнѣвомъ, счепаю за вратъ оне бездѣлнике, доведу ѣй предъ старца и запитаю, како оѣе да се накажу? Оѣу да имъ ни една длака на глави не пострада! одговори великодушни благодѣтель: мени е Богъ учинію милость и изабрао ме е за орудіе, да се вами ваша слобода возврати; а то неби права слобода била, кадъ неби свакій грађанинъ до найпоследнѣга и у мени, оно што му се порочно види, опорочавати смео. А веѣа часть мнѣнія и гласова нека превозмаже. Ево по чему се познае у човеческомъ тѣлу божественна душа. — Найраспуштеніи човекъ, ако іоште што годъ памети има, мора се правой дивити честности. . У време Карола второго Краля Инглезскога распуштеніе обичая било е до самога врха меѣу дворяни овога Принца доспело, и самъ Краль био е први у овомъ рабошу. Една весма лепа

кралѣва милосница нешто се съ нѣмъ завади, пакъ за осветити му се, баци погледъ очію свои на еднога простога, но благообразнога Гвардисту. Она е мислила, да кадъ она само макне главомъ, да ѣе онай полетити, као гладанъ на уштишке, али се наѣе преварена. Онай се позадуго чинію, као да неразуме што се оѣе, и као да би се мислило некакво подсмеяніе чинити на нѣму, свакояко се укланяю съ пута; а кадъ види, да се ту о нечемъ безъ сваке шале мисли, и да се одъ нѣга безъ свакогъ околиша *оѣу* или *неѣу* изискуе; онда онъ одговори: да онъ има свога преедрагога друга, коіой е душу и ерце поклонію свое, и да за другу неѣе на свету ни да чуе, да би башъ иста Венусъ, што е изъ морске произникла пене, била. Ова се осрамоти, али будући добра ерца и разума, удивисе вѣрности човека, и кадъ се съ кралѣмъ помири, исповеди му сву історію. Краль се зачуди редкости догађая, навластито у тако разпуштеномъ двору. Зовне га къ себи и запита га, ели то истина? засведочи овай, да естъ башъ тако. Чуе одъ нѣга, да е одъ знаменига поколѣня, но у нискомъ состоянію. Дворяни едва се удржаваху одъ смеяня, и само чекаху да краль найпре почне. Но онъ одговори: ніе ова стваръ за смеянъ. Правой честности високопочитаніе принадлежи. Похвали цѣломудріе човека, и повиси га на лепо достоинство. — Съ худимъ начиномъ не валя ни найвећемъ неприятели наудити. — Папиріусъ Карбо римскій конзулъ, будући заплетенъ у неправедно убіство другога Африкана, Лициніусъ Красусъ, био е одређенъ да изнаѣе све кривце убіства Африканова, да се на смртъ пре-

даду. Овай бише великій непріатель Папиріевъ, и радо весма желаше да га за повинна нађе и смакне. Овомъ истомъ еданъ робъ Папиріевъ, озлоблѣнъ одъ нѣга, крадомъ донесе еданъ сандучиѣ съ нѣговимъ цотайнимъ писмама, у коему казиваше, да ће се нађи доказателство кривице Папиріеве. Поштени Римлянинъ, премда главни онога непріатель, возгнуша се овай худи начинъ, на погибель истога онога, коему иначе желаше погибель, употребити, даде метнути роба у гвожђе, и пошлѣ га съ неотпечаѣенимъ сандучиѣмъ назадъ къ нѣговомъ господару; волимъ рече: да мой главни непріатель, (и може бити) повинанъ смрти, избѣгне наказанія суда, него съ невалялимъ и худимъ начиномъ да изобличенъ и погублѣнъ буде. . . Любовь братска. — У найвећемъ противсраженію интереса и началстволубія, кадъ су браћа и сродници добра срца, поштени нарава и правдолюбиви, ласно се могу помирити. . . У Африки наоди се едно кралѣвство зовомо Куко, више Алгира. Еданъ краль ондашњи умирући остави три сина; по закону, найстаріи морао би наслѣдникомъ бити очинога владѣнія. Но како често бива, да некіи родители пристрасно и неправедно већма едно одъ свое деце, него ли друго возлюбѣ; тако и онай краль одвећ любѣћи наймлађега сина, овога остави по себи за наслѣдника. Но по смрти нѣговой, народъ на то не соизволи, него сви единомушно хоћеду да по древномъ обичаю и по закону землѣ старіи братъ престола воспріемникъ буде. Братъ млађій любѣћи единако како правду, тако и брата свога старіега, соизволи на то, и самъ признаюћи да народъ и земля има право и да онай мо-

ра, илъ оће илъ неће, краљ бити. А онай опетъ са свое стране протестира и виче, да онъ противъ волѣ и уређењія оца свога ништо и за живу главу поступити неће, и да воли оставити землю и отечество свое, и самъ себе вѣчномъ изгнанію предати, него то учинити. Онда видећи поглавари народни да съ овомъ двоицомъ ништа расправити немогу, съ нѣовимъ согласіемъ заедно предаду среднѣму брату краљвство, и тако престане кавга и учинисе миръ . . . Достойно награђење невоздржанія и гортанобѣсія. . . Апиціусъ богати Римлянинъ у време Тиверія Цесара, наслѣди велико богатство одъ оца свога, и кадъ се види у слободи, да може жити по својој волѣ, преда се са свимъ елу и пићу. Онъ е публично лекціе предавао, како се различна ела мрсна и постна приуготовляваю. Списао е едно сочиненіе, како се и задоволѣни апетитъ може отварати, и къ далѣму елу возбужавати. Изнашао е нови видъ паштета илити пита, кое су се нѣговимъ називале именовъ. И на овај начинъ частећи себе и друге, распе и проспе много имѣніе. Найпосле дође му нѣговъ касиръ и каже, да му за сутра не остае више него две иляде и 500 либара (една либра чини око полъ форинта) то нѣ доста ни за ручакъ, рече, заповеди да му купи отрова, и самъ себе отруе . . . Ова се исторія види луда и смешна, али може бити полезна: зашто многи съ различни ели и пићемъ не само чине велики трошакъ, него и здравлѣ свое кваре. . . . Мучно е говорити съ еднимъ о ономъ, учему се онъ не разуме. Аполониусъ Пнеагорическій філософъ, овај е живіо у исто време у кое и Спаситель нашъ. Списатели онога времена

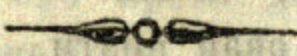
пишу о нѣму, да е чинію многа чудеса. Греція и Азія вѣровала є, да е у нѣму некакова божествена властѣ и сила била. Исти црковни наши учительи нису могли историческо вѣроятіе нѣгови чудотворенія одрећи, зашто онѣ што е чинію, то е бивало предѣ цѣли народи и предѣ римляни, кои су тада онима земляма владали, и у коихѣ исторіи онѣ е познатѣ. Свети Бронимѣ утврђава, да е онѣ чрезѣ магическу или врачевну силу сва своя творію чудеса. Онда су јоште не само езичници него и сви Хрістіани вѣровали, да се сѣ врачанѣмѣ много коєшта чрезѣестественно урадити и упословати може. Али свети Августинѣ недопушта му ни толико; него абсолюте оѣе, све што е учинію, да е чрезѣ некакову обѣсну радію, и да су кѣ ономѣ што е онѣ учинію, јоште много коєшта историци пришили и придодали. Било што му драго, о томе садѣ овде ніе речѣ, него да дођемо кѣ вишереченой сентенцій, да е мучно говорити сѣ еднимѣ. Овај Аполоніусѣ дође у градѣ Зевгму у Асирій на рѣки Евфрату у кои улазећи запита га армицарѣ, има ли што са собомѣ, на што би морао армицію платити. Имамѣ, одговори овај: *мудросѣ, воздржаніе, цѣломудріе, науку, истину, свободу, благополучіе*. Армицарѣ чуюћи толика женскога рода имена, помисли да су то некакве девојке робинѣ, коє онѣ на продаю по обичаю азіатическому води. Покажи ми, рече му, гди су ти те робинѣ, да видимѣ какве су, пакѣ ѣу ти онда какати, колико морашѣ армиціе платити; єрѣ ако су врло лепе, морашѣ платити више. То нису мое робинѣ, одговори Аполоніусѣ, него су мое госпоѣе благодѣтельнице и любимице, коє мномѣ заповедаю и управляю.

Добро! шта су да су; могу ли се баремъ видети? за-
пита онай; немогу се видети, зашто су у мени, од-
говори философъ. У теби; Сапр'лотинайнъ! заръ ти у
трбуу толику силу жена носишъ? рече онай као ужа-
санъ. Не у трбуу, добаръ човече, него у глави, у
памети, у срцу и души: одговори мудрацъ. Онда ар-
мицаръ погледа га позадуго, пакъ рекне своимъ слу-
жителѣмъ: пуштайте га нека прође, видите га да нѣ
читавъ у мозгу! . . . Царъ Ассирійскій у Вавилону, до-
чека га съ великимъ почитаніемъ, и запроси га да
дође у нѣговъ дворъ пребивати, докъ му воля буде
ту бавити се. А да Ваше Величество у варошъ Тіану
мое отечество дођете, били Ви дошли у мене обита-
вати? вопросы Аполоніусъ: би, одговори царъ, кадъ
би ти имао таковъ домъ, у комъ би могао, мене и
мое многочисленне служителѣ уведомити. На тай начинъ,
рече другій: како мой домъ неби био за тебе, зашто
ти оћешъ да си са многима; тако и твой нѣ за ме-
не, понеже я любимъ или да самъ самъ, или съ ма-
линомъ. . . . Особити начинъ искати службу и достоин-
ство. . . . Марко Порціусъ Катонъ, названи цензоръ (то
есть судія нарава) почемъ прође све степене и досто-
инства у Риму: у којима се онъ свагда непорочанъ и
достоянъ покаже, дође у време избранія Цензора и онъ
съ различнымъ другима ову службу искати, и на овај
начинъ одъ сената и народа заиште то. Римляни! ва-
ше су нарави весма изштећене и развраћене поста-
ле; слѣдователно требую жестока, а не худа и лас-
кателна лекара. Многіи одъ васъ, обличуѣми совѣстію,
знамъ да неби ради били мене за цензора имати, и
изабрати ће свакога пре него мене: али ако се у ва-

ми іюште коя искра любви къ честности и къ добродѣтели наоди, ако ви іюште найманѣ мрзости чисто-срдечно къ злови и къ разпуштению чувствуєте, и ако желите да поштене нарави меѣу вами сасвимѣ не пропадну, тако изберите Валеріа Флакуса и мене за цензоре! Ово чудновито прошеніе учини свое дѣйствіе, и онѣ получи то што є искао. . . Изъ рана се види, какавѣ ко мисли бити. . . Катонѣ одѣ Утике наименовани млади, био є праунукѣ више поменутога. Овай іюште дететомѣ будући, све би ѣутао, а кадѣ би му се друга деца сврхѣ тога ругала, онѣ би одговоріо: я ѣу све мучати, догодѣ не научимѣ добро говорити. Онѣ іюште маленѣ воспитаванѣ є био у дому стрица свога Друза. Латини у ово време доѣу у Римѣ искати права граѣанства. Попедіусѣ, поглаварѣ латински посланика, обѣѣаваше маломе Катону свашта, да и онѣ моли стрица свога, да имѣ помогне у нѣиовомѣ прошенію. А мали одговори да неѣе. Онда га онай узме у наручіе, однесе га на високѣ чардакѣ и почне му претити, да ѣе га бацити доле, ако се не обеѣа да ѣе молити. Бащи, акоѣешѣ, рече му дете: я неѣу молити. Какавѣ ѣе овай бити, кадѣ нарасти, и Сенаторомѣ буде? рекне Попедіусѣ своему дружеству. . . Добро се є за неволю другда и лудимѣ учинити. . . Калиѣѣ Хежіяжѣ бѣше свакомѣ страовитѣ и ужасанѣ за свою лютость. Ходећи єдномѣ самѣ у простомѣ одѣяннію по полю, сусретне єдногѣ простогѣ селянина и запита га, шта онѣ мисли о Калиѣѣ. Овай незнаюћи сѣ кимѣ говори: шта ѣешѣ да мислимѣ, рече му: него што сви люди о нѣму мисле? да є крвопій, зверѣ а не човекѣ! А єси ли га кадгодѣ видіо, и

знашъ ли какавъ е? запита Калифъ: нисамъ никада, одговори другій: а ти га погледай садъ здраво, я самъ тай, кои съ тобомъ говоримъ: рече Калифъ. Селянинъ погледа га, но не смеюћисе ни мало. А знашъ ли ти ко самъ я? запита Калифа. Я самъ ти одъ фамиліе Зокакове, одъ кое свакій по еданъ данъ у години полуди, и мой е данасъ данъ. Добро! рече Калифъ, кадъ си лудъ, а ти маширай. . . Кадъ што препоручимо да намъ ко купи, ніе доста дати ноту, не го валя штогодъ у ню завити. . . Арлото, парохъ негде у Италиі, пође у некій градъ по мору. Различни пріятельи препоруче му да имъ коешта купи, и даду свакъ свою ноту. Еданъ само опоменесе и завіе у свою толико дуката, колико е требовало за оно што е наручію. Кадъ се овай врати, донесе ономъ пометомъ све што е наручію, а другима каже, да седећи едномъ на покрову корабля, извади нешто све цедулице и метне їй предасе: кадъ етоти дуне некакавъ вѣтаръ, и однесе све у море. А како ніе могао тога и тога однети? запитаю га. Та однео би и ню да нису у нъойзи дукати замотани били, одговори Арлото. . . Управъ велики люди нису поносити. . . Алфонсъ пети, краль Арагоніе и Сициліе, названи мудри и великодушни, хотећи едномъ улѣсти у свою библіотеку, нађе ю затворену, а библіотакаръ бјаше некудъ отишао съ ключемъ. Онда онъ узме сикиру пакъ почне обіяти браву. Архіепископъ Неапольскій нађе га у томъ послу и зачуди се, да онъ то са своима рукама ради. Да што би ти хотео? одговори краль смеюћи се: да се я неслужимъ съ моима рукама у потреби? Яшући едномъ на коню, поизмакне се одъ прочи свои офи-

цира, и упаци едного селянина, кои се много муча-
ше да извуче магаре свое изъ блата, кое натоварено
съ брашномъ беше ту упало. Краль притрчи, скочи съ
коня и помогне му, али се здраво изкала. Међутимъ
стигну и офицери нѣгови, и навале трети га одъ бла-
та. Селянинъ, кои га нѣ познавао, сазнавши ко е
онъ, припадне и проси проштень. Иди ти добаръ чо-
вече, своимъ путемъ, ако самъ я и краль, човекъ самъ,
и чувствуемъ улађеніе, кадъ учинимъ дѣло чо-
вѣчества.

ГЛАВА 18.

О неколико различнымъ стварма.

Прво, о превеликой благопотребности доброга воспитанія младића наши дужни смо непрестанно мислити, шта најболѣ о томе знамо говорити, са свомъ снагомъ душе старати се, и све способство ума и пера къ овомъ употребљавати, да желю и настоянѣ о добромъ воспитанію деце дубоко у срца родителска укоренимо. Свако створенѣ природно свой породѣ любви и о нѣму се стара. Жестока лавица полаже животъ свой за лавиће свое, и курячица за курячиће. Квочка ако и изъ туђи яя излеже пилиће, ништа мањ, съ толикомъ се милошћу о нѣима стара, колико да су іой сви исподъ срца произишли. Ова природна любовь и попеченіе мора толико већа бити у словесномъ и разумномъ створенію, колико ово не само о тѣлесномъ и временномъ, него и о душевномъ и вѣчномъ понятіе и разумѣніе има. А иста любовь и попеченіе ни у чему се другомъ показати и засведочити не може, него у старанію о добромъ воспитанію деце. Будући дакле да одъ воспитанія све благополучіе и злополучіе човекова живота вообште зависи, слѣдуе да родителѣи, кои ово са знанѣмъ своимъ у немарность полажу, толико су криви и повинни, колико и чада, кадъ се родителѣмъ своимъ не повиную и нѣи не любе и не почитую. Ђдно размажено и изъ

детинства покварено и изштећено срца и душе расположеніе и склонѣніе, рађа сваку злобу, и привлачи на вратъ човеку сваку физическу и моралну несрећу и беду. Познаємо да одъ состоянія и сложенія крви и тѣлеса човечески, нѣјове желѣ и склонѣнія многоразличне и свакојке показую се, и у самој ствари есу. Неки су врло ласно склони на гнѣвъ, на кавгу, на вражду и на свако сластолюбіе, лукавство, пакостъ и злобу; а неки на противъ чине се одъ саме природе склонни на кротостъ, на тихій миръ, на любовъ и пріятельство, на воздржаніе и у свачему умѣреностъ, на просто чистосрдечіе, на доброжеланіе, благоволѣніе и на сваку добродѣтель. . . Саде у овоме се сва тайна, и (нека ми се допусти рећи) као нека магическа и преестественна сила воспитанія состои, она прва, што се зла чине и у себи виде, склонѣнія, ако се чрезъ разумно воспитаніе на добро окрену, наставе и упуте, витежке добродѣтели рађаю и производе: а ова друга склонѣнія, што се сама у себи лепа, пріятна и любведостойна чине, ако се сама себи, пуста безъ свакога воспитанія, наставлѣнія и благоуправлѣнія оставе, ништа друго не рађаю него неваљалштину, о свачему немарностъ и небреженіе, малодушіе страшљивостъ, робско у свачему похлѣбствованѣ и ласкателство, простачко и сасвимъ неразумно ласновѣріе, и єднимъ словомъ сваку непотребностъ и худостъ. У младости и у цѣлой снаги возраста све су страсти наше силне, и склонѣнія напрасита, и срце се наше ласно вара ласканіємъ и пріятностима услажденія: а умъ јоште несазрео и разсужденіе слабо и непостояно, ако ми нисмо изъ рана

научени тимуюномъ лађе наше владати и управляти, ласно насъ могу или волне превратити и прогутати, или о кои каменъ ударити и разбити, и у дно пропасти низвести и утопити. Добро воспитаніе дае намъ знати, подъ коимъ се цвећемъ зміе крію, и кое су сласти отроване и стртоносне. Ми очевидно видимо, како цѣле націе зло и накриво воспитане и на истинитой добродѣтели неосноване у свагдашнѣмъ немиру, неслоги и вражди живе, и свагда бѣдно страдаю, и одъ рода въ родъ муче се и пропадаю. Благо и добро воспитаніе, може се цѣлимъ націяма дати, то естъ свакомъ по вѣговимъ обстоятелствама и станю, нити се ово состои у томъ, да ко има доста новаца и да високе науке придобити може; него у познаваню и твореню истинитого и свагдашнѣга добра такођеръ и у точномъ познаваню онога што е управъ зло, себи или другому вредовито и пагубно, и у свагдашнѣмъ себе одъ тога чуваню. Како еданъ човекъ у своіой персони крозь свое неваляло владанѣ свимъ добримъ и паметнимъ неносанъ, презрителанъ и мрзостанъ бива, тако и цѣла обшества ову исту несрећу на себе привлаче, ако се постараю, да чрезъ добро вниманіе разумъ свой не просвештаваю, и нарави и обичае свое не поболшаваю. . .

Чему валя младъ човекъ да се учи. . . Свака наука содржава у себи неке истине; а будући природно жели познавати истине, тако мора у свакомъ виду науке услађеніе наодити. Са свимъ тимъ не валя да ій предузимамо безразсудно. Свагда дужни смо предизбирати оно, што намъ е найнуждніе за живлѣнѣ наше, и што намъ може бити найполезнаіе. Наравоучи-

телна філософія, политика илити грађанско управлѣніе свію народа и історія, нуждне су за свакога, кои се колико толико у науку пача. Маѣматическа наука содржава у себи превисока и предивна знаня! да єданъ умѣрене науке човекъ, баремъ найнуждніе части ове, мора познанство имати: а то єсть Ариѣметике, Географіе и Сфере, сирѣчь земнога и небеснога круга. Геомеѣрія є божественне Маѣматике часть, зашто ова учи човека, да є у свачему предосторожанъ и точанъ, и совршено обазрителанъ у своимъ рассуђеніама. Ова дає у руке найспособніи начинъ непреварности у истраживаню свакога рода истине, кое є неотложно нужно не само у свакой науци, него и у управлѣнію общтега живота. Зато високій Платонъ, никога, кои неби Геометрію знао, неби у школу примао свою. Логика и метафизика просвештаваю и разшираваю умъ, и составляютъ поглавиту часть філософіе. Реторика, то єсть наука лепо говорити, срца множества людій добіяти, и цѣли народъ на све што є добро, похвално и общтеполезно, скланяти и доводити, весма є благопотребно знанъ. Натурална філософія показує тайне естества, лепоту, чинъ, и чудни союзъ свега створеня, и може се найсвойственніе рећи кнѣига богооткровенія и познанства свемогуѣства, премудрости и промисла божіега, разумеванъ учени єзика: коя годъ часть музике и танцованя, похвална су и лепа знаня. Да свакъ обаче науку званія свога совршено мора знати, ово се разумева, ніе потреба о томе ни поминати. . . О пристойномъ употреблѣнію науке. . . Височайше и найлепше науке одъ благоупотреблѣнія, кое се съ нѣима чини, получаваю сву свою сѣйность, до-

стоинство и цѣну. Гордѣти се съ наукомъ, то значи у дому мудрости будаломъ бити. Сва слава науке состои се у просвѣщенію ума, и разумномъ управлѣнію срца. Разумно учени човекъ никадъ безвременно и суѣтно не показуе науку свою, нѣти се ревностно за ствари одъ ништа дишпута, не мари да привлачи млоге у свое мудрованѣ; догматическій или ти законоположителни гласъ нѣ нѣговъ посао. Подобанъ е искусномъ и човеколюбивомъ лекару, кои е радъ свакомъ помоћи, и ко му може платити и ко не може, али се силомъ никоме не намеће. Права наука свагда е соединѣна съ умѣреностію, смиреніемъ и разсуѣненіемъ, понеже колико е већма ученъ, толико болъ валя да познае свое недостатке и дужности. . . О добромъ и зломъ употреблѣнію времена. . . Найизвестнѣе средство до спокойства живота доћи, и основано благонадеждіе о будућемъ имати блаженству, состои се у разумномъ и добромъ управлѣнію времена. Зато валя да смо весма прилѣжни у послу званія и состоянія нашего, одъ коега живлѣнѣ ожидавамо наше. Башъ и кадъ смо безнослени, читаймо, или слушајмо одъ други што добро и полезно. Мислимо и стараймо се о нашемъ и ближнѣга нашего добру. Любимо правичность и истину, и желимо да насъ свагда и свуда ове воде и наставляю. Иштимо познанство и обхоѣненіе съ разумнима и искуснима. Пашtimo се вообште познавати люде, али особито и навластито себе. Испитаймо себе, есмо ли способни ономе што намѣравамо предузети: а кадъ се у то упустимо, настоймо наше принадлежности точно исполнявати. Знајмо безъ найманѣгъ сумнѣнія да изъ никаквога упражнѣнія живота, ако ово

ніе на любви къ добродѣтели основано, постоянно задовољство произићи неможе; зато желимо да сва наша дѣла правди божіой и нелестной честности согласна буду, и да се неби ни одъ шта съ временомъ постидѣти могли. На овай начинъ време проводити свое, то се зове на славу живити Божію. И ако га будемо овако употреблявати, не само што неће намъ се никада дугачко и досадно учинити, но паче биће намъ свагда кратко и весело; свагда ће украшавати умъ нашъ съ благопотребнимъ знаньмъ, кое у самоѣи може намъ служити за весело дружество, а у друеству бићемо добримъ и разумнимъ полезни, пріятни, любезни, честни и желаеми; благопотребни любимомъ отечеству, на похвалу цѣлой націи, одъ кое смо произишли, на вѣчну честь и славу родителя, кои су насъ родили и одрастили, а сврхъ свега чувствоваћемо у срцу нашемъ дѣйствителну и любку надежду будућега вѣчнаго благополучія, то є najlepше и найславнѣе, што се на овомъ свету придобити може... На противъ смотримо мало на оне, кои бесполезно и у худой и непотребной лѣности овай многоцѣнни даръ Божій, то єсть време свое проводу и просипаю. Боећи се свакога поштеного труда, и непрестанно трчећи за коекаквимъ суєтнимъ забавкама, и за скороизчезаємымъ сами телесни чувства задовољствованіе заслужити. Живећи у всеконечной немарности свега онога, што є морално добро, полезно и лепо, и не даюћи pozorъ на своя зактеваня и склонѣнія, мало по мало предаю се различнымъ непорядчностима, кое кадъ отрую и покваре нѣнова срца, изштете и све нѣове нарави, и извргну їй у свако распуштенъ и злобу.

Лѣность згадљива е и срамотна и сама по себи, а по томе е јоште најгора, што на свако зло учи и навлачи. Не будимо дакле неразумни, и не губимо време живота, кое се за насъ, кадъ већъ прође, никадъ повратити неће. Трудолюбиви земљедѣлци и пастири кадъ поштено и праведно живе и Бога любе и славе, боголюбно време проводе своє. . . О употребљѣнію благосчастія. . . За познати каквога е сложенія душа и срце еднога човека, и какво мнѣніе мора се о нѣму имати, валя сматрати, какавъ се онъ показуе у срећи или несрећи својој. Ако га благополучіе преко мѣре веселимъ, продрзљивимъ и високоумнимъ чини: ако ли га пакъ злополучіе сасвимъ у жалость и отчаяніе обара, нѣгово е срце слабо и душа худа. Напротивъ, ели онъ постоянь у свимъ случайнимъ приключеніями, сохранява ли онъ своју обичну доброту, умѣренность, къ себи ласноприступность и любкость нарава, онда башъ, кадъ се највећма счастіе на нѣга осмеева, може се слободно изрећи, да е нѣгова душа висока и срце лепо и благородно. За дати помоћъ души и срцу нашему, да у свакомъ обстоятелству, било десно, било лево, сачуваю достоинство и благородство свое, обикнимо се изъ младости овако мислити: да су сва задовольства и благополучія овога свѣта, сматрајући на краткостъ живота и на непостоянство счастія човеческога, багателе и дѣтиньске игрице, и да нису такове, кое би могле разумну душу съ ума скренути и къ лудомъ киченю и високоумію довести. А съ друге стране пакъ свако страданъ и злополучіе не будући вещи вѣчне него кратке, као и животъ нашъ што е, зашто да насъ очаянію предаю?

Споменимо се, да ће участіе наше негде на другомъ мѣсту славно бити, ако ми благоупотребимо каква му драго приключенія овога живота, и тако нећемо се ни у добру возгордити, ни у злу похудити. Многи у малености показали су се велики, а у великости одвећ малени и худи. Чудно е видити у Историји, каква су царства на комедию овога света долазила, каква ли ће и у напредакъ долазити и пролазити! Блажене само оне душе и они народи, кои се буду славни у правди, великодушію и доброты показивати и представляти! Ови ће бити память въ родъ и родъ... Неколико правила за обхођење и разгоръ... Способность наше мисли взајмно другъ другу спріобштавати, то е што ми назначуемо чрезъ речъ обхођење. Ово е едно одъ благородни преимушчества, коя полажу човека превише безсловесни створеня... Премда сви люди у овомъ одъ дѣтињства до саме старости упражняваю се, сирѣчь разговараю се и обходе, са свимъ тимъ редко се ко наоди у овоме савршенъ. Многи сладкоречиви ретори могу лепе за удивлѣніе саставити бесѣде, а за обштій разговоръ нису способни; зашто у овоме нема се времена мислити, нити се за дуго о одной истой бесѣди матеріи; него валя за часъ како што у разговоръ дође, у томъ ни мало не штудираюћи, напредовати, у овомъ се и состои трудность, да то и тако напрасно и лепо буде. Лепа знаня разни стварій, остроуміе, учтивость и разсужденіе, ово су душа разговора. Ко дакле жели пріятанъ у разговору показати се, никадъ не валя свомъ особитомъ славолюбію да угођава, само о ономъ што е нѣму или угодно или на похвалу, говорећи, но паче къ ономъ да

се слаже, што е целомъ друштву, или баремъ већой части овога угодно и полезно: зато ако га други у нѣговой беседи и прекину, нека за то не мари, него нека престане съ другима, мислећи да е то нѣма миліе и полезніе. . . Умѣрени у разговору човекъ свагда е другима пріятанъ, ибо природно свакъ милуе онога, кои другима атаръ пази, а за свой немари. . . О себи и о своима стварма, безъ особитога узрока, или ни мало, или врло мало и накратко валя говорити; зашто, што другима за тимъ стои, колико ми коня ранимо у штали, какве ли су наше слушкинѣ? . . Или одвећ много говорити, или сасвимъ мучати и за разговоръ други немарити, еднако е непристойно. Млади люди или за недостатакъ довољногъ искуства, или за излишнѣ своелюбіе, валя много да слушаю и мало да говоре, да су свагда на опазу, и да внимаю разговоромъ старіи и искусніи одъ себе. . . Свашто съ краткимъ пословицама и сентенціяма (изреченіяма) утврђавати или одрицати, весма е неразумно; и тако е несносно, кадъ се двоица препиру, и изъ светогъ писма еданъ одриче оно исто, што други утврђава. . . Башъ и о оной матеріи, кою човекъ совершенно зна, нека много неговори, развѣ ако дружба то изискуе, и у томе свое улађење налази. . . Не валя ништа безъ довољнога узрока нити да похваляемо нити да похуђавамо, ако оћемо да не паднемо у подозрѣніе или клевете. . . Не узимљимо никога за предмѣтъ шале, ако добро не знамо, да е то ономъ истомъ угодно и пріятно. . . Долазити съ пуномъ главомъ исторія, преповѣдка и новина у дружба, то се зове кварити дружба, зашто овде свакій оће да има свое участіе,

како годъ и у елу и пићу, кое се на обшти асталъ
предлаже, ніе право да еданъ има више него други;
а ко би радъ све самъ ести, што се годъ предлаже,
нека самъ на само руча. Све питати, а ни на што
неодговарати, просто, безъ разсуђенія и за друге пи-
тати, нимало немарећи, знаду ли они то, и есу ли ра-
ди чути и знати, не пристои у дружеству. Изискуе се
толика майсторія паметно питати, колико и задовољ-
но одговарати, и у овоме истинствуе она речъ, да ра-
зуманъ никадъ неће моћи сва неразумногъ питаня, за-
довољствовати. . . Говорити, како човекъ мисли, ово
е знакъ чистосрдечія и любоистинности, али кадъ чо-
векъ ружно и накриво мисли, онъ ружно и накриво и
говори, пакъ и незна да тако ради. Зато валя се здра-
во трудити, да научимо лепо и право мислити, ако
желимо да тако и говоримо. Вредность се состои, да
се човекъ уме по соизволенію други владати, а не да
се други по нѣговой вољи намештаю и окрећу: разу-
мева се, у таковима стварма, кое нису честности и
справедливости противне. . . На конацъ придодаймо још-
те ово. Пріятнимъ и любезнимъ многима постати, ово
се навластито у содружеству учи, подражавајући они-
ма, кои су пріятни, и чувајући се свега тога, чрезъ
кое непріятни такови биваю. . . Дружество, кое се е
овде честократъ споменуло, разумеваю се овде разум-
ни, поштени и добри люди.

ГЛАВА 19.

Неке иносказаєме повѣсти.

Кривица и стидљивость.

Кривица и стидљивость (каже намъ Аллигоріа) биле су прво време другарице и пребивале су неко време заедно, но нису се могле никако сложити; и познаду искуствомъ, да неће моћи ништо скупа обстати. Зашто кривица чинећи често коешта непристойно, давала би узрокъ стидљивости срамити се, а ова опетъ одвећъ чувствителна и деликатна, и кадъ би могла она друга кою безпутицу сакрити и затаяти, ова би е са своимъ стиденѣмъ и заруменѣніемъ издала и осрамотила. По довольномъ несогласію, противоречію и свађи, разстану се за свагда, и одъ тога времена кривица се сдружи съ лажомъ, и свагда се кріе и бежи по ноћи, чувајући се одъ правице и наказанія нѣйзини главни непріятеля; а стидљивость прибѣгне къ некој славной госпођи добродѣтели, истинитой кѣри, съ коіомъ свагда у великомъ согласію и любви живи. Изъ овога узрока бива, да човекъ кадъ се преда злоби и кривици, изгуби стидљивость... Срећа и несрећа... Ове две сестре, кѣри промисла, ходећи тамъ овамо по свету, дођу у Финицію у домъ некога богата трговца именемъ Валаско, кои живляше у Тѹру престолномъ Финиціе граду. Срећа ста-

рія сестра беше лепа као Даница, а украшена и весела као пролеће. Веласко имађаше два сина, Феликса и Ураніа. Ови бяху обадва лепо воспитани и определени на трговину. Ова два брата живили су изъ дѣтињства у правој братској любви; али любовь, којој свако остало сродство и пріятельство уступа, метне међу нѣи раздоръ и вражду, будући да се обадва у прелестну красоту старіе сестре погибелно залюбѣ. Ова хитроумна прелестница показиваше се обоици браће еднако благонаклонна, но нехођаше ни за еднога поћи, ако се други не склони, сестру нѣйзину узети, безъ кое она заклиняше се да за дуго живити не може. Веласко не хотећи да срећа (девојка којој паара не беше) изъ нѣгове куће изиђе, употреби отеческу свою властъ, и принуди синове свое да метну жребіе, и да обоица узму ону, коя му на жребіе падне. Ови се покоре оцу, и тако Феликсъ добіе срећу, а бѣдни Ураніе несрећу. Учини се сочетаніе съ великимъ празнованіемъ, по коемъ не много после умре Веласко, и остави Феликсу као старіему и срећніему сину већу часть имѣнія свога. Овай видећи се на врху задовольства, ніе знао одъ радости шта ће чинити. Облачаше предрагу свою у сваки мода алыне златне съ непрецѣненнымъ драгимъ украшене каменѣмъ. Учини познанство съ найвећимъ града Тура фамиліама, преда трговину и домоправлѣніе слугама своимъ, а онъ нехођаше више ни зашто да зна, него за ежедневнѣи и до прекополуночне части и веселя. На овай начинъ прелазећи предѣле естества, разслаби тѣло свое и поквари желудкацъ, тако да често потребу имађаше одъ лекара и свакояки лекарства.

Падне у такову гордостъ, да брата свога нехоћаше више ни видети ни познавати. Чрезмърномъ срећомъ своіомъ размаженъ, лиши се и обнажи свакога вида добродѣтели. Помеша се у строптиво и развраштено друштво, и предаде се свимъ безпорядачнимъ закънѣваніама срца свога. Овако неку годину живећи, падне у различне болести, одъ кои га већъ ни лекарства помоћи немогаху. Найпосле доспе у таково разслабленіе, да иста нѣгова, пре тога тако любима срећа, изгуби за нѣга све пріятности свое, и покаже му се ружна и аветна. На мѣсто прве оне гореће любви, усели се међу нѣи вражда и погибельна мрзость. Онъ срећу псоваше и проклиняше, говорећи, да га е она у таково бѣдно состояніе довела. А ова нѣга на противъ укораваше одговараюћи му: да си ти добаръ и наметанъ био, ти би самномъ многима добра учиніо, нити би самъ себи толика зла на вратъ навукао. Знай да мой отаць промисалъ ніе мени дао даръ, да я могу онога съ коимъ се зачетакъ, наметнимъ и добримъ учинити, ако е онъ лудъ, зао и неваляо. Ово изрекши изчезне изпредъ очію нѣгови, а онъ бѣдни свимъ согражданомъ и истимъ служителѣмъ своимъ мрзостанъ и на поруганіе сконча се, имѣнію нѣговомъ ни трага не остане; у велике дворове нѣгове дођу туђи обитавати, а по широкимъ башчама нѣговимъ непріятелѣи нѣгови проођаху се, кои, и кадъ би га кадъ годъ споменули, неби то за други чинили узрокъ, разве да му се смею и ругаю Време е већъ садъ да споменемо и сиромашка Ураніа. Овай сочетавши се са несрећомъ, шта е друго могао бити разве несрећанъ. Казали смо мало пре, да исти братъ нѣ-

говъ ніе више хотео за нѣга ни знати ни чути. Они, кои нѣгове трговине на комисію узимаху, неки му-флизи постаяху, а неки и безъ тога нехоѣау ништа да му пошлю. Корабльи съ еспапомъ нѣговимъ неки се потопе а неки поразбіаю. Сирота нѣгова несреѣа вѣрна му бѣше и никада одъ нѣга не одступаше, но свагда га къ стерпѣливости и къ великодушію увѣштаваше; казуюћи му, да право задовольство и покой срца несостои се у ономъ, што овога света питомци наричу среѣомъ; нити право зло у овога света несреѣи. Но онъ докъ годъ іоште што имаѣаше, и докъ се годъ іоште чему одъ некудъ надаше, свагда на свою супругу мрзаше, нѣйзина увѣштанія за будаласта држаше, ню гдно ружаше и одъ себе е гоняше. А кадъ изгуби све гди е годъ што имао, оставши безъ брата, безъ сродника и безъ пріятеля, почне се и за неволю са несреѣомъ своіомъ слагати, и шта ће чинити, договарати. Какоти намъ онъ то почне, истомъ у еданъ ма нѣгова несреѣа неучини му се тако ружна као пре. Колико више онъ нѣзинимъ внимаше речма, толико више прекрасни свойства у нѣойзи откриваше и познаваше. Онъ ню почне любити, и тада, за удивлѣніе! какве красне добродѣтели при нѣойзи позна и наѣ! Тихо трпѣніе съ благодушіемъ, трудолюбіе, воздржаніе, здравлѣ тѣла и ума, умѣренность, разумно смиреніе, блажену мудрость, и у малимъ, натуре нужднимъ стварма совершенно задовольство и благополучіе. Сада онъ ню топрвѣ позна, возлюби ю презѣлно и до обоженія, а она му се покаже у свой своіой незлобивой непорочности, и даде му се познати за небесну кѣрь добродѣтель. Онда возхишчени ра-

достію Ураніе, узме съ собомъ ово предраго свое божество, остави богати Твръ и мореплавателно волнованіе, пакъ пређе негде далеко у неку землю, гди само землѣдѣлци и пастири живляху; ту се намести у єдномъ здоровъ мѣсту и лѣномъ, подъ високомъ планиномъ селу. Селяни га любезно приме, и даду му узаямъ неколико оваца и крава. Овде онъ здравъ и крепакъ тѣломъ и разумомъ, разкрчи нека мѣста подгорія, и начини себи нѣиве и ливаде, ту проживи благополучно, и остави за собомъ многе наслѣдники, све землѣдѣлце и пастире, кои, у ономъ чрезъ праведне законе благоуправляемомъ мѣсту съ трудомъ своимъ разумно, поштено и задовольно живе. . . Овде ћемо додати єдо кратко слово, кое є, подъ пређашнимъ видомъ несреће, а стварію добродѣтель, Уранію своєю, при разстанку съ нѣимъ изговорила: Я самъ дражайши мой Ураніе! срце твое већъ придобила, и излечила самъ га одъ преизлишнѣга желанія земальски ствари; научила самъ те да се повинуєшъ Свевишнѣга промислу, да си трудолюбивъ и съ умѣреннымъ задоволянъ; да си подвижанъ и прилѣжанъ у твоє послу, колико више можешъ, а у ономъ што одъ тебе не зависи, да єву твою надежду на Бога полагешъ; да си боголюбивъ и човеколюбивъ; да помажешъ, коме помоћи можешъ, а комъ не можешъ, да съ нѣимъ соболѣзнуєшъ! Мене промисалъ неба често избранимъ своимъ и найбільимъ на свету шалъ, зашто їй я найбільъ разумемъ и триѣнію учимъ, и чрезъ кратко искушенія време, вѣчнога блаженства достойне їй показуємъ. Я самъ Сократа, Фоціона, Тимолеона, Римске Катоне, и друге нѣима подобне, безсмртне сла-

ве именемъ обдарила, нѣи самъ за прикладъ будућимъ вѣковомъ представила. Ти си видіо любими Ураніе! како є братъ твой са срећомъ сестромъ моіомъ прошао. Тако она са свима поступа, къ коима по случаю, и на искушеніе дође; и кои нису вредни ни достойни съ нѣомъ добро употреблѣніе учинити. Они често и овде на земљи зло прођу; ако ли како и утеку, и у свакой могућой сласти проживу и проведу; коя имъ є одъ тога полза, кадъ то као санъ прође и изчезне, и кадъ после себе худо оставе име? Злато се чисти у огню, а добаръ човекъ у искушеніама и у мнимомъ овога света злополучію, кое промисалъ неба на најболъ попушта, да нѣову добродѣтель у совершенство доведе. Я самъ мое дѣло совершила, и конацъ намѣренія мога получила, садъ полазимъ къ далшему мому опредѣленію, а ти любими мой! слѣдуй совѣтомъ моимъ, и на овай начинъ бити ће животъ твой честанъ и кончина твоя блажена... Благочестіе и суевѣріе. У едномъ виђеню... Я самъ често размишлявао у себи, како се то случавало, да различни народи на земљи подъ именомъ примлѣнога и узаконѣнога богочестія свагда су се надали да ће болъи, разумніи, боголюбивіи, праведніи и човѣколюбивіи бити, а у исто време сматрајући пакъ на нѣова дѣла, коя болъ сваку стваръ засведочаваю, него сама звечаня речи и мудрованя, видити се може, да се люди нису толико, колико би надлежало и могуће било, одъ тога ползовали. Ёрбо и они исти, кои су едне вѣре и мудрованія (што се до богопочитанія каса) нису [ни доста сложни, ни любезни, ни праведни међу собомъ. Но нека су овоме причина различни чо-

вечески интереси, пристрастія и злоба; али народи, кои еданъ одъ другога далеко стое и пребиваю, и нити се кадъ виде ни састаю, да се међу собомъ мрзе и да се проklinю, и што е найчудніе, изъ ревности свакъ свога богопочитанія, и подъ извѣтомъ къ преблагому и свеобштемъ Творцу любви; ово нисамъ могао нити могу разумети, ни постигнути: и чини ми се свакомъ истине правилу противно, да би ова мрзость и злоба изъ богочестія произићи могла. О овой матеріи у едно тихо пролетнѣ вече дубоко замишлѣнъ, и сожалеючи о рода человеческого состоянію, легнемъ у постелю, и у ту исту ноћъ слѣдуюће покаже ми се видѣніе. . . . Нађемъ се на одномъ широкомъ, густомъ магломъ покривеномъ полю, на коему множество народа одъ различни нація и езика сабрано, и на многе чопоре разделѣно бѣше. Међу нѣма упазимъ некакво створенѣ, више чудовишту некомъ, него человеческомъ подобно виду. Ово у црномъ одѣянїю обучено хођаше; сва му кожа скуплѣна и осушена бѣше одъ престарелости; носаше у десной руци сѣ обе стране оштри мечъ, а у левой некакву ужежену и црвеномодримъ жестокимъ распалѣну пламеномъ матерію. На челу му се съ крвавимъ словима написано виђаше *Богочестіе!* а на прсима *Ревность!* Сва му широка альина нашарана бѣше са скорпіовиднима и тайнима некаковимъ фигурама, одъ коихъ я немогахъ више него ове размсрти речи: *Церемоніе, Обичаи и Преданія.* Ово чудовиште нехођаше као што се оди, него пролеђаваше крозъ све оне чопоре люди, свима мечъ свой показиваше, све съ пламеномъ своимъ на ревность, на мрзость и на междоусобное гонѣніе ра-

спаляваше. Имаѣаше са собомъ три друга некакова створеня, коя свуда съ нѣмъ пролеѣваху и називаху се *Глупостъ*, *Интересъ*, и *Полишика*. Ова три вида, у отсутствію онога чудовишта, намѣстничество нѣгово примаху, и онога именемъ управляху. Оно пролетаваюћи свуда, упаци и мене негде на само стояща, и рече ми са страовитимъ гласомъ: О ти бѣдни немыслими земнородни! Како се ти усуѣуешъ ту на само стаяти? Улѣзи скоро у еданъ одъ они люди чопоръ, кои се подъ моимъ наоде властію и управлѣніемъ, ако оѣнешъ да моимъ оружіемъ пораженъ, и вѣчномъ проклетству и мученію предать не будешъ! Улѣзи у кои оѣнешъ, то є мени све едно, само да си подъ моимъ скиптромъ! Бѣжи одъ прелести овога лукавога света! и знай да човекъ неможе иначе у вѣчно доѣи блаженство, разве чрезъ слепоту ума, и чрезъ непрестанну на овомъ свету тугу и неволю! То є моя воля и законъ! Наука, любовь къ мудрости, желя и изтраживанѣ истине, то нїе за човека на овоме свету! и ко то жели и тражи, тога ѣу я овимъ моимъ оружіемъ, мачемъ и огнѣмъ изтребити, како самъ и досадъ изтреблявао и проклетству предавао, и такове убїяюћи и изтребляваюћи я жертву приносимъ Богу. Ёдва ово чудовиште те свое последнѣ изговори речи, кадъ истомъ съ восточне стране ове поляне укаже се неки светъ. Ужасно закричи оно страшилиште, и изчезне заедно са своя три намѣстика и са сви они враждебни чопори люди, небо се разведри и магле нестане. Я іоште трепетахъ одъ страха и ужаса онога видѣнія, кадъ етоти упацимъ близу мене єдну благообразну жену, великолѣпну као царицу, а милостиву

као матеръ. Благодатъ божія сіяше на лицу нѣномъ, и небесна красота показиваше іой се у погледу. Не бойсе чадо мое! рече ми ова: ти видишъ, колико е и какова различностъ међу онимъ чудовиштемъ и страшиломъ, и мноми, која самъ дошла на избавлѣніе твое! Оно е суевѣріе, кое мрази, разделява и мучи родъ човечески; а я самъ Богочестіе и благочестіе, која у доброжеланіе, миръ, слогу и любовъ люде доводимъ. Я самъ кѣи истине и любви, а мати благоволѣнія, надежде и радости. Мои се почитатели не по нѣиновомъ мудрованію, кое е случайна стваръ, и одъ нѣи независи, него по нѣиовой добродѣтели, која, одъ свакога волъ и усрдія зависи, познаю. Ако су они по нечемъ и различни у мудрованію, о некихъ обичаехъ и церемоніяхъ; есу ли они само поштени, праведни, човеколюбиви и добри, сви су они синови Вишняго, зашто ко твори дѣла божія, тай е одъ Бога.

Оно злоковарно и злочинно чудовиште, одъ коега си се тако ужаснуо, усуђуе се безстыдно, мое име на себе узимати, али га е ласно одъ дѣла нѣгови познавати; зашто чини, да комшія на комшію мрзи, и да човекъ подобногъ себи човека, кои му ніе никаква зла учинію, злослови и еданъ другога проклинь. А я на противъ, изискуемъ одъ мои прави почитателя, да и злотворомъ своимъ праштаю, и непріятельмъ да добро чине. Оно страшило, оће да су люди свагда у сумнѣнію, у непрестаной плашнѣи, да се муче овога, и да се очаяваю будућега света; а мое е све настојанѣ и старость, да су ми мои подчинѣни у добротѣ своіой и овде радостни и весели, и у совершеномъ будућега живота благонадеждію. Остани ми дакле съ

Богомъ, чадо мое! Испуняявай дужности твое у обществу, у коему те е промисао неба поставіо, и настой коливо више можешъ, ближнѣму твоему полезнимъ бити: уживай радостно и весело у добродѣтельномъ и друголюбномъ обхожденію дане живота твоего! Ови е животъ прекрасни даръ божіи, и како на временно тако и на вѣчно добро разумномъ и добромъ човеку дати, и знай да добродѣтелни животъ, то е право богочестіе и благочестіе. А противно овому мислити, то проиходи изъ онога чудовишта, суевѣрія, или по крайной мѣри изъ коега одъ нѣгови наместника, глупости, интереса и политике. Я се садъ пробудимъ утѣшенъ и радостанъ, и напишемъ ово мое видѣніе! кое, ако комъ мило буде, зафалиће ми, а коме nebude, нема се на што срдити, зашто е ово санъ... Видѣніе Мирсино... У еданъ пети данъ месеца, кои я по обичаю мои прародителя свагда светкуемъ и празнуемъ, обучемъ се и уміемъ, и обично благодареніе и славословіе Свевишнѣму воздамъ; попнемъ се на високу више Багдада планину, за провести тай данъ у размишљаванію благодѣтелногъ божіегъ створенія, и о свачему многомилостивого промисла. Одпочиваюћисе мало на средъ планине, и прохлађаваюћисе одъ стране сѣверне тиходишућимъ зефиромъ, паднемъ у дубоко замишлѣніе о краткости човеческото живота, и о суѣти нѣгови на земљи желанія, као да мисли, да ће овде довека живити. И тако прелазећи са едне мисли на другу, како неки умиру іоште у утробі материной, а неки у зеленой младости; ако ли ко и до сто и више година доживи, и то кадъ прође, у ништа се обрати. О овомъ размишљаваюћи, немогахъ се уздр-

жати да съ въздиханіемъ не речемъ: Во истину съета є човеческій животъ! то ніе животъ, него санъ! Ово изрекши погледамъ на врхъ планине; гди упавимъ млада, красновита, у пастирскомъ одѣлу момка. Онъ у руци фрулу држаше, и како ме смотри да га я гледамъ, метне то музическо орудіе на устна своя и почне свирати. Гласъ свирѣли нѣгове бѣше неизказано сладакъ, и тако многообразногъ премѣнѣнія и согласія, да я не памѣахъ, да самъ икадъ у животу штогодъ, овой неизреченой сладости прилично чуо. Восхищенъ и востргнутъ овимъ пресладкимъ сердце-промзающимъ согласіемъ, помислимъ у себи: овакова мора бити небесна музика! Мое се сердце одъ презл-нога разтоплаваше услажденія, сузе умилѣнія потеку ми изъ очію, нити могахъ изговарати разве у мисли. О какова мора бити чиста душевна сладость, кадъ и телесно сердце іоште овде тако чувствовати може! Я самъ и пре тога често слушао, да се на оной гори, другда, небесни даю чути благодѣтели гласи: и да су и други пре мене предивна ту пѣнія чули и слушали, али іоште нисамъ чуо био, да су се они кои пою, чіимъ либо очима открили и показали. Кадъ онъ онаковимъ пѣніемъ мисли и душу мою узвиси, и на они начинъ къ свомъ разговору приуготови ме, онде гди га я іоште са удивлѣніемъ и съ нетренуѣима гледахъ очима, маане ми рукомъ да се приближимъ къ мѣсту, гди онъ сеѣаше. Мени се учини као да одлетимъ онде, и станемъ предъ нѣга, съ онимъ страхомъ и понизностію, кое се принадлежи превишшимъ естествамъ. Онъ ме погледа съ такимъ любкимъ и пріятельскимъ лицемъ и погледомъ, да за часъ исчезне

сва моя несмелость и боязливость. Мирза! рече ми онъ, я самъ разумео твоє малопрошасте мисли о суети и ништазначеню човеческога на земљи живота. Слѣдуй ми друже мой!.... Я поѣмъ за нѣмъ, и онъ ме узведе на найвиши горе врхъ, овде ме посади близу себе и рече ми: Обрати очи твоє на восточну страну, и кажи ми све шта видишъ. Видимъ, речемъ му я: одну чрезвычайне пространости долину, и у нѣойзи едно ужасне величине и дубльине езеро. Долина, кою ти видишъ, то є долина бѣдности, а оно што се теби чини ужасне величине езеро, то є само една малена частица вѣчности. Кои є узрокъ, запитахъ я: да оно езеро починѣсе и произлази съ едного края изъ некакве маглуштине и мрака, а на другомъ краю свршуєсе на исти начинъ, сиречъ улази у маглуштину и тамну помрчину. Оно што ти видишъ одъ езера, оно є една часть вѣчности илити времена, кое има свой почетакъ и совршеніє, а вѣчность нити съ почетка, нити при концу умъ човечески постигнути може. Смотри и прегледай са вниманіємъ одъ едного края до другога то езеро, и казуй ми, шта на нѣму видишъ; видимъ, одговоримъ я, на средъ езера одну ѱупрію. Та ѱупрія значи прелазакъ човеческогъ живота, рече ми онъ, него разсмотри добро, шта се на нѣой случава и бива. Я примѣтимъ, да она бѣше сазидана на седамдесетъ цѣли столпова, виѣхусе іоште тридесетъ и више, али ово бяху сви порушени и развалѣни. Упазимъ множество народа, што прелазаше преко овогъ моста, кои излазаше съ едного края изъ магле и помрчине, и улазаше на другомъ краю опетъ у маглу и помрчину: али премногій, пре него

би сасвимъ прешли, пропадаху крозъ мостъ, упадаху у езеру, и изчезаваху; ибо тай мостъ имаѣаше на себи премнога враташца, на коя како би ко по случаю стао, пропао би доле. Неки пропадау на ма' съ почетка, а неки далъ и далъ, зашто свуда оваки враташца бѣше сила. Нахоѣаусе, али не многи, достизаху и преко они покварени столпова, но ту разслаблѣни и преутруѣени дугимъ путованѣмъ, а и мостъ будући ту сасвимъ порушенъ, онде сви у езеро упадаху. Сожалѣнія достойно бѣше гледати, како многи не далеко одъ почетка и около среде, безбрижно у снаги, радостни и весели путуюћи, кадъ се нимало не надаху, внезапно пропадаху, пружаху око себе руке, да се заштоувате и спасу, али залуду. Неки одъ нѣи хоѣаху съ воздвигнутима къ небу очима и дубоко замишлѣни, но и они углублѣни у своя размишлѣнія, крозъ речена вратаоца пропадаху, и нестаяше їй. Многи скакаху за некаковимъ као одъ сапунске пене бешикама, кое надъ нѣима и около нѣи леѣаху; и башъ кадъ би готови били да кою счепаю и увате, пропали би и отишли. Многи пакъ са сабляма и са свакоякимъ оружіемъ нагоняху друге на враташца пропасти и съ нѣима заедно пропадаху, при томъ усотримъ надъ онимъ мостомъ множество ружни птица, врана и гаврана, совуляга и слепи мишева. . . . Почемъ све ово разсотримъ, запитамъ ангела, да ми изясни, шта те вещи значе, Седамдесетъ столпова, рече ми онъ, значе толико година, што люди вообште живе: могу неки и до стотине, и што више живити, али су веѣъ то порушени столпови ѣупріе живота, кои се прелазе съ многимъ старости и болести трудомъ. Враташца, крозъ коя лю-

ди пропадаю, то су различне смрти, коима се людмо умирати чрезъ цѣло теченіе живота случава. Они, шта се са сабляма и съ оружіемъ нагоне, то су войске, и различна убиства; оне бешике, за коима люди скачу, то су свакояке нѣйове желѣ и надежде. Оне ружне птице представляю многовидна човеческа пристрастія, зависть, мрзость, сребролюбіе, суевѣріе, очаяніе, и подобне овима бриге и страсти што муче човека у животу. . . . Овде я садъ опетъ тешко узданемъ, заплачемъ се и речемъ: ахъ! уви! яо! и тешко човеку! зато ли е онъ на овай произведенъ светъ! само да се за неко време вара и мучи, и да мало потомъ преданъ буде смрти! Та то е сто пута горе него да е всеуе и залуду створенъ! Ти то тако говоришъ, о Мирза! зашто видъ твои очію не досеже далъ, него одъ едного края моста до другога, то естъ одъ едне магле и помрчине до друге, а шта е далъ, невидишъ. А заръ има штогодъ и далъ? речемъ я, и ако има, зашто се невиди? Све видити и знати, друже Мирза! одговори ми, нѣ дато не само теби, него ни мени, зашто смо ми створеня; а свако створенъ мора бити ограничено. Самъ єдини свевишньи Твораць све види и зна. Али и я и ти, и сваки кои има даръ ума и разума, може съ великомъ вѣроятностію судити и заключавати одъ онога што види, и на много друго што не види. Узми ово само за єданъ примѣръ. Кадъ е ово сунце коє тебе и землю на коіой ти живишъ, гріе и просвештава, саздано и створено, да седамъ оваки планета, као што е земля, гріе и просвештава, заръ су друга сунца, коихъ премного има, за луду створена? Нѣ ли приличніе, разумніе и вѣроятніе су-

дити и заключавати, да сва сунца, ако ће њи на милионе числитисе, морају своје планете имати, за које су створена: зашто да су за луду, и за мало створена, то није ни прилично, ни разумно судити и заключавати. Понеже, кадъ ово сунце нити е за луду нити за мало штогодъ создано; заисто нису ни друга! Кадъ си ти искуствомъ познао, да свака рѣка и море, за које ти знашъ, имаду свакојаки риба и животни створеня у себи, можешъ слободно заключавати, да и оне рѣке и мора, која ти ниси видіо, морају у себи животни имати створеня. Кадъ ова планета, то естъ земља, има на себи свакојаки живи, неразумни и разумни створеня, нити е залуду начинѣна и устроена: всячески и неотложно, и све планете морају у себи различни имати створеня, нити е могуће разумно помислити, да е само ова планета за нешто создана, а све остале истомъ тако, у таманъ! О боголюбиви и добросердечни Мирза! небой се и неплаши се! Што годъ веће, великолѣпнїе, славнїе, болъ и премудріе о непостижимомъ мислити можешъ божеству, мисли! нити мечтай себи, да ћешъ кадаръ бити одвећъ славно и велико о свемогућемъ мислити сушчеству! зашто, спрама неописаному, у благости, свемогућству и премудрости, не само може се рећи *что естъ человекъ*? него и *что естъ Ангелъ* и мисли његове! . . . Изъ овога што самъ ти изговоріо, можешъ ласно познати, како се варашъ, кадъ, сматрајући човека само на ђупріи овога живота, судишъ о њѣму, да е всеу и на свою беду и неволю рођенъ. Време е већъ да бацишъ еданъ погледъ на човека и мало по далъ, него само на ђупріи његовогъ привременога живота, погледай и

уразуми се! Я онда погледамъ; и о радости мое! она маглуштина и мракъ изчезну съ половице стране; мое очи тако бистровидне и проницателне постану, да ми се учини, да иляду дана ода далеко видимъ. Покаже ми се едно море неизмѣрима дужине и ширине; а посредъ нѣга управъ, една превисока одъ самога діаманта планина пружаше се: горня часть ове планине чиняше ми се да до неба досязаваше. Съ єдне стране ове планине остане мракъ тамниі него што пре быше, тако да ништа одъ туда немогахъ видити, а съ друге стране виѣхъ све чисто. Неизброено число прекрасни острова посеяно беше по овой страни мора. Тишина, радость и блаженство ту царствоваше. Само съ тѣлеснима очима то я неби могао видити. Праведне и добродѣтелне душе у благодати божіой обучене сіяху се како звезде на небесномъ кругу; но сви они острови показиваху неку различность красоте и великолѣпія. Я зажелимъ голубиня крила, да тамо одлетимъ. По оной ѣупріи, о Мирза! рече ми ангелъ, и крозъ врата смрти, у она се обиталишта прелази. Такова су мѣста безчислена у владѣнію цара небеснога. Кажи садъ, нису ли достойна да се човекъ о нѣима постара! и чини ли ти се животъ човеческій бѣданъ и суѣтанъ, у коему се онакова блаженства приобрести могу! Валя ли се смрти толико бояти и плашити, крозъ кою се у такова пролази мѣста! Можешъ ли іоштъ помислити да е човекъ, коега безсмртну часть такова вѣчность ожидава, всуе сотворенъ? Не доказуе ли све створенъ, и све што се на земљи уживати може, да е всеблагаго творца намѣреніе и воля, да човекъ и овде на земљи за неко време за-

доволянъ и радостанъ поживи: и ако е само разуманъ и добродѣтелянъ, да осеѣа у себи природно души нѣговой чаяніе и надежду будуѣга живота и блаженства, кое се садъ теби представля и показуе? Я гледахъ съ неизказаномъ радошѣу на оне блажене острове. По томъ помислимъ у себи, да га запросимъ, и оно шта е са друге стране планине да ми покаже: а кадъ окренемъ очи къ нѣму, али нѣга веѣтъ не беше ту. Я опетъ обратимъ погледъ мой на предпоменуте предмете; но на мѣсто они, покажу ми се широка Багдатска поля, и по нѣима, пасуѣа стада оваца. Пребудемъ тай данъ ту у обичномъ размишленю и словословію, а предъ ноѣъ возвратимъ се дома и напишемъ мое видѣніе.

ГЛАВА 20.

Кратко слово за похвалу добродѣтели.

Подъ именемъ добродѣтели разумева се све собраніе нравни, художественни, великодушни, разумни и добри дѣла, крозъ која се може не само свое свойственно, него и всеобщте задовольство, миръ и полза приузроковати и содржати. Кадъ човекъ управля своя дѣла, истинитимъ правиломъ здравога разума, правде и пристойности, нариче се и естъ добродѣтелянъ. Древни Ёллини, представляли су добродѣтель подъ видомъ едне богинѣ: зидали су іой храмове великолѣпне, и приносили су іой жертве како некомъ благодѣтелиѣшемъ божеству. Нема народа на свету, ни тако дивѣгъ ни тако глупогъ, а нема ни човека тако покварена и зла, кои неби у чемъ ли годъ или на кои му драго начинъ ову божественну власть и силу припознавао. У внутренѣмъ сушеству своемъ содржава добродѣтель сву цѣну свою, и она е сама собомъ найвеће награженіе што добродѣтелна може имати душа; зашто е свойство божіе царство небесно, вѣчно блаженство, и чрезъ саму ню може се човекъ синъ Всевишняго нарећи. Онда гди е она права и нелестна, ту ни нашто друго воля не иде него на оно што е похвално, славно и общтеполезно. Она ніе случайна, но неотложна, нужна и неизмѣнна; нити зависи одъ мѣста, времена и обстоятелства. Она е

безначална, вездѣсушча и єдиносушча съ божественимъ умомъ. Нїе мечтанїе, измишленѣ ума, и сложенїе чувствованя, него безначална и безконечна, вѣчна божїя истина. Она є основанїе сваке чести, почитанїя, славе и достоинства. Она є изъ почетка поставила обштега човека на царство, и дала му власть надъ націяма, и дотле є човекъ те власти достоянѣ, докъ съ нѣомъ влада и управля. Одъ нѣ саме получаваю сву цѣну, честь и достоинство сва остала способности, вредности и преимущества словеснога существа, коя нѣойзи мораю подчинѣна бити, и нѣомъ управляти се: зашто безъ нѣ, колико су вредности и способности височїя и знаменїтїя, толико су ружнїя, вредовїтїя, хуѣа и веѣе мрзости и окаяинства достойнїя. Она є изворъ сваке красоте, чина и благополучїя у єстеству: а безъ нѣ све є ругоба, грдоба и невалялство.

Употребленїе добродѣтели нїе ограничено ни съ єднимъ состоянїемъ нашего живота, него се простирає и досязава до свакога времена и состоянїя. Све наше вредности и дарови, съ коима мислимо да се можемо поностити, могу при концу нашего овде пребиваня престати, само добродѣтель служиѣе намъ за украшенїе, достоинство и славу у свакомъ будуѣемъ станю, у коє будемо премешѣени и преселѣни. Ова сама има могуѣство и власть, соединити насъ са свимъ прочимъ умнимъ створенїемъ, и показати насъ вредне и достойне сожитїя и содружества съ чинови височїега и благороднїега єстества, и дати намъ место у найизбранїемъ предѣлу божїега створеня. Да човекъ нїе способанъ добродѣтели, онъ неби кадаръ био ни

помислити о каквомъ будућемъ болѣмъ животу, нити би му то на што служило. Ова сама света и блажена, дає намъ смѣлость и дрзновеніе, не само желити, него и надати се, да ћемо бити соучастници божіи и причастници нѣговогъ вѣчно гѣблаговолѣнія, пріятельства и блаженства. Она єдина кадра насъ є увѣрити, да човекъ ако оће, може бити по образу божію и по подобію. Колико є више словесно створенъ предато и прилепљено кѣ добродѣтели, толико є напредачніе и превозходніе нѣгово совршенство и Богу уподобљеніе. За не рећи више: добродѣтель є єдини законъ и благочестіе свега створеня, одъ човека до Херувима и Серафима. Любовь добродѣтели, то є истинита любовь божія и божіегъ сушчества. Слѣдує дакле очевидно изъ овога, шта смо на похвалу добродѣтели рекли, да єдно свагдашнѣ и дѣйствително разположеніе душе болѣ є, полезніе и предпочитателніе, него сва остала найвећа способства и преимущества природе; то є многоцѣнніе него сва сокровишта света. Ко жели дакле да є мударъ, нека се свагда поучава добродѣтели, и нека презире и за ништа држи све оно, што є нѣойзи противно. Нека се непрестано споминѣ, да ништа на свету нїє достойніе нашегъ всесрдачнога усрдствованія и желѣ. Она є сама истинита честь, слава, богатство, и вѣчно благополучіе. Ако нїю човекъ изгуби, све є изгубіо: ако ли нїю сачува, све є сачувао. Она є сама онай евангелски бисеръ, кои ко нађе, вѣчно є пріобрѣто сокровиште.

Характеръ добродѣтельного человека. Онай, кои у младости своіой напредує, и кѣ совршенству приводи дарове и способности душе своє у изтраживанію исти-

не и полезни знаня; кои облагорођава и укреплява нарави своє у дѣйствительной снаги нѣиовой: изъ любви къ добродѣтели, благопотребна себе показуе пріятельмъ своимъ, отечеству своему и човеческомъ роду; кои є одушевлянь истинитомъ славомъ, узвишень свештенимъ пріятельствомъ и благоволѣніемъ къ свимъ добримъ и поштенимъ, не само націє своє, него и къ свакога рода и племена людма, кротко и сладконараванъ къ домаћимъ своимъ, къ сроднимъ и къ комшіяма; коега є срце готово и отворено къ свакомъ човеколюбномъ и великодушномъ склонѣнію, и кои къ свему овому придодає едно трезвено и мужественно богочитаніє, еднако удалѣно како одъ простачкога суевѣрія, тако и одъ дивѣга ужеженога ревнованія, и слободно одъ сваке лукаве притворности и лицемѣрія: овай и младость превеселу може уживати, и къ слѣдующимъ временама мужескога и стараческога живота некрадомо и негибѣмо богатство непорочни увеселѣнія себи сокровиществовати. . . . Онай, кои у мужескомъ возрасту своему съ разумомъ зауздава, и у пристойномъ ограничію мудро содржава страсти и желанія своя, кои є кадаръ наћи и изабрати, и достоянъ имати неко число избрани и добродѣтелни пріятеля, кои жели и тражи на путу истине и добродѣтели знаменито и славе достойно име, имѣніє и власть: ако ли ій на овомъ путу не наоди, онъ ій великодушно презире и за ништо вменява; кои у своемъ домаћемъ союзу и сродству ужива сва поштена и дозволѣна услађенія живота, а у своемъ обшемъ союзу служи отечеству и човеческомъ роду съ найпоштеніимъ и великодушнимъ начиномъ: кои, на конаць, дозволява

себи свако непорочно и пристойно услажденіе и увеселеніе живота са умѣреніемъ, а сноси сва противна приключенія съ постояннимъ тѣпніемъ и крепкодушіемъ: и каквимъ му драго обстоятелствама и премєнїяма счастія, остає еднакъ и неподвижимъ у добродѣтели, у любви и почитанію божества, и у разумной подданости и синолїиной покорности къ правлїню вѣчнаго промисла. Овай є прави добродѣтельный човекъ у мужескоме возрасту, кои онъ проводи съ всевысочайшимъ задовольствомъ и достоинствомъ, и тако простире и отвара себи путь къ єдної пречестной и боголюбной старости.

На последакъ, онай, кои и у истомъ последнѣмъ періоду живота, то єсть у старости сохранява себе свободна одъ скорби и невеселя, коя по вишой части у ово доба живота на люде нападаю, радо люде гледа и добро имъ жели, употреблява свое искусство и свое знанїе и мудрость любвеполнимъ, пречестнимъ и отеческимъ начиномъ на исправлїніе и поболшанїе нарава млађи одъ себе; ништа друго не желеи него на славу Творца свога и на ползу будућега рода и оставше вече у содружеству съ людма провести; нити иначе сматраюћи на приближуюћисє конаць свога теченія, него као на єдно успаванїе, по коємъ ће му нови данъ болѣга и вѣчнаго осванути живота. Ево дакле: ко по овомъ правилу младость, мужескій возрастъ и старость свою проведе; тай є добродѣтелянъ и блаженъ човекъ. Ово се исто може разумети и за простого селянина, кои трудолюбно и богоугодно животъ свой проведе. Ибо, онай найвише учини, кои учини све што може, нити правда више што изис-

кивати има. Оцелусъ Лукіанъ, Пифагорически фило-софъ, у време просвештене Греціе утврђавао є, да є много реди Греція била у варварству и да ће опетъ бити. То ми садъ очима видимо; и да нису се остав-ше еллинске књиге сачувале, неби се ни знало, шта є Греція била. И сва би Европа, Богъ зна за колико вѣкова у наукама стражня остала. Ово (чему се ов-де не чини да є мѣсто) на тай конацъ споминѣмъ, да се є родъ човеческій честократъ изменявао, друга погоршавао, а друга поболшавао. Измене ће и у напре-дакъ бивати; желити є дакле и настояти, да на до-бро и све на болъ биваю. Били люди у каквомъ му драго правлѣнію, пусти да имаду najlepша преимущ-ества у свимъ наукама и вѣжествама, нека су сви витезови у храбрости, ако небуду праведни и добро-дѣтелни, више ће се драти и убіяти. Добродѣтель є основана на истини: то єсть да стваръ мора бити та-ко, а не другојаче. Што годъ не бива како надлежи, то нема у себи истине, то неможе бити ни добродѣ-тель. Богъ милостиви тако є уредіо и дао, да є исти-на добродѣтели, свакому и најпростіему ясна и лас-норазумителна. Што ниси радъ да ти буде, не чини другоє. Што желишъ да теби буде, жели то и дру-гоє, и настой о томе колико више можешъ.

ГЛАВА 21.

*О некимъ различнымъ вещамъ:
и прво о вкусу.*

Вкусъ у естественному разумѣнію узима се за чувство езика и гортана, чрезъ кое ми познаемо сладко, горко, и прочая. А у моралному, оно способство и разположеніе ума и срца, чрезъ кое ми чувствуемо и познаемо, шта є наравно лепо, или ружно, пріятно, или непріятно и противно, високо и благородно, илити низко, худо недостаточно и простачко. За овай наравни вкусъ читамо у псалтиру, гди вели: Вкусите и видите, да є благъ Господъ! како годъ у естественному вкусу бива, кадъ, или за нужду, то єсть одъ превелике глади и жеђи, неваляла єла и худо пиво чрезвычайно пріятна намъ се чине, или пакъ чрезъ дуго обикновеніе ружне ствари лепе намъ се виде, и непріятна єла и пића, пріятна. Деци, и простакомъ худо написани образи и иконе ако су само врло шарене и са златомъ, неизказане лепоте чине имъ се да су. Ово исто бива и у наравноме вкусу, кадъ люди или за недостатакъ болѣга, то єсть за нужду: или за дуго обикновеніе, наоде угодіе и благоволѣніе свое у неваляли, худи и скаредни разговори: ово се разумети само собомъ дає и о читаню, писаню, мишлѣню и мудрованю. За чудо, съ каковимъ удивлѣніемъ деца и девойке слушаю, кадъ старе баке преповедаю,

како су змаєви царске кћери крали! Овде ће садъ бити о нравному вкусу говоренъ, кои, кадъ се у човеку рафинира и у совршенство доведе, онъ неможе чувствовати задовољство и усажденіе свое, разве у ономъ што е на истини основано, то естъ: што е природно и у себи лепо, пріятно, благородно и високо. Али за учинити, да сваки може чисто понятіе, представлѣніе, воображеніе, илити разумѣніе, о нравно лепомъ и ружномъ имати (будући да одъ овога зависи нравни вкусъ), морамо се јоштъ мало овде позабавити, и кои изяснителни ове вещи прикладъ дати. На примѣръ, видимо непозната човека или жену, прекрасна образа и лика, и лепо обучене; колико ѿ више гледамо, толико намъ е миліе гледати ѿ: али ако разумемо, да су они лели люди злонравни, то естъ лукави, пакосни, злу другога ради, завистљиви, гордѣљиви и прочая: тада сва лепота и красота нѣова неможе насъ задржати, да намъ се на нѣи не сгади, и да се одъ нѣи не укланямо, као одъ найшареніе но єдовите и смртоносне змїе. Зашто ово бива? зато, што су ови люди нравно ружни, а нравна ружоба много е ружнїа него телесна. Високъ, но ласноразумителни разговоръ усаждава насъ и придобива срце наше, а надувенъ и замршенъ нїе намъ угоданъ, како годъ и каква надувена мртва трупина. Онай е нравно лепъ, а овай е ружанъ. Лепа и добра дечица мила су намъ, зашто представлямо себи у нѣима нешто разумно и нравно. А лепимъ луткама или се смеемо, или се майстору чудимо, кои ѿ тако могао некой прилици угодобити. На лепо изображеніе са усажденіемъ гледамо, или зашто возво-

димо тай часъ умъ нашъ къ првообразному, или се дивимо искуству живописца. Птицама, животинѣи, и мраву се чудимо, сматраюћи у њима различна својства, способства и совршенства. Цвећу и свему што на земљи расти, удивљамо се, не само за увеселѣніе и ползу, кою намъ даю, него што видимо у њима различне красоте, премудра намѣренія, наравно совршенство, дѣйствиє, и неизказано благодѣяніе невидимога и непостижимога Творца. Велико нешто, одъ оного, што е преко мѣре и високо, одъ гигантическога сасвимъ различествує: прво е лепо, зашто представля неку цѣлость, и дає понятіе о себи; а друго е чрезмѣрно, и не дає никакве цѣлости ни согласія, слѣдователно ни лепоте у воображенію. Напримѣръ: високе єле, растови и тополе, лепа су дрвета, зашто се даю са свимъ прегледати; али да су њіови врѣови тако високи, да їи ми прегледати неможемо, неби намъ се већъ лепа чинила, ибо, безъ цѣлости воображенія ствари, неможе обстати лепота. Небо или у дневи при ведрини своіой, или у ноћи са звездама, великолѣпно намъ се и прекрасно чини, зашто намъ показує цѣлость свога прекраснога свода, и нами се чини да га са свимъ видимо. Кадъ помислимо о свемъ кругу земноме, ништа намъ се лепо не чини, зашто ми то нисмо прегледати кадри. Станимо пакъ гди на високу планину, погледаймо на лепе долине, широка поля и ливаде, на рѣку и на потоке кои туда теку, на лугове и на воћняке, све намъ се то заедно нешто прекрасно чини, зашто ми то, одъ различни предмѣта састављено, као нешто єдно и цѣло, подъ представляемимъ сводомъ неба прегледати можемо. Айдемо садъ ко вкусу.

Свака лепота и пріятность како у естественима тако и у наравнима стварма, у стихотворенію, у сладкоречію, у живописанію, и у свакомъ лепомъ и благородномъ художеству, (лепа художества зовусе она, коя изискую више остроумія нежели труда) илити рукодѣлію, производи одъ првоначалнога создателя и премудрога майстора Бога; и вкусъ свега што є лепо и пріятно, уливенъ є у првообразномъ смешенію и составу човеческога ума. По тому, поглавити почетакъ вкуса обшти є свему човеческому роду, и производи изъ внутрєннѣга чувствія лепоте и пріятности, кое чувствіє, премда є некомъ манъ, а некомъ више дато, али є свакому природно. Ни єданъ словесни умъ неможе бити сасвимъ овога понятія празанъ; тако да би могао съ еднакимъ марєнѣмъ све предмѣте, кои га окружаваю, сматрати, и да неби (на примѣръ) веће услађєніє имао гледаюћи на цетовидну, лугами окружену ливаду, него на єдну блатну баретину. Находе се неки видови, кои неотложно напуњаваю словесну душу веселимъ воображеніямъ, и она како їй види, тай часъ наоди у нѣима благоволѣніє своє, ни мало пре не мислећи на какво употреблѣніє, и одъ кое ползе могу те ствари бити. На овомъ истомъ души природномъ свойству, основанъ є вкусъ стихотворенія, сладкорѣчія, списанія, и свію лепи и благородни заната; слѣдователно дакле, понятіє вкуса нїє каково непостояно воображеніє, кое би далъ и шире описивати дужно било. Овай исти вкусъ, то єсть всеобште и природно у свачему чувствованіє лепоте и пріятности, у остроумномъ є оштрїи и дѣйствителнїи, и чрезъ дуго упражнѣніє доводи се у велико совршенство; тако

да одъ прости, единствени и првообразни разумѣнія овога начина, умъ се учи и способанъ постае, судити и вкусъ имати у височѣимъ и многосложнимъ родовима. . . Ове е беседе поглавито намѣреніе, о вкусу у лепимъ списаніяма неко изяснѣніе дати; зашто одъ овога, едне цѣле націе начинъ мишлѣня или добаръ или зао произходи. Много е лакше, едногъ сасвимъ простога човека (ако е онъ само обштимъ здравимъ човеческимъ разумомъ обдаренъ) упутити, наставити, и нѣговъ вкусъ къ свему оному, што е лепо и добро возбудити, поштрити и къ совершенству довести, него еднога, кои е чрезъ различно неоснователно читанъ главу свою коекаквимъ предразсуѣеніяма напунио, и вкусъ свой покваріо. Сваки видъ списанія, на примѣръ: стихотвореніе реторика, исторія, и прочая, има свое особљиво совершенство, и потреба би била многога испитанія и говореня о характеристима свакога, за доказати, да е свію нѣи лепота и пріятность на истини и естеству основана, да одъ тудъ произходи, и слѣдователно, да се сви овимъ мораю управляти правиломъ. Зато ће се дакле овде само напоменути она всеобшта и поглавита свойства, коя су сушчествителна свакому, то есть, природно нужна, и безъ кои стварь неможе бити то што есть: и при недостатку ови, сушчество ствари составляюћи свойства, свако списаніе мора у своме роду недостаточно и несовршено бити. (За помоћи и простиима да разумеду, шта е свойство, нека ово служи за примѣръ: Всеобште животному свойство есть чувствованіе, илити ово мора при свачему што живи бити.) Всеобште дакле свойство доброга списанія состои се у еднообразію на-

мѣренія, у различности и приличности метафора — и приуподоблѣнія — у точности речій съ мислима, у сложности и согласію изреченія. Ова поглавита свойства постоянно су содружена са лепотомъ, и неотложно возбужаваю пріятно чувствованіе ума, буди у комъ му драго виду и предмѣту списанія. Благодать дакле, и пріятности еднoгa сложенія или ти списанія, не состои се у топлоти читателѣва воображенія, него произходи изъ состоянія и самага естества ствари: и правила, по коима се списанія суде, утврђена су на тако известнимъ и непрекословимимъ основаніяма башъ како и математическа. На примѣръ, да е поредакъ бо-льи него смущеніе, да армонія, то естъ согласіе веѣ-ма улађава него несогласіе; ово су такова аксіомата, или ти просто и очевидно истинита предложенія, на коима су сва вѣжества основана, и съ еднакомъ сна-гомъ и увѣреніемъ дѣйствую у уму, како годъ и ове математическе истине: да е све веѣе него свака часть свега по наособито; или, кадъ се одъ еднаки частіи еднако одузима, оставше части остаю опетъ едначе. Свако умно способство како годъ и тѣлесно, чрезъ дуго упражнѣніе и употреблѣніе оснажава се и дола-зи у совершенство; по томъ, колико више душа свое внутренѣ чувствованіе лепоте и пріятности упражня-ва, толико веѣма она у вкусу лепога, доброга и прі-ятнога расти и укреплявасе: зато списанія Омирова и Виргиліева, Димосѣенова и Цицеронова, Пиндарова и Орадіева, и последњи времена, у комъ му драго ези-ку нѣима подобни людій, колико се веѣма познаю, то-лико се више са сладостію чувствую и почитую. У нѣима се види нека благородна простота, и висока

превосходна природа, кою никаква усиљна майсторія постигнути неби кадра била: просто рећи, подобна е стварь прекрасномъ лицу безъ белила и безъ црвенила.

Аристотель и Ораціе даю намъ остроумна и лепа правила списанія, и о томе суда: но ови исти извадили су ова правила изъ списанія они, кои су прењи тако писали, и кои нису никаква друга правила имали, разве естествени, првообразни, у словесну душу Богомъ улиени, многимъ мишљњмъ и упражњњемъ у совршенство доведени, и чреѣ предвари-телна предразсуђенія непоковарени вкусъ. Изъ овога што смо доде рекли, слѣдуе, да ко оће у читаню еднога списанія добаръ вкусъ и услађеніе да има, мора езикъ, на коему е то списаніе састављено, добро разумети: а ко жели съ добримъ вкусомъ што написати, мора всячески и неотложно езикъ на коему пише и све нѣгове идиотизме, то естъ свойствене изговоре совршено у својој власти имати. Найлепша и најполезнја матерія не увеселява пристойно, непри-влачи срце, и не возбужава вниманіе, ако речи нису ясне, согласно сложене, и по пристойности расположе-жене. Найизбраніе речи безъ лепога расположения су-ве су и неприятне. Нема речи, коя неби била благо-потребна; али е свака само у свомъ приличномъ ме-сту лепа; и догодъ ко ово неосећа, јоште ніе до вку-са дошао. Што годъ ніе чисто и ясно, не увеселява, а што не увеселява, неможе придобити срце. У най-лепшемъ періоду или стиху, нека се само една речъ одузме, или непристойно положи, сва се лепота пору-шава и пріятность губи. У говореню нема човекъ до-

вольно времена да принадлежателно свой періодъ из-
мери, и речи разположи, а у писаню ово се може
имати; зато, ко се у овоме често запинѣ, веѣма гре-
ши, зашто, ако ни съ кимъ, баремъ са своимъ уши-
ма могао се е совѣтовати. Ако ли се ко съ овимъ
средствомъ ніе помоѣи кадаръ, некъ се одъ писаня
дотле задржава, докъ се овоме, чрезъ вниманіе спи-
санія другихъ довольно не приобикне.

О достоинству обхожденія согласно правилама
добродѣтели и лепога воспитанія. Естъ неко до-
стоинство обхожденія съ людма, безъ коега найлѣпши
характеръ не може све себи принадлежеѣе високопочи-
таніе имати. У свако друштво пристати, у свакояке
игре мешати се, свагда и непрестано шалити се и
велегласно смеяти, ствари су такове, кое могу весма
честнога, ученога и благонравнога човека понизити
и похудити. Даръ особити шалѣня, и способство, ва-
зданъ у друштву говорити, и чрезъ то, не само ни-
коме на досади бити, него іоште друштво разговара-
ти и развеселявати, чини да е такови човекъ весе-
лякъ, и у обхожденію пріятанъ, али не високопочита-
нія достоянъ; ако ли су пакъ нѣгове шале грубе, та-
ко да онъ, не само о трошку другихъ, него (да му
се лакше простити може) и о овомъ истомъ, то естъ,
себе истога за смеялиште даюѣи, само на свеобщте-
га смея возбужденіе, онда, такови е човекъ Буфонъ,
то естъ смехотворацъ, нити шта друго; овай е харак-
теръ худъ и презрителанъ. Ако ли наипосле то би-
ва съ лукавимъ оштроуміемъ и съ пакостнимъ намѣ-
реніемъ, честь другога поцрнити, поштено име опо-
рочити, и саму исту честность и добродѣтель на смей

и поруганіе обратити, то е езикъ аспидски, крайнѣгъ отвращенія и мрзости достоянѣ! Бѣда и туга ономъ обществу, гди се ово не изстреблюе, но паче у обичай уводи, и коренѣ свое далѣ разпростире. И беззлюбива шала, кадѣ убоде, некъ чека, да ѣе убудена бити, и нека се не срдѣ. Францъ први, знаменити французски Краль, пошали се съ едномъ старомъ госпођомъ, коя е у младости своіой весма лепа била, и запита ю, кадѣ е изишла изъ предѣла лепоте? Около оногъ времна, Ваше Величество! одговори старица, кадѣ су васѣ Шпаніюли, подѣ Павіомъ, сасвимъ побѣдили, Васѣ уватили, и у робство у Мадридѣ одвели. Еданъ младъ кавалеръ съ орденомъ на себи, види на едне лене госпође руци многоцѣни прстенъ, и рече само шалеѣи се: я би волю онай прстенъ, него руку на коіой е; и я би волила тай уларъ, одговори она гледаюѣи на нѣговъ орденъ, него магаре на коме е. Ко се годѣ пушта у едно друштво ни за какву свою другу заслугу нити лично достоинство, кромѣ да шалу причинява и смей возбужава, нека не чека ту ни одѣ кога никакова почитанія. Кадѣ се годѣ кои на какву часть съ овакимъ изреченіями позивлю, некъ дође тай, ни зашто друго него што лепо пева, некъ се зовне онай, зашто майсторски игра, некъ се призовне онай, да насѣ чини смеяти се, наипосле не заборавимо ни тога и тога, штоно лепо напіяю, здраво пію, и друге натерую; ово су сва похудителна наименованія, и презрително понятіе о онима людма у нами возбужаваю. Ко се годѣ за само едно едино преимущество назначуе, ако ѣе ово и достохвално бити, слабо о себи мислити дае; на примѣръ, кадѣ се о ко-

ме рећи може: онъ е само поета, а ништа друго! само реторъ! само филозофъ! само спаія! само богатъ, а ништа друго! то е, (по речи) едно као и ни едно.

Премудри Алфонсъ, Арагонски краљ, лепо е ово дао познати, кадъ га едномъ, еданъ ласкатель до неба дизаше, зашто е краљевски унукъ, синъ, братъ и краљ; онъ за посрамити га одговори му: я неби ништа био, да самъ само то а ништа друго! Придодаймо овомъ титу краљ: праведни судія, мудри управитель државе свое, отацъ подданихъ своихъ. Приложимо и къ онимъ повише што годъ, и рецимо добаръ поетъ и поштенъ човекъ, мударъ филозофъ и разуманъ домостроитель, тай часъ имамо нешто лепо и похвално. Подъ именемъ достоинства у обхоѣненію и содржанію, не разумевае ни найманя мрвица гордости и високоумія, оно е толико различно одъ овога, колико истини мужествени витезъ одъ блебетуше, ветрогонъ и ждеривука, паче, разумнога содржанія човекъ мрзи на гордостъ и презире ю, како стваръ, коя најотмѣннія достоинства похуѣва и погрѣва. Изискивания горделивога предусретаю се свагда съ посмеяніемъ и поруганіемъ; како годъ, кадъ еданъ трговацъ за едну стваръ шалећи се иште врло много, ми му даемо на исти начинъ шалећи се врло мало, а кадъ онъ прилично иште, онда се ми погодимо и стваръ купимо. Рабско ласкателство и неразумно на свашто; тако е, имашъ право! равно неваля, како годъ и тврдоглави у свачему инатъ и противоречіе, достойнога обхожденія мужъ безъ довољнога познанства нити што потврѣва, нити одриче, а сврхъ свега у свачему умѣреностъ наблюдава. Груба и безстидна из-

реченія неизлазе изъ нѣгови уста; онъ то оставля онимъ деліама, кои съ безобразіемъ своимъ іоште се поносе. Детиньско любопитство у некаквимъ безпослицама, и особљиво вниманіе у маленимъ стварма, знаци су малености душе. Кардиналъ Рецъ остроумно назначуе, да како е чуо Кардинала Чичи да се фали, да е съ єднимъ перомъ три године писао, и да е іоште добро, на ма е познао, да е худа ума, удостојаваюћи се о томе и мислити, некамо ли съ тимъ и хвалити се. Благопристойность у свемъ внѣшнѣмъ виду, погледу и света тѣла движенію, не изключаваяюћи нимало тиху велелость и любкость, служи за особито украшеніе достоинству содржанія. Непрестанно смеянѣ, и свагдашнѣ сѣмо тамо безъ узрока окрета-нѣ, показуе лагкоуміе и несмысленость. Такову силу има внѣшнѣга вида благопристойность надъ людма, да често и малодобрихъ наравовъ човека здраво може препоручити и произвести, али кадъ се ова само за привремену користъ безъ свакога благонравія и честности мареня узима и присвоява, тада бива лажљива притворность, одъ свію злоба найхуђія и найсгадљивія... О цѣлости и безпритворности характера; и притворству... Кадъ сами видѣ честности и доброте толико интересира човечески родъ, да се єдва може наћи човекъ на свету, кои се неби у чему ли-бо радъ, добаръ и поштенъ показати: да како мора бити блажена и божествена, истинита и безъ сваке притворности честность и доброта! Притварати се и чинити, то значи узимати на себе видѣ неке истините превозходности; садъ колика се познае различность међу, чинити се што добро имати, и у самой ствари

то имати. Навластито кадъ разсудимо, да е весма трудно, и почти невозможно, за свагда моћи чинити се имати, то што се у самой ствари нема; и по свой прилици, раніе или кашнѣ, мора се познати и одкрити, да се башъ управъ нема оно, што се само чини да се има, пакъ онда савъ трудъ и мука залуду, а савъ плодъ и добитакъ поруганіе и срамота. Ако ће незнамъ како еданъ образъ лепо и майсторски изображенъ бити, неће никадъ бити оно исто, што е живи образъ, лице и тѣло. Велика е то и неизказана мука, за свагда туђу персону представляти и дѣйствовать; понеже гди истина не лежи на дну, природа ће се свагда усиливати, своимъ обладати местомъ, и буди данасъ или сутра показатесе и издати. Зато, најболъ е, да ко што жели да се покаже, нека се подвигне то исто постати; и тада нѣгова доброта, колико се више показивати и познавати буде, биће постоянія и славнія. Истина е силно увѣрителна и носи свагда светъ свой на себи, и колико ю ко већма са сви страна и скрозъ гледа, и съ колико већимъ и прилѣжніимъ проницателствомъ ню искушава, испитуе и изслѣдуе, толико се она краснія показуе, прослављавасе и тріумфира; и не само да се не бои нити кріе одъ островидни линцейски очію, него се јоште савише радо и весело и самомъ свевидећемъ божіемъ показуе оку. Тако да на свакій начинъ истинитостъ и чистосердечностъ права е мудростъ и руководителница къ временному и къ вѣчному благополучію; кадъ би люди желили, да су и овде и далъ негде благополучни . . .

Разсмотримо са вниманіемъ на упражнѣнія, и

после што се само до овога привременнога касаю живота, и познаћемо, да нелестность и чистосрдечность много већу и постојанію ползу приноси, него сви превзхитрени начини, притворность и превара. Чистосрдечность е проста и ласна, поштена, безбоязљива, великодушна, прекрасна, похвална и славна; и у свачему безбѣдніа и спасителніа: у овој ништа ніе замршено и смућено; нѣзини трагови нити су заплетени ни сакривени; она путуе правимъ царскимъ путемъ къ свому намѣреню и концу, и ако іой се и догоди каква незгода, она воли и штетовати и пострадати, него ли къ худости и къ сгадљивой лажи прибѣжиште свое узимати; а съ друге стране, майсторіе, лукавства, претворности и преваре, колико се више употребљаваю, толико се већма разслабљаваю, и колико се далѣ заплещу, толико се горе замршаваю, тако да имъ се после нипошто край неможе наћи, него їй треба трзати и кидати. Чистосрдечность колико далѣ напредуе, толико слава нѣзина расти, и снага іой се утврђава и укрепљава; и сви поштени и разумни люди за честь и благополучіе себи вменяваю и почитую, съ чистосрдечнимъ и безъ преваре човекомъ путовати, дружити се и послове разправљати свое; сви га любе, почитую и добро му желе; а одъ лукавога и лажљивога свакъ се чува и укланя, презире га, мрзи на нѣга и погибель му жели. Бѣдни е животъ притворнога и лукавога човека, онъ живи у свагдашньої неувѣренности и страху, данъ и ноћъ покоя нема, боѣћи се да му се трагови не нађу; свагда е на опрезу, стараюћи се шта е рекао, шта ли ће рећи; противу истине и правце поступаюћи, истина и прави-

ца найвећи су му злотвори; и што е јоште најбѣд-
није, кадъ се већ са свимъ позна и разгласи за при-
творицу и лажљивца, башъ да се дотле у невољи
нађе, да мора къ истини прибѣгнути и одъ нѣ спа-
сенія искати, она га онда не прима, нити му може
помоћи, зашто се лажљивцу ни истина не вѣруе. . .
Овде ће ме ласно неки предусрети моћи, и ово ми
возраженіе учинити. Говори ти и пиши што ти годъ
драго, то су и пре тебе многи наравоучитељи писа-
ли и говорили, али све за луду до садъ; а по свой
прилици биће тако и одъ садъ, зашто довольно иску-
ство доказуе на противъ; то естъ, ко овога света уме
болъ претварати се, лагати, съ преваромъ, или си-
ломъ туђе присвоити, нѣму е пуна кеса, а предъ ве-
ликомъ и пуномъ кесомъ нека се правда слободно са-
крие у буцакъ, а истина нека бежи у бунаръ! Мора
се чистосречно изповедити, да ово возраженіе ніе са-
свимъ безъ основанія; ербо по несрећи и на велику
човечества срамоту, ово се често види, да башъ ова-
ко бива. У ономе подмесечномъ како физическомъ та-
ко и моралномъ свету очевидно се представляю: *Bo-
na mixta malis*. Добра помешана са злима. Искуше-
ніе е неко овай нашъ временни животъ и принадле-
же му лено оне речи апокалипсиса: „неправдујй да
неправдуєтъ еще, и творйй правду да творитъ еще.“
Да има доста и зла на свету, то е правда, али да е
више зла него добра, ово ніе истина. Да има више
зли люди него добри, и да е вообште у свима людма
више зла него добра, неби люди могли обстати, и дав-
но би се изтребили и затрли. Громъ, вода, ватра,
вѣтаръ и проча, учине кадкадъ и зло, али ползе и

добра толико приносе, да се при сравиѣнію, зло за саму нулу прима. Ово исто бива и у моралнимъ стварма. Мучно ће се ко наћи на све ту да мисли (при здравомъ мозгу) и да каже, да е са свомъ вољомъ, съ намѣреніемъ и са знаніемъ, зао и обещенякъ, и да жели и оће таки да остане. Али положимо, да се башъ и такови бѣдни людій нађе, што за то разумни, поштени и добри люди маре! Скупляю рамена и са сожалѣніемъ и соболѣзнованіемъ веде: ко тако оће да пропадне, нека пропадне. Овде се сматра и пише за оне люде, кои почитую благонравіе, кои чувствују и удивляваю се красоти и благородству добродѣтели, и кои ако и нису у свачемъ совршено добри, желе наставити се, исправити се и больи постати, и коихъ и сама злоћа, по вишой части, производи изъ слабости или изъ незнаня. За овакове е овде попеченіе, оваковима се жели помоћи! и нѣма се чистосердечность, безиритворность и любоистинность препоручуе.

ГЛАВА 22.

О комедіи.

Нека се даде у овой књижици место и єдної славнаго господина Лессинга комедіи. Комедія є єдна игра, коя представля нешто увеселително и шальиво, у кою не улази никакво жестоко и свирѣпо приключеніє; и гди при концу, намѣреніє началнаго игре лица свагда благопосиѣшно излази и благополучно се савршава. При првомъ погледу дакле, комедія се не чини ништа друго, него весело и шальиво времена пробавлѣніє: но отмѣни и общепользни на свету люди знали су се и съ овомъ приликомъ ползовати, и дали су човеческомъ роду у игри и у шали прекрасне и превисоке науке. Ово ће се засведочити у слѣдуюћей вишенепоменутога безсмертнаго мужа комедіи. Люде развеселявати, и нѣма чрезъ игру и шалу къ всевисочайшей и прекраснѣйшей добродѣтели наставляніє давати, и путь показивати, и таковимъ средствомъ нѣово совершенство и благополучіє приуτροковати, одъ овога болше учинити имъ се неможе.

ДАМОНЪ,

или

ИСТИННОЕ ПРІЯТЕЛЬСТВО У ИСКУШЕНІЮ ЛЮБОВИ.

У едномъ дѣйствію.

ПЕРСОНЕ:

Удовица.

Леандеръ.

Дамонъ.

Оронтъ.

Блисавета.

ПРВА СЦЕНА: или часть дѣйствія.

Блисавета. Садъ, заисто, наша се е кућа
веома изменила. Пре осамъ дана бѣше ова весело со-
браніе млоге младе госпode и залюблѣни будала. А
по томъ, свакій данъ изгубе се по двоица. Данасъ
изостану они, сутра оду за онима други, а прекосу-
тра на исти начинъ. Фала Богу! іоште су два оста-
ла. Ако и ови одустану, бѣше ова кућа пустиня. Го-
спођо! госпођо!

Удовица. Но! какъ што за то?

Блис. Тада нећу ни я више при Вами остати,
ако би ми іоштъ толико добро било овде. Дружество,
то е полакъ живота!

Удов. За тебе би дакле болъ било да си у ед-
ной крчми, него у моіой служби.

Б л и с. Да! у одной крчми стои се весело. Да само онде толико много посла нема, ко зна шта би я учинила. Кадъ се мора већъ, тешко си га мени! служити, мени се чини, да е најпаметније, онде служити, гди се највеселіе служећи, стояти може. Али, на страну шала. Подъ коимъ се именовъ дакле садъ господинъ Дамонъ и господинъ Леандеръ васъ држе?

У д о в. Подъ коимъ именовъ?

Б л и с. Питанъ вамъ се види чудновато? Я знамъ добро подъ коимъ; подъ коимъ и пре; они су ваши просіюци.

У д о в. То они и есу јоште.

Б л и с. То су они јоште? тако ли е? Обоица ваши просіюци, а међу собомъ најболъи пріятелъи? То е некаква нова мода, на коју би се я ополчила съ рукама и съ ногама. Обадва ваши любовници! И то они знаду! пакъ се не клеветаю, не псују, не позиваю се на мейданъ и небію се! То би мени била лепа створеня! Не! овај посао мора по старински остати. Любовесоперници мораю бити неприятели и ненавистници; или они не любе.

У д о в. Истина е, я самъ се и сама томе нѣиовомъ поступку чудила. Пре него су обоица еданъ за другога знали да ме любе, нико се у мене толико залюблѣнъ ніе показивао колико они, нико умилніи, нико ніе већма настаяо, мою взаимну любовь придобити него они. А како се познаду да су противлюбовници, на ма' постану обоица, у настояню мене плѣнити и мое срце придобити, ладни и небрежљиви. Свакъ одъ нѣи, на само самномъ, о Другому почне

добро говорити. Дамонъ о Леандру, а Леандеръ о Дамону, а о себи ни еданъ ништа.

Б л и с. И при свемъ таковомъ нѣиновомъ поступку сматрате ли ви нѣи за ваше просіюце?

У д о в. Да, я самъ са свимъ увѣрена, да они мене обоица чистосрдечно любе. Само што ми се Дамонъ чини, као да нешто навалюе; а Леандеръ као да е напраситъ.

Б л и с. Я би васъ башъ нешто питала.

У д о в. Слободно, дай се чути.

Б л и с. Оѣете ли ми управъ одговорити?

У д о в. Оѣу ли? Я невидимъ ништа што би ме принудило, теби измишлѣнъ какавъ одговоръ дати. Ако ми твое питанъ по волѣи не буде, волимъ ти ништа не одговорити.

Б л и с. Ви мислите, да васъ обоица любе. И може бити имате право. Али коега одъ нѣи двоице ви любите?

У д о в. Коега?

Б л и с. Да! да! коега?

У д о в. Коега? твое е питанъ чудновато. Я нѣи обадва любимъ.

Б л и с. То е башъ добро. Дакле валя да си заръ наумила за обоицу поѣи?

У д о в. Ти мешашъ све едно съ другимъ. Садъ е речъ била о любви, а не о удатѣи. Сви просіюци, кое самъ я имала, неки су били непріятни, улюблѣни зецови, а неки користожелателне хуѣе душе. Кою муку нисамъ я съ нѣима имала! само Дамонъ и Леандеръ показали су ми се на ма' е' почетка одъ свію различити. Я самъ съ великимъ задовольствомъ ово

разанствіе упазила, и обоици самъ чисто казала, како самъ я нѣи одъ свію прочи разпознати умела. Я самъ свима другима путь дала, кои нису одъ себе доста разумни били, да га сами узму, само ове самъ задржала, и іоште ій радо имамъ.

Блис. Накъ шта ће изъ тога бити?

Удов. Іоште ћу попричекати. Ако немогу обоице жена бити, могу пріятельица. Заисто, пріятельство ми се садъ лепше чини него иста любовь. Я ово приписуемъ примѣру ови мои милосника.

Блис. Шта! пріятельство лепше него любовь? Суво пріятельство! само неговорите ми тако філософически. Я Вамъ нећу више вѣровати него колико ми драго буде. Ваше срце немисли тако. И неби му заиста много поштена било, кадъ би се съ Вашима устма соглашавало. Пусти ме да испитамъ, неразумемъ ли я потайни езикъ срца Вашега. О, я га чуемъ гди у себи говори: како? есу ли то управъ залюбљени. Какавъ е ово начинъ любви, кои се самога пріятельскога погледа бои? Ни еданъ ніе кадаръ мое любви ради одрећи се свога пріятеля? О недостойни! я ћу ій мрзити! я ћу — али оћу ли я моћи. —

Удов. Мучи, мучи, Блисавета. Ти разумениъ слабо безгласни срца езикъ.

Блис. О! простите ми. То исто што ми у речъ падате, и недате ми изговорити, знакъ е, да я то разумемъ. Али већъ како би могло другояче бити? И мени би жао било, да ми се пріятельство у мое полове тако меша. Разсудите само, шта е друго томе узрокъ, него пріятельство, да Ви садъ, на место да имате двоицу, кои би васъ обожавали, ни єднога не-

мате! Е! то би велика срамота била, кадъ любовь
неби пріятельство надячала.

Удов. Ахъ!

Блис. Ха! ха! и тай гласъ разумемъ я. По-
смотрите, оѣу ли га моѣи описати. Блисавета! вели-
те ми Ви у мисли Вашой: непринуждавайме далъ да
ти исповедамъ оно, шта ти веѣъ знашъ. Да е Богъ
дао, да е при едномъ одъ нѣи любовь яча него прія-
тельство! Можешъ ли содѣйствовати, за учинити мое
любовнике више чувствителне него совѣстне?

Удов. Шта ти ту зановеташъ?

Блис. О! молимъ да ми простите, ово су иста
вановетаня.

Удов. Айде рецимо и то. Да би я башъ теби
исповедила, да би мени дражіе било, кадъ би они ме-
ни свою любовь болъ познавати давали, кадъ би се
они съ веѣимъ умилѣніемъ трудили за придобити ср-
це мое, кадъ би се они надинаѣивали еданъ другоме
место отети, кадъ би нѣи мое къ обоици склоненіе
мало и завадило, кадъ би я башъ и могла имати то
задовольство, нѣи свадити, пакъ опетъ помирити, да
би ти я башъ исповедила, да би овоме рада била; шта
би онда болъ било?

Блис. Било би безъ сумнѣнія нешто више, не-
го што сте ми пре изволили казати.

Удов. Али башъ нимало незнамъ, за кои би
я теби узрокъ о состоянію срца моего есапъ давала.

Блис. У томе самъ и я съ Вами едне мисли.
Ви немате другога узрока, развѣ изъ саме доброте
Ваше то чинити. Али будите увѣрена, да Ваша до-
брота неѣе Вами за луду бити. Я ѣу сву вредность

мою употребити, да се ове ствари на скоро тако наместе, како што би ви ради били. Али кажите ми само пре, къ коему сте ви найвећма склонна? къ Дамону или къ Леандру? Ви размишлявате? Послушайте ме! Нешто ми е добро на умъ пало. Ви знате, да су они обадва, прошасте године, готово све ньюво имѣніе, свакій у особити корабаль, кои у восточнимъ Індіама тргую, поставили. Садъ они очекаю сваки данъ ови корабля повратакъ. Како би било, кадъ би и ми то причекали, да по томъ онога, кои у овой трговини срећниі буде, изберемо.

Удов. То мени ніе неповольно. Само. — —

Елис. Ево иде господинъ Дамонъ. Оставьте ме еданъ редъ саму съ нѣмъ, да га нешто мало разпитаѣмъ.

ДРУГА ЧАСТЬ.

Елисавета и Дамонъ.

Елис. Службеница ваша, господинъ Дамонъ. Мени се чини да ви некога тражите. Ко е то?

Дамон. Леандеръ рекао ми е, да ће ме чекати овде. Нисте ли га видели?

Елис. Нисамъ га видила. Али што — заръ морате опетъ на маа отићи? Та позадржите се мало, просимъ! или е Вами заръ време дуго, кадъ Вамъ онъ не разказуе своя усладителна снівания о пріятельству? Ако сте ви само ради тога дошли овде, за слушати увеселителне лажи, и восхитителне мисли вашегъ пріятеля, позауоставите се, позадржите се; я васъ могу съ тимъ тако исто послужити као и онъ. Одъ

кадъ сте ви и господинъ Леандеръ почели овде долазити, звече сви зидови куће похваломъ пріятельства; шатъ будемъ и я што лепо о томъ чула и запамтила.

Дам. То поруганіе бива о трошку моего друга, и мени то мора противно бити. Ако смемъ моли-ти, љути.

Блис. Иначе морао би ко при таковимъ обстоя-тельствама ућутати: али разсудите ви и сами. Ви сте у кући едне младе любведостойне удовице. Ви ню любите, и настоите нѣну взаимну придобити лю-бовь. Али, Боже мой, каковимъ необичнимъ начиномъ! Еданъ пріятель чини васъ у вашемъ предложенію бо-язлива; Ви нећете да га увредите. Ваша е любовь одвећъ слаба, кадъ се ви можете устрочавати одъ нѣгови неоснователни изобличенія. Ви се волите омра-вити съ вашимъ любимомъ, него съ вашимъ пріате-лемъ. Айде нека би било, кадъ би баремъ другій штогодъ паметніи био, и неби тако као и ви лептире ловію.

Дам. Наше владанъ не мора вашей госпоѣи ни мало необично показати се. Она познае обоицу насъ. Ми смо се нѣой изяснили пре него е и еданъ одъ насъ знао, да е то и други учинію. Наше е старанъ садъ, да смо ми међу нами вѣрни пріатели. Неби ли да-кле неправо било, кадъ би ми садъ ню еданъ одъ другога отимали? Ніе ли праведніе, да ми ню остави-мо, да се она чрезъ свое собственно и самопроизвол-но склонѣніе едному одъ насъ преда?

Блис. Чрезъ собственно склонѣніе? Гледайдеръ ти тога! Као да неби една жена къ свимъ приста-лимъ и еднакога достоинства людма еднако и склонѣ-

ніе имала. Да узмемъ за примѣръ себе; мени би све едно било, та за васъ та за господина Леандра поћи. Не замѣрите ми, да я моему високоумію еданъ редъ овака ласкателна сновидѣнія представимъ. Како ви, тако и г. Леандеръ единакога сте здравога сложенія, крепки сте и весели. Међу двема подобнодобримъ стварма може се ко у избиранію преварити. Први е најбољи; ту се и жмурећи слободно избирати може.

Дам. Ђлисавета! Ви судите о вашој госпођи по себи; и заисто не чините јој съ тимъ велико поштенъ. Она има лепше мисли о любви.

Ђлис. Не примите ви мени за зло. Любовь е любовь. Една царица любви као и една селянка: и една мудра филозофкиня не може бити боља, него една проста пастирка. У овоме нема различія, као међу две капль. Моя госпођа и я, што се до сушества любви тиче, ни длаке не разликуемо се.

Дам. Съ Богомъ оспай! а немамъ саде ни вољ ни времена на речи безъ основанія одговарати. Ако Господинъ Леандеръ дође, кажите му, да га молимъ да причека. Я имамъ нешто нужно пре свршити; пакъ ћу садъ опетъ доћи.

Ђлис. Ее, тога сіясета! Та поспайте јоште малчицо! Ви наричете мое речи безъ основанія. Послушайте јоштъ мало; садъ ћу вамъ нешто казати, што ће вамъ се може бити основателніе учинити.

Дам. Айде да чуемъ, шта ће то бити.

Ђлис. Знате ли ви, шта е моя госпођа наумила? Она оће да чека, докъ обадва корабли, у кое сте ви ваше капитале метули, стигну. И ко буде у својој трговини срећни, за онога ће она поћи. Што па-

ло, пало! Вървете ли ви садъ, да е моёй госпоѣи свеедно, за васъ, или за вашего друга удати се? ели тако?

Дам. Шта? Ели савета! То е твоя госпоѣа наумила? Иди и разкажуй ту басну комъ другомъ.

Елис. Какъ зашто ти се то невѣроятно чини? Ели то каква унцвутарія, да една жена воли поѣи за богата, него за сиромаша? Ви будаласти мужеского пола, броеите дугмета на альбини, кадъ незнате шта ѣете да предузмете. А я мислимъ, да е она десетъ пути паметнѣе учинила, што е на среѣу оставила, да ово одсудѣи, неизвѣстно опредѣленѣи нѣзиномъ склонѣнѣию покаже.

Дам. О небо! несреѣанъ ли ти самъ я, ако ти истину говоришъ! Били я икада помислю, да богатство такове прелести за ню има? Ово ли заръ мора достолубиме чинити? Ненаоди ли она у мени и у Леандру ништа друго, што би се на супротъ заслепителного блистаня злата мѣрити могло? Готовъ самъ разкажати се, што едно лице любимъ, кое тако худо —

Елис. Айде веѣъ, айде, само лепо полагаано и потихо, и не итите са псованѣмъ. Нуто покора! заръ би ви штогодъ болѣ хотели имати? Богатство нѣе само оно што она у вами тражи. Склонѣнѣи мое госпоѣе къ вами и къ господину Леандру, садъ стои на таковомъ мѣрилу, гди ни една ни друга страна не претеже. Богатство ѣе садъ бити ништа друго, него еданъ маленъ прилогъ и придодатакъ, кои ѣе учинити, да една страна буде потежа, и претегне. О! не мислите, да смо ми башъ тако сребролюбиве. То не можете за нами реѣи, премда намъ не би никаква срамота била, да и есмо. Има неколико времена одъ

кадъ ни ви, ни г. Леандеръ са изясненіемъ любви ваше не навалюете: не показуєте ли ви чрезъ то, доста явно, да е вами обоици све едно, ако ће она за кога іой драго одъ васъ двоице поћи? Да како сте ви дакле могли разумніе почети?

Дам. Ахъ тужни я! Зашто самъ тако залюблѣнъ! Зашто ли самъ у пріятельству тако совѣстанъ!

Блис. Би ли вами заръ миліе било, да васъ моя госпођа као изъ лотеріе извуче, и да на васъ жребіе баци, пакъ да онога узме, на кога падне? Правда, да се ова мода чини међу два на вешала одсуђена, кадъ се оће едномъ животъ да опрости, кои га више не заслужуе него други. Башъ тако! Ніе ли истина?

Дам. Твое посмееванъ овде башъ места нема. Мое е срце — али нећу ништа говорити, идемъ. Блисавета! Блисавега! у какво си ме неспокойство метнула! О Боже мой!

ТРЕЋА ЧАСТЪ.

Блисавеша.

(сама.)

Овомъ самъ већ метула едну буву у уво. Али шта ми то помаже? Неда се уфатити ни за репъ ни за ноге, као и пре; да самъ га могла баремъ дотле довести, да пође опетъ изяснявати любовь свою. Али кадъ не да са собомъ ни говорити, стаяше башъ као на углѣвлю. Ха! ево ми и Леандра гди иде. Айде да видимъ, могу ли што съ нѣмъ расначати.

ЧЕТВРТА ЧАСТЬ.

Блисавеша и Леандеръ.

Блис. Мало пре да сте дошли, нашли би та.

Леанд. Бли? заръ е већъ био овде Дамонъ?

Блис. Био е, и за часъ ће опетъ доћи; претрпитесе мало. Господинъ Леандеръ! шта е то, да се ви данасъ тако невесео чините? А тако лице не стои лепо едномъ просиоцу! То е срамота! Айде разведри-се! гледай лепо, весело!

Леанд. Ко има већи узрокъ одъ мене, сътовати?

Блис. Говорите далъ. Вами, безъ сумњъ, мора нешто тешко на срцу лежати, што васъ тако печали. Я башъ познаемъ, шта е то. О! васъ любовь мучи. Ђси л' се већъ наситио, више за пріятельство него за любовь марити? О! баремъ кадъ би имао право то чинити! айде усудисе! штета за едного пріятеля. Почни опетъ настояти око мое госпође, даемъ ти речъ, да ћешъ е имати. Ако ли се будешъ и у напредакъ истомъ мазити, нећу ти се ни зашто подваћати. Моя госпођа избирати не може. Ако е ко одъ васъ двоице не уграби и не однесе, она е већъ све сленомъ случаю оставила. Ко одъ васъ у вашой восточноиндиской трговини срећниі буде, ономъ ће она руку, срце, и имѣніе свое поклонити. Шта вамъ би? Што вамъ е?

Леанд. За Бога, Блисавета! ели то истина? Срећніему ли се она мисли дати? Садъ е моя већъ навршена несрећа!

Блис. Навршена? Шта то значи? Изяснитесе.

Леанд. Добро, я ћу се теби повѣрити. Знай дакле, да самъ синоћъ писма примію, да є мой корабаль у єдној бури пропао. О жестоко небо! ніє ли ми доста, мое имѣніє изгубити! него морамъ іошть савише, съ толикомъ люблѣнога и пожелѣнога лишитисє предмѣта!

Єлис. Онай вичє на мою госпођу, а овај опетъ съ небомъ починѣ процессъ. А нити є моя госпођа томе, нити небо криво. Господинъ Леандеръ, соболѣзнуємъ о вашемъ злополучію. Я вамъ ласно могу вѣровати, да є то велика жалость свое имѣніє изгубити. Я то жалостно искуство нисамъ никадъ познала, и Богу фала! неимаюћи шта изгубити, не могу га ни познати. Ако ли є жалость о изгублѣномъ богатствѣ тако велика, колика є жєля то задобити, то мора она несносна бити. Ово признаємъ. Али, нека дођємо садъ на другу точку. Предмѣтъ ваше срдачнє любви; ви подъ овимъ разумеватє мою госпођу — ніє ли? послушайте само — то стє ви самопроизвольно изгубили. Но, ако сє ви будєтє само моему управлѣнію предати хотєли, колико вамъ сє то чини изгублѣно, ништа манѣ, нећє бити сасвимъ.

Леанд. О! молимъ тє говори слободно, я ћу теби у свачємъ слѣдовати, што ми полезно можє бити.

Єлис. Сумнямсє, да ћєтє ви то чинити.

Леанд. Несумняйсє, молимъ тє.

Єлис. Мени є сасвимъ ваше упорство познато. Ви стє високимъ воображеніємъ пріятельства чрезмѣрно завладани. Дамонъ, вашъ дражайши пріятель на свету, многоцѣни даръ неба, безъ коєга би вами сва добра, сє чєсти, сва задовольства, суетна и не-

пріятна била; Дамонъ, вашъ други я, коега благополучіе ви за свое рођено вменявате, и коега злополучіе ваше е исто, Дамонъ, благородномислещи Дамонъ, кои —

Леанд. Заисто Блисавета! Ти нѣга неможешъ никада доволно и по достоинству похвалити. Онъ е іоште самъ, кои ће ми помоћи мое злосчастіе сносити, я самъ свагда о нѣму найлешше мисли имао, и къ нѣму е срце мое драгости пуномъ любовію одушевлѣно било. Я нимало несумнямъ, да се онъ неће садъ показати, колико е онъ ови мои мисли о нѣму, мое любви и моего пріятельства достоянъ. Да се е онъ своего имѣнія лишію, све што е мое, нѣгово би било. И у овоме случаю я би се исте руке, любве-достоинѣйше персоне нѣга ради одрекао. Дамонъ! исти Дамонъ — о да има онъ мое срце — али, али — я се боимъ, да онъ ніе іоштъ сву милошћу и силу пріятельства чувствовати хотео.

Блис. Тако е, господинъ Леандеръ; ако ви ваше благополучіе желите, потреба е да ви тога Дамона испредъ очію уклоните. Немойте се одъ овога предложенія плашити.

Леанд. Шта ти подъ тимъ предложеніемъ разумевашь?

Блис. Айде, я већъ видимъ, да ви съ єднимъ доволно неустрашивимъ лицемъ мое изяснѣніе иште-те. Само немойте се ничега плашити. Я васъ нећу къ никаквомъ издайству вашего пріятеля совѣтовати. При овомъ послу нити ће нѣга, нити васъ совѣсть обличавати; у мало речи, пођите ви къ моіой госпо-ђи, представите іой чистосречно изяснѣніе любви

ваше. Увѣрите ю, да ню Дамонъ више не люби. Узмите еданъ паръ нужни лажа на помоѣтъ, крозъ кое можете учинити, да га она возненавиди, пакъ ће те видити, да ће све добро поѣи.

Леанд. Али ако све само за тимъ стои, да се попрочека, и да се види, ко е у својой трговини срећни, то мени ништа помоѣи неће, зашто самъ я не-срећанъ.

Блис. Ха, ово ли е постоянно пріятельство! Како се овај дае ласно наговорити! (сама у себи) господинъ Леандеръ! неће башъ све за тимъ стаяти. Али башъ и да би, то намъ ништа не вређа. Знате ли шта? Я памтимъ, да сте се ви съ вашимъ пріятельмъ Дамономъ договарали, да промените ваше капитале. Они су едне сумме. Я мислимъ, ви би добро учинили, да на то принудите господина Дамона. Онъ јоштъ пезна, да е вашъ корабаль пропао.

Леанд. Незна јоштъ.

Блис. Ето видите, то е башъ како валя; по-старайте се привуѣи къ себи нѣговъ капиталъ, а уступите му вашъ са интересомъ и са свимъ. Ви то ласно можете учинити, и приличну къ томе причину наѣи, еръ онъ вами у свачему вѣруе. На примѣръ, да му рекнете, да би то било знакъ, печатъ и утврђење совршенога пріятельства; да ако би нѣговъ капиталъ више добитка донео, онъ би имао радость, васъ богатѣимъ учинити; ако ли би пакъ вашъ, то би се ви те исте радости сподобили. Понеже (приложићете) коя радость може бити већа, него свога друга благополучнѣимъ учинити?

Леанд. Твой е совѣтъ добаръ, и извѣтъ види

ми се доста приличанъ. Али се я боимъ, да неби се у Дамону какво подозреніе о мени зачело. Зато неби му я радъ био самъ собомъ ово предложеніе учинити. Неби ли ти како могла свою госпођу на те мисли довести, увѣштати ю и наговорити, да она то Дамону представи, као едно дѣло, кое би нѣойзи мило било.

Елис. Садъ васъ разумемъ. Добро самъ васъ разумела! Оставьте се на мене. А ви гледайте, да колико скоріе къ моіой госпођи дођете.

Леанд. Како се съ моимъ пріятелѣмъ разговаримъ. Богъ ми е сведокъ! да и при свемъ овомъ поштенно имамъ намѣреніе. Я знамъ известно, да мени Дамонъ у моемъ злополучію неће уступити полакъ свога имѣнія, као што би я нѣму, да е онъ на место мене несчастливъ. Зато я валя да се старамъ, да и нѣга одъ срамоте избавимъ, и да обоица еднако имамо, као што и принадлежи пріятелѣмъ.

Елис. (сама у себи). Садъ видимъ, какавъ е овай другъ и пріятель! Ради да извара све, пакъ да поклони ономъ чие е све, полакъ. Паметанъ другъ!

Леанд. Я љу све нѣму за любовь учинити, и помоћи љу му. Може бити онъ ће други редъ срећанъ бити.

Елис. Мучи! мучи! ево иде господинъ Дамонъ. Я љу се уклонити, еръ онъ може помислити, ко зна шта смо ми међу собомъ говорили. Я идемъ къ госпођи; дођите и ви скоро. — Неби се овомъ никадъ надала (сама у себи).

ПЕТА ЧАСТЬ.

Леандеръ, а по томъ Дамонъ.

Леанд. Садъ му несмемъ мое злополучіе открити, а зато самъ му овде назначію састанакъ! Шта ѣудакле садъ съ нѣмъ говорити? Измислиѣу штогодъ.

Дам. Дражайши мой Леандеръ! простите, да самъ васъ чинію чекати.

Леанд. Я вами да опростимъ? Съ чимъ сте ме увредили? Оставьте веѣ прелюбими мой, такове мисли, да би ви мене у чѣмъ ли будъ увредити могли. Другъ на друга никадъ се не срдѣ. Слаби люди кои незнаду, нити ѣе, на свою штету и срамоту знати, каква е сладость дружеского соединѣнія и согласія, нека се еданъ на другога срдѣ. Пріятельство вооружава душе само съ непобѣдимомъ кротостію. Мени, што годъ еданъ пріятель чини, што ми годъ одъ нѣга буде, све ми е право и пріятно. Озлоблѣніе се мѣри или по зломъ намѣренію онога кои озлоблява, или по чувствованію онога кои то трпи; а гди нема нити съ едне стране злога намѣренія, нити са друге чувствованія, ту нема ни озлоблѣнія. У правомъ дружеству зло намѣреніе места нема, слѣдователно нити озлоблѣнія чувствованіе. Зато прелюбими Дамонъ! кадъ би я одъ васъ свако зло што се пострадати може, пострадао, кадъ би ви мене свега што я имамъ, и истога лишили живота, мислите ли ви, да би ви мене тимъ озлобили? Ниношто! Колико би се ви неправи чинили, толико би я васъ, знаюѣи ваше добро намѣреніе, за права вменявао и почитовао. И кадъ би Васъ

савъ светъ кривіо и осуђавао, я би васъ извинявао и оправдавао.

Дам. Я би желію, Леандеръ! да вамъ могу съ подобномъ жаркостію одговорити, али, неби радъ слогати; чувају се обаче, да ваше пріятельство на таково искушеніе, како што ви кажете, не положимъ.

Леан. А любимѣйшій друже! како ми то ладно одговарате? Еда ли се сумняте о моемъ чистосрдечію и о нелестности моего говореня? Заръ ви двоите, да моя къ вами дружеска любовь неби кадра била ову пробу поднети? О дай Боже, да ви мене колико брже, на таковъ начинъ, какавъ би другима непростителянъ био, озлобите! Каква би возхитителна моя радость била, сладку освету великодушне кротости чувствовати, и вами не само опростити, него и васъ оправдати.

Дам. Я знамъ, да е дужность дружеска, другу своему праштати: али іоштъ већа е пріятельска и дружеска дужность, другу своме ни найманъ што на жао учинити; нити га кадъ са знанѣмъ и са произволеніемъ увредити.

Леан. Друже! у праштанію валя да смо ми божіи подражатели. Колико су годъ велике и многопріусугублѣне наше погрешке и преступлѣнія, божіюй благости преодолети не могу. А ми кадъ едномъ изберемо едномъ за друга и пріятеля, никада не валя да га оставимо; тако, да нити нѣгове погрешке нити озлоблѣнія нису већъ кадра, нѣга наше любви и милошће лишити. Самъ себе срамоти онай, кои се едного одрече пріятеля, ако ће му

овай незнамъ што учинити: зашто чрезъ то показуе, да се е у избранію пріятеля преваріо.

Д а м. Любезнѣйшій Леандеръ! ви знате, да я нисамъ тако у пріятельству преко мѣре гореѣтъ, као што сте ви, и може бити да ми се зато чини, да право пріятелство и дружеско соединѣніе неможе обстати безъ правичности и добродѣтели. Али садъ молимъ васъ кажите ми, какаво е оно важно дѣло, за кое сте ми поручили да ми имате говорити.

Л е а н. Бли вами ово мое говорење теготно? немогу то вѣровати. Ви знате, како радо ми беседимо о стварма, кое су намъ миле. И я знамъ, да се то радо и слуша. Али се ви мени чините да сте данасъ нешто невесео. Шта Васъ обезпокоява? Покажите мени то. Дайте ми утѣху, и учините ме соучастникомъ ваше скорби. А потомъ ћете се ви о свемъ извести, што я вами спріобштити имамъ.

Д а м. Ви се неварате. Я самъ смуѣненъ и при-скорбанъ.

Л е а н. А сврхъ чега? О што касните ви мени вашу вовѣрити тайну? Или ви полагете какву неу-вѣреность у мени; аки би я не био кадаръ вашу са-чувати тайну? Или се ви сумняте, били я вами, у свемъ томъ што одъ мое снаге зависи, помоћи хтео? или заръ желите мене на соболѣзнованіе возбудити? А не знате ли, да кадъ я туге срца моего у ваша дру-жеска нѣдра изтрести могу, да се тай часъ половина муке мое утоли. Искусите само и ви то исто, видиће-те, да ћете чрезъ то у мени повѣрованъ, известно облакшанъ наћи.

Д а м. Ово се дотиче до мене и до васъ.

Леан. Толико пре дакле изясните ми то. И зашто би га премолчавали? О! што се вѣрномъ другу каже, то е толико колико да се ніе нікому казало на свету. Два су права пріятеля една персона, и међу њима ништа не валя да е сакривено и тайно: и што они еданъ другомъ вовѣраваю, то свакъ одъ нѣй себи то вовѣрава.

Дам. Не! не! нећу я ништа одъ васъ сакривено држати. Били ви могли себи икада представити, нта е наша любима госпођа наумила и вознамѣрила? Ви неби то никадъ и ницошто погодили, на какавъ е она случай оставила, да опредѣли и одсуди, комъ ће одъ насъ своју руку дати.

Леан. То самъ и я већъ сазнао, и то е исто што самъ ти хтео казати.

Дам. Да вамъ право кажемъ Леандре! я самъ сврхъ овога нѣзиногъ худодушногъ заключенія ужаснутъ остао. И пре него би я таковомъ безсловесномъ случаю за нѣзину руку благодарити имао, волю би се е за живота одрећи.

Леан. И мислите ли ви, да би ю я онда узео? Ми имамо къ нѣойзи найнекористолюбивіе намѣреніе. Ми би ню любили и за жену узели, да она башъ и ништа нема. А она къ нами тако користолюбива и имѣнія рачитателница? Ёли дакле само случайно богатство, што она у нами любви и жели? Затимъ ли она чезне и гине! О женскога лакоумія!

Дам. Шта ти се чини, кадъ би се ми постарали, ово нѣзино заключеніе, на свакій начинъ, осуѣтити и уничтожити? Смемъ ли ти неко предложеніе учинити? Како би било, кадъ би ми сву штету и до-

битакъ трговине наше међу собомъ разделили, и кадъ би на овай начинъ, што се имѣнія каса, опетъ еднаки остали?

Леан. Сътъ: ево воде на мою воденицу! (лагано самъ у себи) Имате право! никакво друго средство неби е могло принудити да изъ правога склонѣнія еднога одъ насъ избере, него ово. Прекрасно! я самъ съ тимъ задоволянъ, и похваляемъ ваше предложеніе.

Дам. О како ме увеселюете съ овимъ вашимъ соизволѣніемъ, я самъ се бояю, да ће те ми га овде одрећи. И кадъ би то и учинили, имали би право.

Леан. Како се ви то свагда слабо на мене уздате! Какво би я право могао имати, вама, у чемъ му драго, мое соизволѣніе одрећи? Дружеска су добра обшта. Што я имамъ, то е ваше; на исти начинъ што е ваше, то я моимъ нарећи могу. Проклето користолюбіе! Кадъ би се вами и таково злополучіе приключило, да ви са свимъ и све изгубите; не половина, него све мое имѣніе ваше би било.

Дам. Друже, ви ме застиђуете съ таковимъ великодушнимъ речма.

Леан. Ово непримайте за саме речи, него за самосушчу стваръ. И кадъ би я то дѣломъ показао, ништа друго неби учиніо, него што дгужеска дужность неотложно налаже.

Дам. Али я незнамъ, какавъ некій потайни узрокъ, при овомъ заключенію, да ме на неко сумиѣніе води, у себи, преко мое волѣ, осећамъ. Да ніе штогодъ благасвета? — —

Леан. Одъ нѣ и я то имамъ. Ништа манѣ ми

ћемо овоме послу изићи у трагъ: то насъ обадва мора тиштати. Дозволите ми да васъ на кратко оставимъ. Я идемъ самъ къ нашої любимици, и гледа ћу да овимъ заплеткомъ краеве нађемъ, и стваръ изслѣдимъ.

Д а м. Али Леандре! како ће то пристояти? Да не прими она то любопитство съ негодованіемъ, и да се не разсрди.

Л е а н. Не старайте се за то, я ћу то умети съ єднимъ лепимъ начиномъ расположити. Съ Богомъ! скоро ћемо се видети.

ШЕСТА ЧАСТЬ.

Дамонъ

(самъ.)

Или самъ я неспособанъ за пріятельство: или Леандеръ преизлишна и неограничена о томъ понятія има. Ако є прво, тако самъ я бѣдни човекъ. Признаемъ да є пріятельство сладость живота! Ово я чувствуемъ: али тако, како што Леандеръ каже да о нѣму чувствує, я заисто немогу. Како онъ вели, да би ми свако могуће озлоблѣніє опростио и при свакой моменту, нѣму нанешеной обиди и неправди да би ме извинявао и оправдао, я себи заиста ласкати не смемъ, да би то кадаръ био учинити; у овомъ морамъ чистосердечно слабость признати мою. Богъ є истина! и противъ истине говорити, то є на Бога хулити! Я би нѣга истога за худа почитовао, кадъ би онъ могао мени толике худости злобе и неправде просити. И чини ми се да нигде лажа, неправда ніє грѣа и хуѣа, него кадъ се подъ покривало пріятельства сакрива. Не! ніє могуће да би онъ то исполнію, што веле-

речествує, и то би било противъ сваке правде и разума: а нека онъ говори шта оће! — — али праведни Боже! да се я пакъ како неварамъ судећи о нѣму по себи! Изъ тога што самъ я слабъ, не слѣдує да и други мора таковъ бити. Но сматрајући вообште на люде, види се чисто, да таково пріятельство међу нѣима овде на земљи нїє могуће. А сврхъ свега да и ово речемо (кое најболъ примѣтити валя) да, кадъ друзи и пріятельи нису еданъ къ другомъ праведни, поштени и вѣрни, какви мораю бити къ другима? а пріятельство безъ правдолюбія и честности нарава не вреди ни првльива лешнѣика. А мисли ли Леандеръ како говори? Ха! постой! кадъ би я нѣму дао знати, да ми є гласъ дошао извѣстанъ, да є мой корабаль пропао: тада би могао познати, докле нѣгово великодушіє досеже. Башъ ме нешто шкакля да га искусимъ. — Али не! далеко одъ мене такоє мисли! то би нешто худо било. Свога друга искушавати, то значи, тражити начинъ за изгубити га. А ако удовица при свомъ будаластомъ заключенію остане: и ако Леандеръ благополучанъ буде и ню придобіє — оћу ли тада моћи остати нѣговъ другъ? — О! при овой мисли ужасъ напада на мене. — Я се сгрожавамъ — чувствуємъ мою слабость! неће ми бити могуће да му не завидимъ, и да га не омрзнемъ. — О уви слабости мое! Срашимъ се одъ себе истога!

СЕДМА ЧАСТЬ.

Оронъ и Дамонъ.

Оронъ. Садъ ево га башъ. Разумешъ ли ме роѣаче? у сто кућа самъ те већъ тражію. Чу ли? и

пре би те мислю на комъ другомъ месту наѣи, него кодъ леше удовице. Ёсилъ ме разабрао?

Дам. Е пакъ! а шта васъ овде доводи, господине роѣаче?

Орон. Тако ли е? Заръ не видишъ ти на мени, шта я оѣу? приговисе само, знашъ ли? Новину ѣешъ одъ мене чути, коя ѣете полу мртва учинити. Разбѣрашъ ли нашки? и ако јошъ мало памети имашъ, а ти ѣешъ се узверити; домашашъ ли садъ мое речи?

Дам. Ви ме ужасавате. Шта е то?

Орон. Нисамъ ли ти я казао, да ѣешъ съ твоимъ капиталомъ несреѣанъ бити? Казуй! нисамъ ли? ево ти писмо; читай! — твой е корабаль потоплѣнъ. Ёсилъ чуо? Проучи то писмо само, пакъ ѣешъ сва обстоятелства познати. Ёси л' ме садъ досегао съ памету? Нисамъ ли ти я прорицао, да ѣе то тако бити? Али млаѣи оѣеду да су паметни одъ стари! ето ти садъ! Казали ти?

Дам. Хвала буди Богу! то су приключенія овога света! — Я неби толико за моимъ имѣниемъ жалию, кадъ неби чрезъ то мою —

Орон. Ха, ха! твою лепу удовицу изгубио? Ёсамъ ли погодіо? То е дакле сва твоя жалость? О лакоумна и несмислена юности! Не жалишь 120,000 талира! О безбожнога лакоумства! да шта садъ мислишь зачети? одъ свега си света садъ оставлѣнъ. И тако ти валя! Нисамъ ли те јоште овестіо? Можешъ ли се одреѣи, да я то теби нисамъ предвѣзвештавао? и да ти нисамъ златне науке давао? Колико самъ ти и колико пута я ове паметне изговоріо речи, да што се на воду меѣе, можесе утопити? Штета и на овомъ и

и на ономъ свету за такє лєпє новцє! Да су они мои били, неби тако прошли! а ти немаришъ! срамъ те буди! и срамота и моя, што те рођакомъ звати морамъ, кадъ си такє лєпє изгубіо новцє! Фала Богу! я нисамъ тако безбожанъ као ти, да немаримъ за новцє. Іоштъ ли ме неразумешъ? Садъ би луда она лєпа удовица била, кадъ би за тебе пошла. Чуешъ ли ме садъ?

Дам. Чуемъ, господару рођаче! и то и єсть што мене преогорчава.

Орон. Да т' кажемъ! видишъ да си лудъ? као да немашъ ни зашто друго жалити него за то! Да т' кажемъ! Али, іоштъ ђу ти єданъ саветъ дати; зашто знамъ да т' кажемъ! да се іоштъ у єдномъ послу можешъ здраво помоћи; постани банкротъ, еси ли ме садъ чуо?

Дам. Како? тако худо да я поступимъ, кадъ се могу и на другій начинъ помоћи. То би ми срамота била одъ людій и грехъ предъ Богомъ.

Орон. Шта, шта? срамота и греота? Међеръ си права будала, да т' кажемъ! чули? та я самъ петъ пути банкротирао, пакъ нити ми є срамоте ни грея за то; іоште би кои путъ, да ми ніє забранѣно трговати. Али садъ немаримъ, имамъ фала Богу съчимъ живити! Моя покойна жена, која є садъ у раю, да ти речемъ! она ме є са своимъ великимъ трошкомъ чинила банкротирати; али, Богъ іой дао вечни животъ! како іой є и дао, да т' кажемъ! она учини, те се я крозь петъ банкротирания здраво обогати. Пакъ садъ ево ме гди ме видишъ, нити мислимъ о грею

ни о срамоти. Срамота е, кадъ човекъ нема, а кадъ има, добро му е, разбирашъ ли ме већъ?

Дам. Разбирамъ. Али я нити ћу вамъ ласкати, нити тако мислити. Све ваше богатство тако добивено, не чини вамъ никаква поштенија. А я волимъ умрети него безъ поштенија живити.

Орон. Ха, ха, ха, гледай будале! Поштенъ! а заръ ти се поштенъ чини гладовати? Гледајдеръ ми ти ветрогонъ съ нѣговимъ лепимъ поштенъмъ! Да т' кажемъ! мои наслѣдници, после мое смрти благодариће они мени за оно, што я нѣма оставимъ, башъ да самъ я то и покрао. И молиће Бога за мене, есилъ ме чуо?

Дам. Бсамъ. Али, ако ваши наслѣдници буду богобоязљиви и поштени люди, нѣова ће найвећа старостъ бити, да оне кои су крозъ ваша банкротирања штетовали, задовољъ, и да свакомъ свое возврате.

Орон. Шта, шта! да мое благо опетъ другима у руке дође! Да ли я то знамъ! я би га самномъ у гробъ закопао, пакъ би видіо онда, ко би се усудио къ нѣму доћи и додирнути га се! Я знамъ, шта би радио! Оћешъ ли ме ти данасъ еданъ путъ разумети или нећешъ, казуй? Залуду ли би се я толико мучіо и распиняо? и за правабога ли би се я нетъ пута криво заклиняо? Оћу да ме чуешъ и разберешъ! Знаш'ли ти то! Да т' кажемъ ако незнашъ! еси ли чуо? нудеръ чуй јоштъ едно! Я самъ мислио и тебе, као тобожъ рођака мога, у мое последнѣ завещаніе вргнути. Али добро кадъ знамъ, да си ти таки! нећешъ ми га ти онде носа завући! Чу ли ме? пакъ ћешъ видити онда, оћелъ ти трбу овако нарастити,

као што е мой. И оће ли ти се на нѣму оваки пор-
тови сјати (оохъ! савъ самъ у води: ладанъ зной съ
мене цури!)

Дам. Господару роѣаче! я вамъ кажемъ, да я
желимъ свагда тако живити, како ме моя совесть не-
ће обличавати, а у прочемъ полажемъ надежду мою
на Бога.

Орон. На кога то рече? на Бога? Съ тимъ се
ти само утешавай, датъ кажемъ я! пакъ ће се онъ и
за тебе старати, башъ као за врабце у средъ зиме.
Мислишъ ти, да Богъ ништа друго не чини, него се
за тебе стара! Нје ти доста, што ти е дао паметъ у
главу; него оћешъ јоште да се за тебе стара? То би
паметно било!

Дам. И я ћу се старати съ помоћу божіомъ
колико болъ могу; али ни у највећой нужди нећу
лукавство и неправду на помоћъ узимати.

Орон. Роѣаче, то се као на мене нишани. Бли?
датъ кажемъ! немој ти мени тако оштрлятоносъ бити!
Бсилъ ме чуо? знамъ я, съ чимъ се ти бечишъ. Да
ћешъ лепу и богату удовицу за жену узети, и да
ћешъ се тимъ помоћи. Бсамъ ли погодіо? Али погле-
дајдеръ ти мене, да ти речемъ! Знамъ я, како се
одъ куряка ягнѣ граби. Чули ме садъ како? Удови-
ца оће срећніега. То е Леандеръ; нѣговъ е корабаль
читавъ дошао, а твой е пропао. А што су Леандру
пре писали били, да се е нѣговъ корабаль потопіо, то
нје била истина, него е твой пропао. Бси ли ме чуо?

Дам. Како? Леандру е то пре писато било,
пакъ онъ мени ништа о томе не каже? То нје мо-
гуће!

Орон. Да! ніє могуће! Него оћешъ да ти све на носъ вежу! Иди садъ, те се уздай на Бога на пріятельство и на поштенъ! Паметанъ си! на лепе се ствари уздашъ! Да ти я іюштъ еданпутъ речемъ! Я идемъ садъ самъ ево овако како ме видишъ, къ удовици, да іой све кажемъ, есилъ чуо?

ОСМА ЧАСТЬ.

Дамонъ

(самъ.)

Невесео гласъ! я губимъ мое имѣніе. — Нека би ми се и то несчасіе приключило, али — ко зна, да е Леандеръ несрећанъ био, би ли я великодушанъ био, нѣму помоћи. — Каква би била моя срамота, да самъ му я невѣранъ био. Алъ е мене до садъ Богъ сачувмо одъ сваке невѣрности. Ово е мое благополучіе у истомъ моемъ злополучію. Али я сиромѣ губимъ любви достойнѣйшу любимицу! Она ће садъ за Леандра поћи — али што, Леандеръ е мой другъ, зашто би му я завидіо? — Но — о ти погибелна любви, како ме мучишъ! — Та гди е паметъ моя! ніє ли мой другъ толико достоянъ получить ю, колико и я? — А при томъ, зашто мене срце мое толико боли, за едномъ женомъ, кою, да самъ и добио, не би е ово мое одъ любви гореће срце добило, него само имѣніе мое. — Ахъ! зашто ми е она тако мила! зашто ли ми се тако добра! тако разумна! и тако лепачини! О Боже! ти ми самъ помози, да себе победимъ, и да одолимъ овой страсти моіой! Али за Бога! ели могуће, да е Леандеръ пре известіе имао да е несре-

ѣанъ? и да е онъ то мени премучао? — и како би онъ предложеніе, кое самъ му я учинію, примити могао? — Чудне ми некакве мисли на умъ долазе! — Али, далеко одъ мене такова мечтанія, коя су на срамоту другу моему.

ДЕВЕТА ЧАСТЬ.

Елисавета и Дамонъ.

Елис. Тако сами, господинъ Дамонъ, и тако невесели?

Дам. Ахъ Елисавета! за облакшати мою печаль, я морамъ првомъ кога упазимъ, злосчастіе мое разказивати. Я самъ несреѣанъ, мой корабаль е пропао. Я имамъ о томъ совершенно увѣдомлѣніе. Али се моя найвеѣа жалость у томъ состои, што губимъ сваку надежду, твою госпођу получить.

Елис. Како то? Ніе доста било, да е господинъ Леандеръ несреѣанъ био; него сте и ви?

Дам. Како, у чему е Леандеръ несреѣанъ био? Онъ е мало пре самномъ беседію, и ніе ми ништа казао. На тай начинъ мое подозреніе и сумня о нѣговомъ совершеномъ пріятельству мора бити основана! Ништа манъ веруй ти мени Елисавета! да е у свемъ томъ погрешка била; мой Леандеръ ніе мени невѣранъ. Онъ е неповинанъ!

Елис. Ха! ха! ха! ніе невѣранъ, онъ е неповинанъ као голубъ! Ха! ха! ха! да! како би то могло иначе бити? кадъ е онъ твой найвѣрнѣи другъ на свету! Ха! ха! ха! јоште ви меѣеръ незнате, шта е любовь.

ДЕСЕТА ЧАСТЬ.

Ороншъ, Удовица, Леандеръ, Дамонъ, Елисавета.

Удов. Дражайшій Дамонъ! я самъ одъ вашего роѣака невесели о вашемъ кораблю гласъ разумела, и сердце мое сожалеуе о вашей штети, тако, како да се е мени случила!

Леан. Любезнѣйшій мой другъ! Ви сте садъ злополучни. Али я знамъ, какво е ваше сердце постоянно; сва суетна штета неће васъ сасвимъ обезпокоити, и очаянію предати. Я се въ прочемъ надамъ, да ћете, другій путь са счастиемъ помирение учинити, и то што сте садъ изгубили, добити.

Орон. Да! да роѣаче! другій путь! другій путь! И я те съ тимъ утѣшавамъ, датъ кажемъ! Ха! ха! ха! Бси л' ме чуо?

Леан. Ви госпођо имали сте доброту изяснити се, да ћете ономъ вашу руку и сердце поклонити, кои среѣнни буде; Небесни промисалъ изволіо е, да самъ я тай. Но онда ћу я совершенно на свету благополучанъ бити, кадъ ме ви излолите любкимъ погледати очима, и многоцѣнни даръ срца вашего доброга и милостивога мени.

Удов. И то изяснѣніе, Леандре! можете ви мени башъ и у присутствію и предъ лицемъ вашего друга чинити?

Дам. О Боже праведни! Шта я то чуемъ и видимъ? Каква е душа у овой жени? На благополучнога гледа немило и съ негодованіемъ, а на мене злополучнога съ милошћу и са соболѣзнованіемъ! Очи

іой се наводняваю, кадъ ме погледа! Усне іой трепе-
ћу, као да оће да плаче, и неможе да говори! (самъ
у себи тихо.)

Леан. Мила госпођо! я познаемъ весма добро
друга моего, онъ неће вашему благополучію завидити
ни сметати; онъ вамъ нема ништа друго него срце
свое донети, а я ћу вамъ съ моимъ срцемъ и аковче
злата поклонити.

Дам. Друзе Леандре! тако ли ти — ужасъ и
туга оће да ме удаве! Немогу ништа говорити.

Орон. Нудеръ ме садъ чуй рођаче! датъ ка-
жемъ! ти и тако нећешъ ту лепу удовицу имати. А
Леандеръ видишъ да ти е невѣранъ, нудеръ гледай
како тужанъ! те е превуци на мою страну. Я самъ
страшљивъ, несмемъ іой то ни споменути. Кажи іой, да
я имамъ два аковчета злата, све ће нѣзино бити! у
у у тужанъ, како ми е мила! Садъ ме чуй, ако ни-
кадъ нећешъ! и ако ми ово добро учинишъ, задаемъ
ти мою вѣру, датъ кажемъ! да ћу те у прво мѣсто
завѣшчанія вргнути!

Леан. Мила госпођо, време е већъ да се изъ-
сните, да и мой другъ Дамонъ зна на чему е, и да
више сиромѣ о нама не мисли.

Орон. Госпођо! задржите се јоштъ мало, мой
ће вамъ рођакъ казати, да вамъ е нашао едного мла-
дожену са два аковчета злата; датъ кажемъ! рођаче,
та говори яданъ! што си се окаменіо? Бси л' ме чуо?

Удов. Ние потреба далъ говорити! мое е заклю-
ченіе учинѣно, и неће се докъ самъ годъ жива, из-
менити. Я самъ дала мою речъ, да ћу за најсрећни-
ѣга поћи, и остаемъ при мојој речи. Мени е онај нај-

срећниѣ, кои є наибольѣи и найпоштенѣи. А то си ти, мой прелюбими и предраги Дамонъ! я самъ одъ садъ твоя, и све мое имѣніе твое є.

Дам. Моя? о свемилостиво небо! (приступи, земе ѣой руку, метне є на срце свое, и стану се гледати са сузама любви и милошће).

Леан. Шта! Дамонъ?

Орон. Шта то би? датъ кажемъ! Леандеръ съ барилцемъ злата, а я са два! чуелъ ме ко? Пакъ да останемо овако као брабонъци на цедилу. То є башъ наопако датъ кажемъ!

Удов. Дамонъ мой любими! ти си се и у злополучію твоему поштено и благородно владао; нити си тражіо, да кога преухитришъ, нити да преваришъ и издашъ! А ти Леандре! ти си се весма неправичанъ къ твомъ другу, кои те є свесрдечно любіо и высокопочитовао, показао. Кадъ си мислио да си злополучанъ, ниси му то казао, него си хотео да съ нымъ нѣгово имѣніе преполовишъ и разделишъ. Хотео си га у омразу кодъ мене довести, увѣравајући ме да онъ мене не люби. А кадъ си познао, да си ти срећанъ, а онъ несрећанъ, онда си га хотео са свимъ несрећнимъ учинити, принуждавајући ме за то, да я останемъ при речи мои, зашто си ти благополучанъ био. Постиди се! срамъ те буди! иди ми съ очію! Уживай злато твое, коєга ниси достоянъ, као и многи други!

Дам. Леандеръ! єли могуће, да си ти мене хотео преварити?

Леан. Дамонъ! я самъ тебе весма увредио! оставай съ Богомъ! Я бѣжимъ испредъ очію ваши, у кое

не смемъ више погледати. (Покривши рукомъ лице пође).

Дам. Леандеръ! Леандеръ мой! стани! кудъ идешъ? Не оставляй ме! не односи са собомъ половину благополучія моего! Срце ми мое одкидашъ (потрчи за нѣмъ, уфати га и неда му поћи).

Леан. Остави ме да идемъ умрети одъ срамоте и жалости! Нисамъ достојанъ погледати те! Ти ми то не можешъ простити.

Дам. Прштено ти е већъ, прштено, любими друже мой! Любовь е тебе у заблужденіе привела, како што би и мене и свакога подъ небомъ. (Онда приведе га къ својој госпођи, и рече јој): сладко мое срце и душо моя! Онај кои е мене преварити хтео, био е човекъ, и човекъ заљубљенъ! А ово е Леандеръ другъ мой! разликуј га одъ онога! не мой насъ раздвоити! за сладку своју къ мени любовь и доброту! Прими друга мога за пріятеля свога, и узвиси данашню мою радость и веселъ на врхъ совершеного на земли блаженства! Гди ће мо ми наћи друга и пріятеля, ако не будемо хтели човеку нѣгове презирати и прштати слабости? Ви јоште не познаете добро Леандера! онъ би за мене животъ свой положио, али е тебе любио више него животъ свой, и више него мене, као што те и я любимъ. И ко те не би тако любіо, кадъ би имао надежду, одъ тебе на исти начинъ любљенъ бити? Силна е као смртъ любовь! Ню не може вода угасити, нити река потопити. Ово е давно речено.

Леан. О Дамонъ! Дамонъ! како ме са својомъ

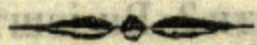
сакрушавашъ добротомъ! Неможешъ ли ме како дру-
гояче наказати?

Удов. Нека буде твоя воля, любими мой Леан-
дре! кадъ теби Дамонъ прашта, и я ти праштамъ. Та-
кови любими другъ мужа мога биће и мой пріятель.
Што е било било! о томъ нећемо више мислити. О
Дамонъ мой! какавъ ћешъ ти къ мени бити, кадъ си
такавъ къ пріятелю? Срећна самъ я жена!

Дам. Валя признати, любезни Леандре! да е ла-
сно о пріятельству говорити. Али не уведи Боже у
искушеніе!

Леан. Тако е, любими Дамонъ! я себе досадъ
нисамъ добро познавао. Могао самъ високо о друштву
говорити; али ти брате и неговорећи о томе тако и
толико, больи си одъ мене.

Удов. Дамонъ мой! чувай се, немой ти Леандра
више него мене радо имати, еръ би мени жао било!
знашъ ли?

ГЛАВА 23.

Лаузусъ и Лидія

Морална повѣсть изъ господина Мармонтеля.

Характеръ Мезенція Краля Түренскога довольно е познатъ. Зао владѣтель а добаръ отаць, жестока и мека срца едно за другимъ; онъ неимаѣаше ништа у себи тиранскога, ништа, што би насиліе предвозвѣщавало, докле би годъ нѣгове волѣ и склоненія никакове сметнѣ ни сопротивлѣнія не наодиле. Али тишина нѣгове гордельиве душе ништа друго не бѣше него одпочиванѣ Лава.

Мезенціе имаѣаше едного сина, именемъ Лаузу-са, коега храбрость и лепота, међу млади землѣ Аузоніе витезови оглашена бѣше. Лаузусъ слѣдовао е оцу своме у войни противъ краля Пренестскога. Отаць нѣговъ съ великомъ радостію видіо га е крвлю покривена не далеко одъ себе бити се и побѣђавати. Краля Пренестски изагнать изъ свои држава, и спасеніе свое у бѣгству иштуѣи, принуѣенъ е био оставити побѣдительнимъ непріятеля своего рукама едно сокровиште, многоцѣнне и драже него круну свою, едну принцезу кѣеръ единородну, у возрасту, кадъ срце нема ништа друго него дарове естества, и кадъ природа има све благодати беззлюбія и красоте. Све оно што уцвелѣне Граціе благородно и умилително имати могу, то се на образѣ Лидиномъ изображено

показиваше. У истой жалости нѣзиной, съ мужествомъ и съ достоинствомъ раствореной, могаше се ласно у множеству робиня кралѣвска кѣи разпознати. Она приими знаке високопочитанія одъ свои исти непріятеля безъ високоумія, но и безъ припознанства, као едно знаменіе подчинѣнія, високомъ нѣзиномъ принадлежеће роду, коега великодушно чувствованіе, чрезъ настоеће злополучіе, у души нѣзиной ние разслабљено било.

Она чує гди имену ю оца нѣна, и при овомъ имену воздвигне къ небу сузама наводнѣне прекрасне очи свое. Сва срца, при овомъ позоришту остаю умиљна. Мезенцъ онъ исти као ужаснутъ заборава гордость свою и возрастъ. Благополучіе, кое слабе ожесточава душе, умекшава срца висока, и ништа ние кротчіе ни слађе одъ правогъ витеза, почемъ онъ побѣду одржи.

Кадъ сурово старога Мазенціа срце ние могло сладкимъ пріятностима ове жалосне плѣнице незаражено остати, судити е съ каквомъ су силомъ оне двѣствовале надъ душою младога и добродѣтелнога Лаузуса! Онъ стениюћи уздане на своя завоеванія, и избличи себи побѣде свое, будући да ове садъ Лидию чине плакати. Нека се освети она на мени, рече онъ у себи, нека ме мрзи толико колико я ню любимъ! Я самъ то одвећъ заслужио, я самъ томе много помагао, да се садъ нѣзино лице сузама облива. Али друго воображеніе іоште теже дође представити се уму нѣговомъ. Онъ упаци Мезенціа ужаснута и умиљна, кои за часть жестокость свою на милосрдіе преобрати, и заключи, да само човечество неби могло тако скоро

измѣненіе у нѣму учинити; страхъ, да у оцу своѣмъ любовесоперника своѣго не нађе, са свимъ га смути.

У старомъ човеку любовь е свагда саединѣна съ ревнованѣмъ. Тиранъ примѣти здраво погледъ очію сина своѣго са вниманіемъ, пунимъ безпокойства. Онъ добро упазі, да се она пламенита радость на лицу младога витеза, први редъ побѣдоносца, напрасно угаси. Види га смућена, и привреба такове погледе, кои су се ласно разумети могли. У то тренуће ока помисли, да е издате; али природа отеческога срца за садъ надвлада и задржи ярость нѣгову. Еданъ мучитель у истой суровости својој усилие се да се праведанъ покаже, и Мезенциусъ пре него осуди сина своѣго, предузме себи, да га за повина нађе. . . Онъ се почне претварати съ толикомъ хитростію, да млади Принцъ обнадежденъ почне сматрати на любовь оца своѣго како наслѣдствіе къ младој робинѣи милосрдія. На ма затимъ учини се онъ као да оставя Лидіи совршену слободу; али су Тирански двори пуни шпиона, речи доносителя и клеветника, обично содружество силовити владѣтеля, кои, небудући достойни чистосердечне любви и почитанія поддани себи народа, све свое величество у томе полагају, да су имъ страовити и ужасни.

Синъ кралѣвъ дакле преваренъ притворностію оца своѣго, не убои се већъ, свое подворенъ Лидіи учинити, и совршено високопочитанія пуно, свое преданство нѣойзи показати. Даде іой познати у своимъ чувствованіяма едно тако нѣжно и любко о свемъ што се нѣ каса, попеченіе, да она почне жалити на себе, што е досадъ мислила, да мрзи на кровъ непріятели сво-

га. Лаузусъ открие іой сожаленіе свое, да е онъ по-
могао приузроковати злополучіе нѣзино. Онъ призове
богове за свидѣтелъ, да ће онъ садъ све учинити што
може, за исправити погрешку. Краль, родитель мой,
рече іой онъ, колико е пре побѣде жестокъ и неуми-
танъ, толико е за тимъ великодушанъ и къ милости
наклонѣнъ. Задоволянъ непріятелъ свое побѣдити, не
жели ій за тимъ удручавати и газити. Ласно ће садъ
бити кралю Пренестскому приклонити га къ єдномъ
поштенѣ, за єдну и за другу страну полезномъ, ми-
ру. Овай ће миръ о прекрасна Лудіе! учинити, да
ваше сузе престану; али, оће ли изгладити изъ ва-
шега воспоминанія озлоблѣніе они, кои су васъ пото-
ке суза чинили пролити? О да е Богъ дао, да самъ
я пре видео сву мою крвъ пролиvenu, него то ваше
лице сузама потоплѣно... Одговори Лудіе били су
пуни умѣрености и благородства, нити су што друго
Лаузусу овай путъ дали познати, разве єдну тиху бла-
годарность: обаче у внутрености срца свога она е
весма почувствовала нѣгово усрдно попеченіе за утѣ-
шити ю. Она се застиди и зарумени неколико, што
га е съ толикимъ благовољніемъ послушала; но же-
ля, да свому родителю у тако критическимъ обстоя-
тельствама може полезна бити, предпише нѣойзи, да не
изостави оваковъ благовременни подпоръ и помоћъ на
користъ оному, кои іой е животъ дао, употребити.
Међутимъ нѣиови разговори повседневни данъ по данъ
показиваху се одушевлѣніи, усрдніи и увѣрителніи.
Нѣиовомъ возрасту природна любовь почне себи крозь
нѣиово взаимно високопочитаніе и припознанство от-
варати путъ, као єданъ цвѣтъ, кадъ му разцвѣтанія

време дође, онъ само себе развија, и мало по мало укланя себи съ пута онай млади преплетъ, кои га у затвору држи.

Лаковърни Лаузусъ све то више прелестнимъ оца свога спокойствомъ прелашченъ, ласкаше себи, да ће онъ у мало времена и дужности својой къ родителю, и склонѣнію своје къ любимой својой задовољствовати; и по нѣговомъ мнѣнію ништа лакше не біяше, него ове две ствари сложити и согласити. Уговоръ мира, кои онъ умишляваше, состояше се само у два члена. Први: да отда краљу Пренетскому уграбљену круну и завоевано кралѣвство. Втори: да чрезъ свое са принцезомъ сочетаніе утврди за свагда међуусобни миръ и союзъ међу овимъ двема државама. Онъ дође спріобштити ово умишлѣніе својой любимой Лидіи. Благонадеждіе, кое онъ при овомъ предложенію покаже, узаймне користи, кое онъ нѣойзи изъ овога предвозвещаваше, восхищеніе радости, кою у нѣму сама мисао овога благополучнога соединѣнія возбуждаваше, уграбе тако силне ове любведостойне пльнице срце, да се она са сузама любви и умишлѣнія на нѣга садъ први редъ сладко осмене. Великодушни принцпе! рече му она: о даби Богъ дао, да би се Ваше желаніе и намѣреніе съ моимъ родителѣмъ испунити могло! Я неби жалила нимало, што би залогъ мира и цѣна припознанства мога къ Вамъ била. Овай умилителни одговоръ содруженъ е био съ еднимъ іоште умилителнимъ погледомъ. Мезенцію дође све ово у уши. Прво ярости нѣгове устремленіе би нѣга ласно дотле довело, да сина свога као найвећега Лезе Маестатисъ злодѣя смрти жертвуе, али овай синъ біа-

ше еданъ едини подпоръ круне нѣгове, и сами союзъ међу народомъ нѣговимъ и нѣимъ. Овога убіеніе сасвимъ би га поданимъ нѣговимъ мрзкимъ и неспоснимъ учинило, и онъ би чрезъ то онай исти столпъ обране свое оборіо, кои га іоште одъ всеобштега ненавидѣнія зашчићаваше и чуваше. Страхъ е господствующа свію мучителя страсть. Зато Мезенціе опетъ на себе навуче притворность. Призове къ себи сина свога, разговори се съ нѣимъ подъ видомъ доброты, и заповеди му, да се спреми сутра данъ на границе кралѣвства, гди е онъ армію свою оставіо бно, поћи. Млади принцъ усили веома душу свою, задржи у себи жалость и болѣзанъ свою, и пође не добивши времена ни остай съ Богомъ Лидіи рећи.

У исти данъ отшествія младога принца, стараць краль отаць нѣговъ пошлѣ учинити кралоу Пренетскому едно предложеніе овому веома полезнаго и поштенога мира; ако само соизволи, дати му кѣрь свою за жену. Овай сирома побѣђени монархъ, неимаюћи кудъ камо, прими ово предложеніе и за неволю. Посланикъ, кои му ово представлѣніе однесе, тай исти и нѣгово соизволѣніе натрагъ донесе. Лаузусъ имаѣаше у двору оца свога едногъ друга, кои [му] баше съ душомъ и срцемъ одъ дѣтињства прилѣплѣнъ. Совершенно подобіе виѣшнѣга вида, младога принца съ овимъ своимъ саврстникомъ, кому Фаноръ име баше, причине благополучіе овога у двору кралѣвскомъ. Но они себи іоштѣ више характеромъ нарава своій подобни бяху; еднака склонѣнія тако да Лаузусъ и Фаноръ чиняху се едномъ истомъ одушевѣни душомъ. Лаузусъ полазећи увѣри другу свою любовь свою,

жалость и очаяніе. Туга и неутѣшна жалость нападе на Фанора, кадѣ дође гласъ женидбе старца краля са Лидіомъ. Онъ за дужность призна свою, младоме принцу о томъ извѣстіе дати. Нїе могуће описати состояніе овога залюблѣнаго принца, кадѣ овай жалостни прими гласъ. Смути се духъ у нѣму, и разумъ нѣговъ потамни. У заблуженію люте жалости свое напише Лидіи едно найжалостнїе и найнеразумителнїе писмо, каково є икада любовь измислити могла. Фанору своме наложи, да ово Лидіи изручи. Ова се стваръ главе нѣгове дотицаше, ако би се то сазнало. Али вѣрни Фаноръ ни за животъ свой толико немарећи, колико за интересъ друга свога, писмо изручи: стваръ се прочує. Мезенціусъ чисто побесни одъ ярости; заповеди у тешке оковати га окове, и у найужаснію подземну затворити тамницу.

Међу тимъ велика се приуготовлѣнія за торжествованіе овога яднаго чиняху брака. Рваня, надскакиваня, на мейдану людій съ дивіи зверови сраженія, и проча у игри крвопролитія, коя є найсуровіе варварство за свое увеселеніе измислило, све се то на украшеніе онога спремаше. Обичай бѣше, да се само на смръть осуђени са лавови бору, и да одъ нѣи прождерани буду. Садѣ се ни єданъ одъ такови не наођаше; зашто жестокій Мезенціусъ при найманѣмъ свомъ подозренію, како би кога одсудію, таки би га и убити дао. У свимъ дакле на смръть осуђенихъ тамницама нико се кромѣ Фанора не наођаше. Нека се онъ лавовомъ преда, рече разярени Мезенць: невѣрникъ! онъ є много жесточію заслужио смръть. Али нека при овомъ моемъ торжеству послужи за достойну мое у-

вређене любви освету. Лаузусъ за луду почека одъ
свога друга одговоръ. По довольной нестриѣливости
страхъ нападне на нѣга. Да се нѣ то како сазнало?
рече онъ са ужасомъ у себи. Да нисамъ я друга мо-
га любимога, Фанора моего! неразуміємъ моимъ по-
гибели предао? Лидія! иста Лидія!... Ахъ гроза на-
пада на мене! не! немогу ни пошто више у овомъ
смертоносномъ живити неизвѣстію! рече, пакъ се пре-
обуче и преобрази колико болъ може, поити са устре-
млѣніємъ, дође као муня да га нико не осети; при-
влачи се крадомъ, гди се годъ прикучити сме и може;
савъ в уво, и прислушава гди се годъ што говори и
шапће; али ласно чуе на велику жалость свою оно,
о чему и найпоследній у граду говораше: сирѣчь,
да ће се сутра данъ отаць са Лидіомъ венчати, да
в Фаноръ у гвожђу у подземной тамници и да ће га
сутра при всенародномъ позоришту гола нага едномъ
страовитомъ Лаву на самосраженіе и на подраженіе
предложити. Громове стреле да су му покрай ушью
пролетиле, неби га веѣма ужаснуле. Ладна смръть по-
чне му крозъ жиле теѣи: едва се уклони негде на
само, онесвестне и обумре; у неко време дође къ се-
би; люта огнюштина крайнѣга очаянія замеша и рас-
пали сву крвь нѣгову: онъ осети у себи некакву си-
лу веѣу него човеческу. Представе му се уму мисли
страовите; али искра разума и непобѣдима света есте-
ства сила, проговори у нѣму: што мислишъ бѣдни
Лаузе! гди в память и добродѣтель твоя! Надне на
колена и вопіе на небо: о вѣчни Боже, задржи руку
мою! я морамъ спасти друга моего. На што ми жи-
вотъ, кадъ самъ овако злополучанъ. Али ѣу баремъ

умрети славно, умирући добродѣтелянъ! То изговори и полети; нађе служителя, кои осуђенима хлебъ и воду уносаше. Отвори очи, рече му, и познай ме! я самъ Лаусъ синъ кралѣвъ и наслѣдникъ престола нѣгова. Я иштемъ одъ тебе велику службу: Фаноръ е у гвожђу, я оћу да га видимъ! *шо оћу!* я немамъ развѣ еданъ начинъ до нѣга доћи. Промени ти самномъ твое аљине пакъ онда бѣжи. Ево теби знаци мое благодарности: избави себе за неко време одъ ярости оца мога. Ако ти мене издашъ, ти си пронао: ако ли ме послужишъ у овомъ моемъ предпріятію, ово што ти садъ даемъ, то е найманъ; гди годъ будешъ, био ти у којој му драго пустини, я ћу те наћи съ моимъ благодарніемъ. Овај човекъ страшливъ и лакомъ, покори се устрашеніама и обѣщаніама, помогне преображенію Принца, каже му, у коѣ доба и како се у тамницу улази. Побегне и нестане га. Ноћъ се приближи, часъ и време дође. Лаузусъ представи се предъ двери тамничне; каже себе онога именемъ; отворе се двери съ шумѣћимъ звукомъ. При слабомъ сіянію едне свеће прође онъ у подземна обиталишта ужаса: ридателно стенаніе дође му до слуха: позна гласъ друга свога! видѣ га гди лежи у едномъ углу тамнице, обучена у смраднѣ крпѣтине и измощена съ слабостію: бледость смрти покриваше му лице, и оганъ очаяніа блисташе му у очима. Дай ми мира! рече му Фаронъ: (мислећи да е служитель, што му ести носи) носи назадъ ту мрзску помоћ, и остави ме умрети. О уви! уви! речему ечући: мой любими Лаузусъ іошъ е несрећни одъ мене! О да онъ зна, у каквомъ е станю вѣрни другъ нѣговъ! Зна

онъ то садъ и види! вопіе Лаузусъ: падши на прси нѣгове. Бсть! предрагій Фаноръ! садъ видимъ, како страдашъ, и участникъ самъ тога. Шта е то? рече Фаноръ са ужасомъ, ахъ Лаузусъ! ахъ принцпе мой! При овимъ речма задави имъ се гласъ одъ плача, загрлѣни и стиснути уста къ устма и срце къ срцу, мишляху да еданъ у другога издане. Позадуго постое недвижими и безгласни. Лаузусъ обаче опоменувши се, како е и чега ради дошао, и повративши се у себе: негубимо време, рече къ свомъ другу; обуци ово мое одѣяніе, бѣжи изъ овога проклетога места, а мене остави овде. Я да бежимъ? тебе овде да оставимъ? ахъ Лаузе! како ти то можешъ помислити и мени рећи? Я тебе познаемъ, рече му принцъ, али и ти мене познаешъ. Твой е судъ изреченъ; ти си на смртъ одсуђенъ, ако не побегнешъ! — Како! я да бѣжимъ, а тебе погибели да оставимъ? одговори други. Послушай ме! рече му Лаузусъ; мой е отацъ напрасанъ и жестокъ, али е онъ и чувствителанъ. Бстество содржава іоште нека права надъ срцемъ нѣговимъ. Ако я тебе одъ смрти избавимъ, не остае ми него за самога себе на милость склонити га, и нѣгова мишца подигнута на еднога сина, ласно ће се разоружити. Удариће! викне Фаноръ, пакъ љу я бити причина смрти твоє! не! ништо! нећу бежати, нећу те овде оставити. Е добро! нећешъ да ме послушашъ? чини што ти драго! али ово добро знай, да умирући видићешъ ме съ твоима очима умрети! Нећу више потребовати проштєня оца моего; никаква сила земна неће ме кадра бити одъ смрти отети; немој мислити, да љу я себи простити. Ова моя десница написала е оно погибелно писмо, за кое ти

у окови лежишъ, и сутра умирешъ! Ова ће, уздамъ се у Бога! толико поштена и кадра бити, мене за смртъ друга моего праведно казнити! и (илъ ми се оће илъ неће) душу ће мою съ твоіомъ соединити! Залуду Фаноръ моли и заклинѣ. Ни речи више о томъ: рече Принцъ. Нема тога на свету, што би мене одъ срамоте избавити могло, да самъ твоіой смрти причина, разве поштена смртъ. То исто твое прошеніе я примамъ за мою срамоту, и чрезъ то велику ми обиду чинишъ! Юштъ едну речъ! ако се ти избавишъ, я ти стоимъ добаръ за мой животъ. Ако ли башъ оћешъ да погинешъ, я ти се заклинѣмъ Богомъ и поштенѣмъ, да нећу живити! Избери што оћешъ, време нѣе за чеканѣ!

Фаноръ знаѣаше добро, да е Лаузусъ човекъ одъ речи, и да се ласно не да поколебати. Соизволявамъ, рече, да шта знамъ чинити? Искуси то единое, што намъ остае, средство спасенія нашего, али живи, ако оћешъ да живимъ; иначе твоя смртъ биће и моя! О! то я добро знамъ! одговори Принцъ: и твой другъ тебе весма поштуе, нити ће те одъ тога отвращати. При овимъ речма загрле се и полюбѣ. Фаноръ изиђе у истимъ альинама, у којима е Лаузусъ ту ушао.

Каква ноћъ! каква е ова страовита ноћъ бѣдной Лидіи била! Нѣе могуће описати движенія, коя нѣзину жалостну возмущаваху душу и срце нѣно на две разтрзаваху части! Любовь, мрзость и добродѣтель, све три ове страсти бяху се садъ сложили, да е муче и уморе. Лаузуса любляше до обоженія: на старога Мезенція мрзаше горе него на смртъ. Добродѣтель при-
нуждаваше ю да себе за ползу родителя своего пожре,

да се преда ономъ, кога ненавиди, и да се одтргне за вѣкъ одъ онога, кои у срцу нѣномъ царствоваше. Гроза смрти нападаше на ню при самой мисли, да ће ю сутра као овцу на закланіе къ олтару одвући. Люти безчовечни Мезенціе! сурова варварска душо! говораше она горко плачући: доста ли є теби, да насиліємъ и страхомъ царствуешъ надъ срцемъ моимъ? Какво ће задовољство твоє бити, да обручница твоя предъ тобомъ дркѣ као еданъ бѣдный робъ подъ бичемъ люта и свирѣпа господара? Така є любовь свою неваляли и обещенія людій.

Али шта зна творити? принуждена є съ нѣимъ соединитисе, и за нѣга самога живити! Ако найманъ сопротивлѣніе къ томе покаже, упропастиће и любовника и родителя свога. Бдно одреченіе открило би тайну срца нѣна; и како би стари Тиранъ познао, да она већ Лаузуса люби, овай би пропао.

У овомъ жестокомъ мученію Лидіа зору ожидаваше. Ево гди сване овай ужасни данъ. Изгубљна и грозећисе даде себе облачити и украшавати, не као благополучна невѣста, коя иде представитисе божественнимъ олтаремъ брака и любви, него као една неповинна жертва, кою сурово варварско суевѣріе свакоякимъ увѣнчаваше цвѣтемъ, кадъ є на закланіе своимъ крвожеднећимъ боговомъ вођаше.

Поведу є на мѣсто позоришта; многочислени народъ ту собранъ бѣше; игре се почну. Я нећу се овде бавити са описаніемъ различни игра, страовити предмѣтъ ожидава ме.

Бданъ страшанъ лавъ пустисе у средъ заграѣнога позоришта, съ почетка миранъ но гордельивъ,

протрчава место пескомъ насуто, окреће свой ужасни погледъ на множество они, кои горе на Амфитеатру стаяху, са закрвавльнимъ своимъ очима уплаши све околостоеће; звукъ трубе возбуди га и разяри, онъ одговори са своимъ громогласнимъ риканьмъ. Ньгова густа грива наежисе око главе чудовишта, шибя себе по ребри съ репомъ, црвенъ пламенъ и варнице почну му изъ очію скакати. Савъ народъ ужаснутъ плъскаюћи покаже, да би већъ радъ видети онога жалостнога, кои є суровству и ярости тога чудовишта одређенъ; страхъ, трепетъ и сожалѣніє на сваку живу нападне душу.

Представисе противоборацъ одъ оружієносаца Мезенцієви доведенъ, коега ови за Фанора држаху. Лидія иста не може га разпознати. Гроза нападне на ню, и она одврати очи свое одъ тако суровога позоришта, кое нъзино чувствително и сожалително пробіяше срце. Да како би іой іоште било, кадъ би она знала, да є тай бѣдни, на ово одређени Фаноръ, мили нъзинога любителя другъ! и кадъ би іоште знала, да нъзинъ исти предраги Лаузусъ, отевши мѣсто друга свога, иде сада лаву на сраженіє.

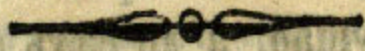
Полунагъ съ разасути власи корача Лаузусъ неустрашимо и съ постоянствомъ, у едной руци носи андаръ сраженія, а у другой щчитъ обране, само оружіє, кое се даваше у овакой прилици. Мезенць предваренъ у мисли, не види ту него одсуђенога Фанора. Крвь є у нѣму глува, природа заслеплѣна: нити онъ осећа, да сина свога на смръть предає, нити се утроба подвиже нѣгова. Учинѣномъ себи обидомъ раздраженъ, и лютомъ жеђу освете распалѣнъ, свако

друго чувствованіе у нѣму удавльнѣно бѣше, кромѣ сурове варварске радости, гледаючи како се све то веѣма лоти разяраваше звер. Лаузусъ съ наглѣмъ нестрпѣливостію, раздражава и къ сраженію Лава подстрекава. Корача къ лаву, овай устремисе, полети и скочи на нѣга. Лаузусъ се хитро уклони. Триредъ возбешени зверъ са запалѣнима огнѣвитимъ челюстима залети се на нѣга. И сва три путъ Лаузусъ искуствомъ своимъ преухитри га, и избѣгне му изъ зуби и ноктію. Фаноръ разумевши негде сакривенъ, шта се чини, неможе се зауставити: напрасно полети, пробѣя предъ собомъ множество народа, и савъ Амфитеатеръ раззвони нѣговимъ кликомъ: Устани Мезенціе! спаси сина твога! онъ е оно! Лаузусъ се онде съ лавомъ бѣе! Мезенцъ погледа види, види Фанора. О Боже мой! закричи: шта е то? О народе мой, помозите ми за Бога! избавите сина мога єдинога! Сви у нутра! отмите одъ смрти Лаузуса! Лидія при овомъ гласу врисне, падне и обамре, крвѣ іой се смрзне и очи потамне. Мезенцію садъ ништа нѣе на уму, него да лавъ оѣе да му сина прождере, єданъ єдини подпоръ и обра-на старости нѣгове. Савъ народъ любляше младога принца као душу свою, свакъ би за нѣга животъ свой дао: хиляда вооружани десница полети нѣму у помоѣ. Али би сви касно дошли, понеже лавъ са свимъ побешнѣнъ учини на нѣга таковъ скокъ, да га до конца сатре и разтргне: но о Божіе помоѣи и милости! храбри Лаузоъ тако га дочека съ анцаремъ, да га усредъ срца погоди и прободе. Рикне лавъ, тресне о землю, и на своя запенѣна уста изблюе съ црномъ крвлю яростъ и диханіе свое. . . Всеобштіи страхъ

и трепетъ премени се на удивлѣніе и превелику радость. Савъ се амфитеатеръ затресе одъ прерадостногъ плѣсканя и восклицанія. Да живи Лаузусъ! да живи принцъ нашъ! да живи дика и слава Аузоніе, непобѣдими побѣдитель! Ова восклицанія пробуде Лидію: подигну є: она отвори очи свое, и упазі Лаузу-са на колени предъ ногама оца свога. Онъ држаше у єдној руци кровави андаръ, а у другой свога прє-драгога и вѣрнога Фанора. Я самъ свему кривъ! кривца Фанорова моя є! Я морамъ наказанъ бити! Да онъ мене нїе послушао, я до садъ неби у животу био. Што іоште дишемъ нѣму самъ дужанъ благодарити. И ако оѣнешъ да имашъ сина жива, то одъ Фанора зависи. Ако ли твоя osveta іоште нїе задоволѣна, ево насъ! Нашъ є животъ у твоіой руци! Наша су се ср-ца заклела, да заєдно или живе или умру.

Лидія съ плачућима и умилнима очима гледаше на Мезенцію, єръ га другояче несмєяше молити. Савъ народъ као уступлѣнію ума съ нетрепћућимъ очима гледаше; све имъ страсти на лицу начертане бяху, и са отворенимъ срцемъ, ушима, и устма недишу-ћи изреченіе ожидаваху. Мезенціусъ, жестокій Мезен-ціусъ бѣше као изванъ себе. Немъ и недвижимъ, окрє-таше очи свое съ Лаузуса на Лидію, на Фанора и на прочи народъ. Али наипосле срце и натура у нѣму проговори. Жестокость падне и ярость исчезне. Лю-бовъ и милошћа родительска дође на нѣово место. Савъ умекшанъ и умилѣнъ скочи у наруче сина сво-га; праштамти чадо мое! вопіє обливаюћи му лице са сузама!, праштамъ и другу твоему! Живите и любите се: но іоште ти съ єднимъ жертвовати морамъ, єръ

те твоя добродѣтель свега достойна показуе. Уьми,
прими одъ мене ову руку! рече му съ новимъ уси-
ловеніемъ: даюћи му Лидіину руку: на! уьми за сваг-
да ову руку, коя ти е дража него животъ! Твоя хра-
брость и добродѣтель отимаю е одъ мене. Саме оне
моглесу ти ю придобити.

ГЛАВА 24.

Повѣсть морална изъ Г. Мармонтелла.

Аделаайда, алпійска Пасширка.

У горама Сакойскима не далеко одъ друма изъ Бріансона къ Модени наоди се една усамлѣна долина, кое видъ полагае путнике у некакво чудновито замишлѣнѣ и у єдну сладку меланхолію. Три холма на подобіе Амфітеатра, по коима се виде понадалеко неке пастирске колибе, потоци падаюћи съ планина, шумарице на све стране као насађене, наше свагда зелене украшаваю ово планинско место.

Госпођа Маркеза одъ Фонрозе возвраћаваше се изъ Франціе у Італію са своимъ супругомъ. Осовина нѣиови кола сломіе се ту, данъ се бѣше къ ноћи приклонио, зато буду они принуђени поискати кое прибѣжиште за провести ноћъ. Напредуюћи они къ єдној колиби, кою найближу къ себи упазе, угледаю стадо оваца къ томъ истомъ упућено месту, за коимъ стадомъ виде некакву пастирку, кое сами ходъ нѣи у удивлѣніе приведе. Поите они, приближе се и чую као неки небесни гласъ певаня, коега ударенія плачевна и умилителна чиняху, да сва та долина тужаше. Ово су речи песне:

Како сунце лепо сія на западу заодећи,

Кадъ намъ данакъ прође и дође намъ вече!

Тако ће се душа моя обновити изходећи,
Кадъ ми тужни дневи прођу и животъ протече.
Алѣ в мени путъ дугачакъ и време далеко!
Кадъ љу я у вѣчностъ доћи, и рећи утеко!

Изпевавши ове речи Пастирка съ главомъ приклонѣномъ удаляваше се; али иста немарность и пренебреженіе нѣзинога движенія даваше нѣзиномъ струку и ступаню неизказано више благородства и великолѣпія. Зачуђени видомъ, іоштъ више оваковимъ певанѣмъ, господинъ и госпођа одъ Фонрозе понагле ступаюћи, за пристигнути ову пастирку, којой се они недоумѣваху. Стигну е; но како се удиве! кадъ подъ најпростіимъ селянскимъ главе покриваломъ и алынама све граціе и лепоте соединѣне виде. Дете мое! рече іой госпођа одъ Фонрозе: (башъ кадъ се она са своимъ овчицама хоћаше овимъ непознанимъ съ пута да уклони) не бойсе ти насъ, и немой се насъ укланяти, ми смо путници, кое еданъ противни принуђава случай, прибѣжиште у овимъ колибама искати, само за ову преноћити ноћъ, би ли ти хотела насъ къ којой годъ упутити? Сожалуемъ о вами госпођо! одговори пастирка, спустивши очи и заруменивши се: овде су обиталишта само прости пастира; и ви ћете у њима слабо водворени бити! Та не живишъ ли и ти ту? рече іой Маркеза; пакъ зашто би мени една ноћъ била мучна ту, гди ти свагда пребивашъ? Я самъ на то рођена, одговори пастирка, съ едномъ благодатномъ понизностію. Не тако ми Бога и мое душе! одговори Маркезъ одъ Фонрозе, кои немогаше више движеніе срца свога задржати; ти ниси рођена да стра-

дашъ, и счастіе е у томъ худо и неправедно! Ёли могуће о достойноудивляема дѣвице, да такове граціе у овой пустинѣи и подъ таковимъ алынама сакривене и закопане остаю? Счастіе, господине! одговори Аделаида (ово е име пастирке), счастіе само е тада жестоко и неправедно, кадъ намъ узме натрагъ оно, што намъ е дало. Моё состояніе има своя услажденія за оне, кои за ништа друго незнаду. А други завичай дае другима такове потребе, кое су пастиромъ сасвимъ непознате. То може бити, рече Маркезъ: али ви чудесна девойко! ви, коя насъ у восхищеніе приводите, ви нисте рођена то, што сте садъ. Вашъ видъ, ходъ, тай исти вашъ разговоръ, све то васъ изневѣрава и издае. Само то неколико речи, што си изрекла, показуе едну душу благовоспитану и срце благородно.

Изкажите намъ, просимо васъ, какво злополучіе могло е васъ у такову необичну низкостъ свести и низвргнути. За мужескога пола човека у несрећи, одговори Аделаида: има хиляду средства да се злополучія избави; али едной жени, како и сами знате, една едина поштена помоћъ остае; а то е служба; у избранію господара свои, мислимъ да е найпаметніе избрати добре и мирне люде. Ви ћете садъ видити мое господаре, срце ће се ваше обрадовати о беззлобию нѣиовогъ живота, о нелестности, простоти и честности нѣиови нарава.

Јоште при овомъ говореню стигну до колибе. Ова баше разделѣна съ едномъ преградомъ одъ шталога, у којой пастирка своё овце пусти, броећи ѣй съ псечителнимъ вниманіемъ; неупражняваюћи се више са странномъ господомъ, кои ню съ неизказаномъ ми-

лошћу сматраху. Бданъ старчићъ са својомъ бакомъ, точно такви, као што намъ живописци изображую, старца Філемона са својомъ Бауцисомъ, изиђу на сретеніе новопришедшимъ гостима, поздраве ій съ добродетелима дошли, и приме ій са таковомъ простосердечностію сеоскомъ, која намъ доводи на паметъ онаї златни вѣкъ непорочни люди; ми немамо вамъ ништа друго дати, него чисте за постелю сламе, сладки ско-рупа, млека, сира данасъ начинѣна, лепа воћа и ле-ба одъ ражи. Овога можете имати колико е намъ Богъ дао, и ваше срце зактева, докъ вамъ годъ буде потреба и воля овде забавити се; ми ћемо васъ радо гледати. Путници одговоре на ово чистосердечно воспријатіе, съ прстойнимъ благодареніемъ, улѣзу у ту сеоску кућицу, и увиде съ великимъ услажденіями такову чистоћу и поредакъ, којима се никадъ неби у томъ месту надали. Трапеза бјаше одъ едне саме широке ораове даске, лепо углађене и чисте. Могаше се ко огледати у чистоїи земляни сосуда за млеко опредѣлени; све ту представляше образъ едне веселе умѣрености, и поглавити вѣщества потреба любко задовољство. Наша предрага кћи, рече старица, управля свомъ нашомъ кућицомъ. Свако јутро за рана пре него се стадо далеко отисне у полъ, и докъ јоште около куће траву росомъ покривену пасе, она све опере, почисти, раздели и намести съ толикимъ искуствомъ, да насъ обаява. Шта? рече Маркеза, заръ е ова пастирка ваша кћи? Ахъ мила госпођо! отвешта старица, да е Богъ дао, да ми е кћи! мое е срце тако нариче; я нју неби могла већма любити, да самъ јої рођена мати, ако и нисамъ имала ту срећу, да самъ

ю у мои носила нѣдри, и моимъ одранила млекоу. А да ко е она? одъ кудъ е овде дошла и какво е нѣ злосчастіе у настирско довело станъ? — Све е то нами непознато. Ево садъ четири године, одъ кадъ е она у тако сеоскомъ одѣянїю, као што е видите, къ нама дошла, и запреси насъ, да е примимо, да намъ овце пасе. О како смо ми нѣ радо примили! — Први нѣзинъ погледъ и сладка беседа придобіе и преоблада срца наша. Ми смо на маа зачели сумнѣніе, да нѣе могуће, да е она селянка; али кадъ би е годъ о томъ што запитали, то нѣ невеселомъ чиняше, и ми престанемо сасвимъ о томъ їой сиоминяти и досађивати. Наше почитаніе и любовъ къ нѣой толико е већма возрастло, колико смо ми съ временомъ више прилике имали, нѣзину прекрасну познавати душу. Залуду смо се ми усиљавали, да се предъ нѣомъ понизуемо, она насъ е у понизности и у добротѣ къ нама свагда превазишла. Никада рођена и благоразумна кћи нѣе се своимъ родителѣмъ благоугоднїя и сладкосрдечнїя показала, него она нами. Ми їой їоштъ никадъ ништа нисмо заповедили, зашто она све то учини, пре него би ко о томъ помислю. Више него да погађа мисли наше, и пре него ми што зактемо, то е већъ учинѣно. Анђелъ небесни чини намъ се, кои е дошао, да насъ утѣши у старости нашої. А што чини садъ она у наслоу? запита госпођа Фонрозе. Музе овце и козе; млеко исто нѣзинимъ помужено рукама, и сиръ начинѣлъ, слађи е и прїятнїи. Я кадъ годъ одемъ у еданъ недалеки градиъ продавати га, пре га него свакъ други продамъ. Свакомъ се мое млеко, масло и сиръ, найбільи и найизбранїи чине; не могу доста

моимъ муштеріяма надоносити. Чуваюћи овце плете некакве прекрасне котаричице, коима се свакъ диви и радо їй купуе. Рекао би, као да што годъ подъ нѣзине прсти дође, многоцѣнно постане. Ви видите овде госпођо, у нашої кућици, напредуе старица говорећи, свако сеоско задовольство, лепъ поредакъ и чистоћа, све е то нѣзино творенѣ; одъ кадъ е она къ нами дошла, одъ тада смо ми савршено срећни. А ели она срећна и задовольна? запита господинъ Фонрозе. Она се усилява да насъ у томе увѣри, одговори старацъ домаћинъ; али самъ я често чинію примѣтити моіой старой, да она долазећи съ паше, има свое лепе очи црвене и одъ плача надуване, а како насъ упазі, осмене се на насъ и усиљуе се, да се весела покаже; но све то залуду; ми добро знамо, да она има неку тугу на срцу, коя ню гризе и мучи; и ево люте наше жалости, што е несмемо ни питати; ако е неби могли утѣшити, а ми би баремъ съ нѣомъ плакали. Ако ће неznamъ како киша бити и вѣтаръ, рече старица: она овце тера на пашу, я самъ е много реди молила и заклиняла, да мене пусти на свое место. Како би я то могла поднести, одговори ми она: да ти стара и слаба то творишъ, шта е за мене младу и крепку? Остави ме стара майко! вели ми съ милошћу, да се я трудимъ, трудъ е за младе люде а не за старе. Съ єдномъ речію, колико е лепа, толико е добра и блага; я и мой старацъ све о нѣойзи мислимо и говоримо често са сузама. А шта би чинили, да вамъ ю ко узме? запита госпођа. Ми би изгубили, одговори домаћинъ: оно што намъ е найдраже на свету. Али кадъ би она само срећнія била, ми

би се свагда съ овимъ сладкимъ утѣшеніемъ радовали, и пошли би съ овога света задовольни. О да іой Богъ да достойно пьной доброты благополучіе! рече старица сузе проливаюћи; моя е надежда била, да ће ми она са своимъ предрагимъ ручицама очи склонити. Али би я волила, да е за живота срећнію видимъ. Чую да она иде, и престану одъ овогъ разговора.

Ова ульзе, носећи у одной руци чабаръ съ млекоу, а у другой одну котарицу съ воћемъ. Кадъ ій поздрави съ благодатнимъ начиномъ, почне радити о своемъ послу, колико да за ню нико и не мишляше. Ви се одвећъ трудите дете мое! рече іой госпођа Фенрозе. Настоимъ, госпођо моя! отвешча она, да исполнимъ желю мой господаря, зашто знамъ, да су они ради васъ коливо болъ могу, дочекати. Ви ћете просто и сеоски угошћени бити, приложи она: покриваюћи трапезу съ однимъ трпезникомъ подебелимъ, али белимъ као снегъ. Нашъ хлебъ нечини се найлешій, али е весма вкусу пріятанъ. Яйца су намъ млада, ючераня и данашня. Млеко е сами скорупъ, воће е зрело, и лено га е садашня донела есенъ. Усердіе, вниманіе, граціе благородне и благопристойности, съ коима ова чудесна пастирка свое послуге чиняше, и дужности гостолубія исполняваше; почитаніе, кое она показываше домаћиномъ господаромъ своимъ, или кадъ къ нѣма што проговараше, или кадъ изъ нѣова погледа оно, што би они ради били, погађаше, све то у неописано удивленіе странного господина и госпођу доведе. По вечери намести имъ Аделаида пристойну на чистой мирисной слами белу постелю; кои, кадъ легну, реку међу собою; ово е наше данашнѣ при-

ключеніє сасвимъ чрезвычайно и чудезно! Валя нами ову тайну изслѣдити и изяснити, ми морамо ово дете са собомъ узети и о нѣзиномъ благополучію старати се!

Како сване, служительи ове господа већ су кола били оправили, и дођу явити, да се већ може путовати. Пре него пођу, госпођа Фанрозе призовне къ себи пастирку, и у присутствію старца и старице рече їой: Дражайша кћери моя! я и незнаюћи вашъ родъ и племе, нити тайна приключенія, коя су васъ у ово состояніє довела, само одъ тога, што у вами видимъ, и што самъ о вами чула, презълно самъ васъ возлюбила. Видимъ да е ваша мужественна душа и добродѣтель еве злосчастіє пренадвисила и побѣдила, и да сте се ви совершенно съ вашимъ настоѣщимъ станѣмъ сложили и согласили. Величество душе ваше и красота срца вашего облагорођава и украшава исту низкость пастирскога состоянія: но и тако, ово ніе васъ достойно, нити вами пристойно. Я желимъ и могу, о достолюбима непознана! Ваше счастіє поболшати: намѣреніє мужа моего согласно е савршено съ моимъ. Ми смо у Турину у знаменитомъ состоянію. Я ништа друго нетребуемъ на свету, него такову другарицу, и я би изъ овога места изнела и у вами придобила непрецѣнно сокровиште, кадъ би ви хотели самномъ сдружити се и поћи. Удалите одъ овога предложенія, кое я вами чинимъ, сваку мисао службе и подчиненія, ви нисте за то рођени: али да се я башъ у моемъ предварителномъ о вами мнѣнію и варамъ, ништа манѣ, волимъ васъ више вашего достоинства узвисити, него оставити ниже. Опетъ вамъ повторявамъ! любезну пріятельицу я у вами имати желимъ!

а што се до счастія ови добри людій, ваши домаћина тиче, немојте се о томе ни мало старати! Я ћу нѣма доволно награђеніе за то, што самъ іѣ васъ лишила, учинити, и положићу іѣ у состояніе, да проведе спокойно и задоволно оставше живота време. И све благодѣяніе, кое самъ я нѣма учинити наумила, то ће они одъ васъ имати. Добри старацъ чуюћи то полюби госпођи Фонрозе десницу, и почне молити и заклинати Аделаиду, да се не одрече ово великодушно и милостиво предложеніе примити; представляюћи нѣойзи, да како онъ тако и нѣгова старица већ су на устію гроба, а после нѣнове смрти шта ће она чинити сама у овой пустинѣ? Сама при воспоминанію, да остави ову пустиню, потеку пастирки два потока суза. Она загрли госпођу Фонрозе, и обліе нѣне милостиве прси са сузама. Зачали съ таковимъ чувствительствомъ, кое се изрећи не може. Не могу! рече она: не могу ваше милостиво благодѣяніе примити. Небо е мени опредѣлило овде едно мѣстанце, одъ коега се срце мое откинути не може! Али ваша доброта остаће тако дубоко у срцу моему углубљена, да е неће, развѣ смръть изгладити. Сладка имена ваша и прѣдрага лица биће ми свагда предъ очима. Само едну милость имамъ одъ васъ просити; да ово приключеніе вѣчномъ предате молчанію, и да о мени ни коме ни речи неспоменете! Господинъ и госпођа Фонрозе умилѣни и оскорблѣни, грле е, любе, моле и са сузама заклиню. Ако оћете, да ме мртву предъ ногама вашима видите, то можете одъ мене зактевати. Загрозе се они кадъ то чую: и тако по многомъ грлѣнію и люблѣнію едва се одтргну и растану.

Ласно ће чувствителна осаћати срца, да су ова честопоменута милосрдна господа позадуго мучећи и тарући сузе путовали. А кадъ се већ довольнимъ облакшаю плачемъ, сву Аделаиду у срцу своме носећи, све су о нѣой и мислили и говорили; како она оди! како погледа! и како говори! У овимъ мислима и разговори, подугачки до Турина путъ нису ни осетили како су прешли. А ту у сеои дворови, по крайнѣой мѣри међу собомъ никадъ во вѣки нѣ имъ могуће било, да е свагда не споминю и да о нѣой не говоре. Млади господинъ Фонрозе свагда у присутствію ови разговора, не остави ни найманъ обстоятелство, да добро не примѣти и не упамти. У едномъ возрасту, кадъ е воображеніе найживодѣйствителнѣе, и срце найсклонитѣе къ любкомъ умилѣнію: но онъ бѣше одъ они характера, коихъ чувствителство не показуе се ни мало с' поля; и толико силнѣе у нѣима дѣйствуе, колико е већма дубоко затворено и стиснуто, како у подземнимъ глупинама затворени вѣтрови, кадъ немаю куда оданути, чине црну землю да се тресе и распада. Све, што млади Фонрозе чуе да се говори о красоти, о добродѣтели, а наипаче о жалости и злополучію Савойске пастирке, возжеже у срцу нѣговомъ найжесточіи пламенъ желанія, да е само види. Онъ ню себи изобрази тако живо у уму, да му она никада ни у славаню изъ предъ очію неодлазаше. И онъ ништа друго већ ни предъ собомъ ни около себе не виѣаше него ню. Али колико га више ова пламенита разпалываше желя, толико се већма онъ усилиываше, одъ свега света да е затаи и сакріе. Омрзну му и помраче му се предъ очима савъ Туринъ

и (до садъ тако мили) родительски двори. Она доли-
на, коя у себи сакрива найвеће украшеніе света, при-
влачи къ себи сву нѣгову душу. Онде! само онде!
остае едно єдино нѣгово благополучіе, коєму се онъ
іюште на овомъ свету надати може. Но ако се нѣго-
ва желя сазна и намѣреніе откриє, онъ предвиди смет-
нѣ превелике. Неби му се никадъ до века допустило,
да онъ тамо иде. Сматрало би се на то као на бу-
далаштину лакоумне младости, коя може погибелна
слѣдствія за собомъ имати. Пастирка иста ако найма-
нѣ што осети и дође у подозреніе, да когодъ о нѣой-
зи мисли, да іой навѣтъ умишлява и мреже зашиѣ и
простире, уплашиће се, побегнуће и исчезнути, нити
ће є већ видити до страшнога суда. Почемъ се три
цѣла месеца съ оваковимъ размишлѣніяма напече и
намучи, науми и одсуди све ради нѣ оставити тамо, у
пастирскомъ одѣянію поћи, тражити ю у пустинѣи, и
или ту скапати, или ню одатле извести.

Нестане га у єданпутъ: нитъ се гди види ни
чує: родители се смуте; чекаю одъ данасъ до сутра,
свудъ распитую и траже; са свакимъ часомъ страхъ
милостиви родителя расти, нигде ни гласа ни трага;
напуни се цѣли домъ плача и риданя; или се є гди
удавію, или га є кои злотворъ убію. Жалостни роди-
тели обуку се у црно, и неутѣшно плакаху за сво-
имъ єдинимъ синомъ, за последньомъ надеждомъ фа-
миліе свое. У кое се време све то у Турину чиняше,
млади Фонрозе, съ острижени власи, и са свимъ у
пастира преображенъ, дође у давно пожелаету доли-
ну, кою є здраво запамтію біо. Прикаже се ту пла-

нинскимъ жителѣмъ, нѣгово славолюбіе нађе се на врѣу благополучія, кадъ га еданъ за овчара прими.

Прве днѣве пушта овце свое да иду по случаю кудъ имъ драго, само докъ привреба, на кою страну пастирка свое управляше стадо. Валя ми опазно поступати, рече у себи, съ ономъ прекрасномъ пастиркомъ, да се одъ мене не уплаши. Будући она тако несрећна, имаће кадъ годъ потребу утѣшенія; ако ли е пакъ само изъ омразе къ многмятежному великомъ свету, у ова дошла места, за проводити овде еданъ мирни и безлюбиви животъ, мораће іой се кадъ годъ време учинити дуго и зажели ће дружество, да се разговори и забави. Нека се постарама учинити, да кадъ годъ ова зажели мое содружество; ако мени Богъ поможе, и я у овомъ благоносѣшанъ будемъ, те то нѣой пріятно постане, мало по мало преобрати ће се у обикновеніе, и у потребу срца; па за тимъ я ћу примити за совѣтъ состоянія душе нѣзине. Найпосле, ево насъ сами у свету, и ми ћемо све бити едно другомъ. Одъ взаимне повѣрености до пріятельства нѣе далеко: а одъ овога до любви у нашемъ возрасту ласно се прелази. Фонрозе у ово доба бяхе само осамнайсту годину возраста прешао. Но у овомъ истомъ возрасту три цѣла месеца съ таковомъ жаркостію о овога вида предмѣту догађати се и придомишлявати, много се коешта придоумити може. У време, кадъ се онъ овимъ умишлѣніяма съ дубокимъ вниманіемъ и съ високимъ умозрителствомъ, често бистропроницателне зѣнице очію свудъ наоколо простирући, поучаваше: онай толико похвалѣни пресладкій пояня гласъ удариму у уши. Движеніе, кое то, у нѣ-

говомъ проузрукуе срцу и души, било е у свемъ со-
умѣрено нѣговомъ крайнѣмъ желанію, и тако живо,
колико да му се то изъ ненада появило. Ево то шта
настирка тужећи пѣваше:

„Ова ладна земля! ово мило мѣсто! сва е моя радость.
„Я се плачу! утѣшавамъ, што е другомъ горко, то
е мени сладость.

Ударенія овога плачевнога стиха раздираху чув-
ствително Фонрозино срце. О Боже мой! рече онъ у
себи: каква то мора бити нѣзина жалость, која ю у
самимъ горкимъ сузама чини наодити утѣху и сладость.
О каква би сладость била, ню утѣшити! Са слађомъ
каквомъ надеждомъ едва се онъ и усуђиваше своимъ
желаніјма ласкати. Боѣи се, да е не уплаши, ако се
напрасно и неразумно преда нестрпљивости, која га
мучаше да е изъ близа види; за то у овой први путъ
задовољи се и съ тимъ, што ю е могао само чути.
Сутра данъ, изиђе са овцама и наместисе у подно-
жје едне пећине, која му е у ючерашњи данъ возот-
глашавала звукъ оногъ умилителнога гласа. Време е
садъ напоменути овде, да млади Фонрозе съ еднимъ
прекраснимъ образа и свега тѣла видомъ соединява-
ше све дарове наука, кое благородна младежъ у Ита-
ліи ниношто не пренебрегава. Онъ свираше фруломъ
како исти Везуци, одъ кога е онъ у томе лекціе при-
мао, и кои у то доба у цѣлой Европи на гласу бяхе.
Аделаида већ е била дошла на свое обично мѣсто,
но са свимъ у дубока и печална замишлѣнія погру-
жена, јоште не бяхе дала свой гласъ чути, и сви
околни одзиви пребиваху у дубокомъ молчанію. Ис-

томъ у еданъ маа прекине се ово тамно безгласіе, и све подгорске пеѣине и пештере зазвоне плачевнимъ Фонрозинимъ свираломъ. Овай непознани, іоште до сада ту нечувени звукъ возбуди у души Аделаиде едно удивлѣніе смешано са смућеніемъ. Досадашњи пастири тога предѣла, іоште нису іой се никада на тай дали чути начинъ. Недвижима и са вниманіемъ, тражи съ очима онога, кои такова сладка согласія составляютъ уме. Угледа изъ далека младо пастирче, кои просто у заклону едне пеѣине сеѣаше, подъ коіомъ стадо нѣгово пасаше; восхищена сладостію музике приближи се мало, да га болѣ чути може. Удивительна естества природо! рече ова у себи: шта ти ниси учинити кадра!

Само чувство слуха показуе овомъ пастиру сву преизрядность майсторіе! Могу ли се чистіи издавати звуци? Каква нѣжность у привіяню? какове различности у осѣненіама? Ко би садъ рекао, да вкусъ ние даръ природе? Одъ кадъ Аделаида у овой живляше пустини, ово е садъ први редъ, кадъ она свою позабравивши жалость, и неосети, како се душа нѣзина преда сладкомъ движенію. Фонрозе угледа, да се она поприближи, и подъ едну врбу седне за послушати; но не покаже се ни найманъ, да е онъ то упазіо. Дочека, нимало нечинећи се навлашъ, време нѣногъ возвращенія, и тако лепо умѣри ходъ стада свога, да іой при сашествію съ холма на разкршћу путанъ као мимогредъ на сретеніе дође. Обрати на ню еданъ, као безъ свакога мареня, намѣреня и любопитства, само прости и случайни погледъ; мимоиђе се съ нѣомъ и оде своіомъ стазомъ, аки би ни о чемъ другомъ ни-

кадъ до века не мислю, него о своимъ овчицама. Но о! преко какво красоте онай прости и немарљиви погледъ нѣговъ прође. Какавъ предивни анѣлскій видъ и створъ онога небеснога лица! кое, колико сътовниѣ, скорбниѣ и жалостниѣ бѣше, толико му силниѣ душу и срце пробѣ. Све оно што є онъ одъ родителя своѣй слушао, и што є живого огня словама у срцу своме о нѣзиномъ, струку, ходу и движеию, напечатао бѣо, све се то садъ нѣму самовидцу ствари несравнѣно красниѣ и удивителниѣ покаже, и нѣмъ завлада. О всемилостиво небо! рече онъ: како су ми є слабо родительи изобразили мои! Докле ће ова красота на земљи непознана бити? у пустинѣи сакривати се! и у маленой, сламомъ покривеной колиби обитавати! Она, коя би царскій престолъ украшавати достойна била, сиромашке овце да чува, и найпоследнѣ бѣдне робинѣице дѣло да исполнява и службу да совршава! Какво їой є оно просто одѣяніє! Но све што се нѣ дотиче, све се нѣомъ украшава и возвишава! Она подъ сламомъ и на слами да лежи! да кисне! да зебе! и да се тако мучи! О всемогући Боже, помози ми, да я нѣ изведемъ изъ ове пустинѣи!

Аделаида са свое стране чувствително зачуђена младости и красоти непознаного пастира, непрестаяше недоумевати се слепоти счастія на земљи. У какавомъ состоянїю находи се таква красота, и такви прекрасни єстества дарови: но уви! ова иста дарованїя природе, коя му се овде аки безполезна чине, била би му може бити у каквомъ већемъ станю вредовита и погибелна. Колика зла на свету не причинява. О бѣдна и прежалостна я! Ме-

ни ли іюште пристои, лепоту за штогодъ добро вмѣнявати! Сокрушителна размишлѣнія и воспоминаніе приключенія прошастого времена, навале на ню, и отрую то мало увеселенія, што е она почувствовала била. Она изобличи себе, што е таковимъ упражнѣніямъ входъ къ срцу своме отворила, и найманъ веселѣ осетила; науми и предузме себи, да се у напредакъ одъ свашта таковогъ укланя и бѣжи.

Сутра данъ Фонрозе ласно примѣти, да се Аделаида острегаваше и укланяше одъ нѣговогъ сретенія и приближенія, и падне сиромѣ у крайню печаль. О! безъ сумнѣ, рече уздишући: она се е досетила моему преухищренію и преображенію! У овомъ страху и жалости проведе цѣли данъ, лежећи негде пруженъ и немарећи више ни за стадо, ни за фрулу ни за животъ свой. Аделаида нѣе толико далеко била, да неби свирилу нѣгову чути могла, и зачудисе весма томъ молчанію. Чакъ после подне при наклону сунца пастирка почне овако пѣваюћи тужити:

„Све што мене окружава, све то самномъ тужи!

„Нити птица птици пое, нитъ се съ другомъ дружи!

„Одзивъ мени изъ горице съ плачемъ одговара,

„Зефиръ ми се межу лишћемъ на жалость претвара!

„И потоци съ ладномъ водомъ сви самномъ уздишу,

„Проливайге очи мое горки суза кишу!

Фонрозе умилѣнъ и у срцу сокрушенъ, узме свирѣль свою, и тако е согласи съ гласомъ пастирке, да неби могуће било лепше и умилителнѣе согласіе на свету чути. О небо! рече Аделаида у восторгу: то е некакво чародѣяніе; то нѣе пастиръ! то мора бити

оно што стихотворци кажу неко музике божество! Само природно чувство согласія може ли саставляти овака предивна сложенія? Јоштъ она у овимъ мислима бјаше, кадъ се истомъ чуе едно польско слаткогласіе. Аделаида садъ се совршено увѣри о онима чрезестественимъ чувствованіями, која се у древна времена стихотворенію и музики приписиваху. Смућена, и изванъ себе уграбљена, незнаяше да ли мора бѣжати, или далъ овомъ обаянію себе оставити; но будући већъ предъ вече, упазі да пастиръ почне скупляти стадо свое, и къ својој колиби посипшавати се. Онъ и незна, помисли она у себи: какова услажденія око себе просиплѣ. Нѣгова проста душа ніе за то нима-ло поноситія, нити онъ очекива одъ кога какве похвале! Таковъ е даръ музике, ова сама не требуе слушателя. Онај кои лепо пое, совршено се и самъ тимъ услађава, ако га нико неће слушати; а сва остала знаня потребују свидѣтеля. Овай небесни даръ позволѣнъ е био човеку у нѣговомъ првомъ беззлобію, и невиности. Музика е одъ свію увеселѣнія најчистѣйше и непорочнѣйше, и непристои разве невинимъ и лепимъ душама; све што е годъ дивіе и сурово, оно не пое него урлече. Ово е само увеселеніе, кога јоште моя душа на овомъ свету може соучастница бити. Исто жалостно и плачевно поянѣ има у себи неко услађење. Я ћу одъ садъ сматрати на овога пастира, као на некій нови одзивъ, кои ће ми се на мое прискорбне и болѣзнене одзивати гласове.

Слѣдуюћи данъ Фонрозе учини се са свое стране, аки би се укланяо и избѣгавао одъ Аделаиде; она сожали; счастіе, помисли у себи, учинило ми се

било, као да ми е хотело ово слабо утѣшеніе причинити; я самъ се томе весма ласно предала; а оно за наказати ме, садъ ме тога опетъ лишава. Ёдно ютро излазећи обое са овцама намѣре се при распутію, гди су се први редъ суерели били. Пастиру! проговори Аделаида, мислишъ ли далеко стадо твоє на пашу водити. Ове прве давно пожелѣне речи, съ таковимъ чувствованіемъ обузму Фонрозино срце, да е онъ мислю безгласанъ остати. Не знамъ, одговори онъ, ед-ва изговараюћи; я не водимъ мое стадо, но оно води мене; нѣму су ова места болъ позната, и я му оставлямъ на волю, да само себи избира пашу. А одакле си ти? запита га пастирка: я самъ изъ преко Алпійски гора одговори Фонрозе.

Ад. Ёси ли рођенъ одъ пастира родителя?

Фонр. Кадъ самъ пастиръ, како што ме видишъ, валяда самъ за то и рођенъ. Аделаида (гледаюћи га са вниманіемъ): О томе я сумнямъ! твоя способности, говоренъ, и видъ исти, показую ми да е тебе счастіе у некомъ другомъ станю поставило било. Фонр. ти си одвећ добра, што тако о мени мислишъ! али пристои ли теби вѣровати, да е природа пастире изъ свега што е добро, изключила? Ти се мени чинишъ, да си рођена да царствуешъ, и ништа манъ пастирка си као и я! Аделаида зарумени при овимъ речма; и променивши разговоръ: некій данъ, рече му, ти си содружіо мое поянъ съ таковымъ майсторіомъ, што би чудо било, у єдномъ простомъ овчару. Фонр. И твой е гласъ чудо у єдной овчарици. Ад. Ниси ли се томе учію? Фонр. Я немамъ, како и ви, у томе другога наставлѣнія, него чувство срца и слуха. Ти

си пояла, я самъ био умилѣнъ, што е мое срце чувствовало, то е моя свирѣль издавала, я самъ дисао у ню душомъ мојомъ; ево сва моя тайна; ништа на свету не може лакше бити. То нѣ могуће вѣровати! рече Аделаида. Тако самъ и я о вама мислю, кадъ самъ васъ чуо, одговори Фонр. али самъ морао моимъ ушима вѣровати. Бгство е безпристрастно, и другда, съ богато даровитѣмъ десницомъ найнижемъ состоянію даде оно, што всевисочайшему одрече; чрезъ то показуюћи, да одъ нѣга произходи право благородство. Међу оваковимъ собесѣдованіями понапредую они къ сномъ долине мѣсту, гди се пастирка свагда задржаваше. Фонрозе овимъ разговоромъ као некомъ небеснимъ благонадеждіа зракомъ одушевљѣнъ, почне у свирѣли својой такова издавати ударенія, коя на радость возбуждаю. Ахъ, молимъ те! рече му Аделаида: заштеди одъ душе мое воображенія таковога досадителнога чувствованія, кое она више нѣ у станію окушати. Ово уединѣно мѣсто самой е жалости посвећено. Ови околни одзиви нису обикнути на радостне светскога веселя гласе одзивати се, овде све мора самномъ тужити и ридати! И я се бѣдни имамъ на што тужити! одговори Фонрозе съ дубокимъ вздоханіемъ; и за тимъ постое обое у дубокомъ молчанію. Имашъ се и ти на што тужити? на кога; на люде или на счастіе? запита пастирка. Я незнамъ, одговори Фонр. само то знамъ, да самъ бѣдни човекъ и несрећанъ подъ небомъ! Далъ ме не питай! нико нѣ тако кадаръ сострадати како онай, кои е страдао. Послушай ме! рече Аделаида съ милошћу и са сожалѣніемъ; ако си злопслучанъ као и я (знамъ да ви-

ше ніє могуће!), може бити да насъ є всеблагій промисалъ овде саставіо, да едно другомъ на утѣху послужимо. Моя мени жалость и туга лежи на срцу као синьи каменъ, и да се сваки данъ плачући необлакшамъ, чини ми се да неби данъ преживила. Ко си годъ ти, будући (како кажешъ) да си злополучанъ, умећешъ о злополучнима сожалѣніе имати; и я те за те мое повѣрености достойна вменявамъ. Али оѣу да ми се обећашъ, да ће повѣренность взаимна међу нама бити. О тежко мени найнесрећніему човеку на земљи! одговори пастиръ: моя є бѣда по тому већа и гора, што може бити неѣу се усудити ни изказати ю! Ова тайность вещи приусугуби любопитство Аделаидино: сутра: рече му она: доѣи онде подъ онай велики гранати и многолистовити растъ, гди си ме први редъ чуо плакати: ту ѣу ти я сиріобштити такова моя приключнія, коя ће возбудити твое о мени соболѣзнованіе. Фонрозе проведе ту ноћъ у едномъ смртномъ волнованію. Сва нѣгова судбина зависаше одъ тога, шта ће онъ сутра чути: хиляда страовити мисли ударе и нападну на нѣга една за другомъ. Онъ се найвише плашаше и грозаше, да не чує да она люби кога: ако она люби и ако мисли остати при той любви, я самъ пропао, за мене већъ нема надежде живота.

Онъ урани и доѣе онде пре, стигне и Аделаида. Данъ баше покривенъ съ облачиномъ. Сва натура у црно обучена предвозвѣщтаваше скорбъ и жалость нѣйовогъ разговора. Аделаида почне на овай начинъ. Ти видишъ ово каменъ већъ съ травомъ обрасло, ово є гробъ любведостойнѣйшега и найдобродѣтелнѣга на

свѣту човека, коега су моя любовь и мое неразуміе живота лишили. Я самъ Французскиня, одъ єдне благородне и на мою несрећу богате фамиліе. Графъ одъ Орестана зачне къ мени нѣжнѣйшу любовь, я му се покажемъ чувствителна, но и преко мѣре. Мои родители сопротивесе нашемъ склоненію; а моя неразумна страсть любви приволи мене на єдно, душама добродѣтельнымъ свештено, но законима мѣста забранѣно сочетаніе. Италія бѣше у то време позориште воеваня и крвопролитія. Мой супругъ пође стигнути полкъ, коимъ заповедаше; я га допратимъ до Бріансона; ту съ презѣлномъ и съ безумномъ милошћу любви мое задржимъ га преко нѣгове волѣ два дана; овай млади човекъ пунъ честолюбія и славожеланія, продужи ово време силомъ за чрезмѣрну къ мени любовь. Я то запросимъ одъ нѣга, и онъ се даде съ моимъ сузама побѣдити. Мени за любовь пренебреже свою дужность: о я! достойна свакога злополучія на земљи! коя нисамъ била кадра обуздати страсть мою! Най-после одтргне се изъ наруча мой, и пође съ таковимъ предчувствованіемъ, кое ме ужасне и загрози. До ове долине дођемъ съ нѣмъ, и подъ овимъ се разстанемо растомъ. Я се повратимъ у Бріансонъ, за чекати ту одъ нѣга новине. Мало за тимъ дође гласъ, да є єдно велико сраженіе било. Почнемъ сумняти, да є ту Орестанъ мой доспети могао. То я желяхъ за честь и славу нѣгову, и бояхсе у исто време тога за любовь къ нѣму. Примимъ писмо одъ нѣга, кое помислимъ, да ће ме утѣшити и развеселити: „У тай дань и часъ я ѣу бити у долини и подъ растомъ, гди смо се растали. Самъ ѣу се ту наћи, и ти сама дођи; заклинѣмъ

те! да ме ту сама дочекашъ! Я не живимъ іюште
разве тебе ради!“ Какво е било мое заблуженіе!
Я неупазимъ у овомъ писму ништа друго, кромъ
нестрипливостъ любви нѣгове и обрадуемсе. До-
ђемъ я, стигне и Орестанъ мой. Кадъ ме съ не-
изказаномъ милошћу загрли и полюби: „Ти си хо-
„тела, рече ми съ любкимъ своимъ гласомъ, предра-
„га Аделаида моя! я самъ изостао, и закаснио самъ у
„мое опредѣлено место доћи, пренебрегао самъ дуж-
„ность мою у найважнѣе време живота. Оно исто, одъ
„шта самъ се я бояо, случилосе. Битка е била, мой е
„полкъ ударіо, показао е чудеса мужества и храбро-
„сти! а мене ту ніе било! Я самъ за непоштена осу-
„ђенъ, и изгублѣнъ са свимъ! Я теби дражайша моя,
„не приписуемъ мою несрећу, нити те за то облича-
„вамъ, нити укоравамъ, нити на тебе жалимъ; него
„ти имамъ іюште съ єднимъ жертвовати, и мое е срце
„ову жертву испунило. При овимъ речма я сва за-
„дркћемъ, паднемъ супругу моему у наручя, едва ди-
„шемъ, колена моя изнемогу, кровь се у мени смрзне,
„и онесвестимсе. Онъ се ползуе овомъ моіомъ несве-
„стицомъ; удареніе пиштоля, съ коимъ се онъ убіе,
„мене пробуди. Состояніе, у коєму се я нађемъ при
„овакомъ бѣдномъ приключенію, ніе за описаніе; плачь
„и риданіе, у коєму ме видишъ, то е само слаба сѣнь
„оне горке жалости; проведемъ тай данъ и слѣдуюћу
„ноћ утрнута и окаменѣна при тѣлу нѣговомъ кр-
„вавомъ. Сутра у ютру у последнѣмъ очаянію, немо-
„гахъ ни плакати, и сузе ми се заледиле бяху; на-
„мимъ овде съ нѣмъ заєдно и срамоту мою погреб-
„сти и закопати; ово е часъ смрти за мене био! а

„последњи, кои ће ми доћи, я га съ радосћу ожида-
„вамъ, нити ће ми разлученіе душе одъ тѣла тако
„страшно бити. Два цѣла дана проведемъ ништа не-
„окушаюћи, и овай гробъ копаюћи; а кадъ би сасвимъ
„изнемогла, одпочинула би на леденима прсима Оре-
„стана моего. Найпосле отдамъ му дужность погребен-
„ія; и мое сердце му се завешта, да ће овде при гро-
„бу нѣговомъ ожидавати и дочекати последњи часъ
„нашего соединенія. Међу тимъ жестока гладъ дође
„мучити разслаблѣну и изсушену утробу мою. Со-
„вѣсть моя недопусти ми да одречемъ естеству под-
„поръ живота, кои ми є жалостній него што ће ми
„смерть бити. Претворимъ одѣло мое у просто пастир-
„ско, и предамъ се овомъ состоянію, као моемъ по-
„следнѣмъ спасителномъ прибѣжишту. Одъ тога вре-
„мена едина є моя на свету утѣха, сваки данъ овде
„долазити, и на овомъ гробу, кои ће и мой бити, пла-
„чући и тужећи облакшаватисе. Сада ти видишь, па-
„стиру! съ коликомъ повѣреностію я самъ теби мое
„серце отворила, и шта є у нѣму, показала. Одъ садъ
„ћу и предъ тобомъ слободніе плакати. Ти си самъ,
„коме самъ я узрокъ жалости мое сприобштила. И ово
„ми є єдино облакшанѣ, кое самъ потребовала. Ми-
„слимъ, после овога што си чуо, да ћу имати неко
„право, подобной повѣренности одъ тебе надатисе. Не
„мисли да си се предамномъ затаяю! Я видимъ чисто,
„да состояніе пастирско теби є странно, туђе, и новіе
„него мени. Ти си младъ и чувствителанъ, и ако се
„я у моимъ придоумѣніяма не варамъ, наша злопо-
„лучія изъ единакогъ происходе извора. Ти си као и я
„любю, и у любви си несрећанъ постао. У овой

„взаимной повѣренности ми ћемо другъ другу соболѣзнователни бити. Я на тебе сматрамъ као на едногъ брата, коега, къ мени умилоствљѣно небо, изволило ми е у овой самоѣи на утѣху и на разговоръ послати. Сматрай и ти на мене, као на одну сестру, којако и не буде кадра спомагателне давати ти совѣте, по крайньої мѣри, знамъ да ће ти за прикладъ служити, да лакше твою жалость сносити узможешъ.“

Ви мое срце скрозъ пробјате, рече јой Фонрозе, обременѣнъ онимъ што е чуо; и колико годъ ви чувствителства у мени предполагете, јоште сте весма далеко, да би себи представити могли начертаніе, кое сте съ разказаніемъ вашаго злополучія у моему причинили срцу. О бѣдни я! и толико више бѣдни на свету! што вамъ немогу съ равномъ повѣреностію, коју ви мени засведочавате, и кое сте ви тако достойна, одговорити! я самъ то предвидио био. Узрокъ злополучія моего и муке мое таковога е начина, да едно вѣчито молчаніе мора га у срцу моему затворена содржавати. Ви сте весма злополучна! придода онъ уздишући: али самъ я далеко злополучнии; то е све што ми е могуће казати вамъ; но живимъ те заклинѣмъ Богомъ! и тимъ надъ коимъ толико плачешъ, гробомъ! немой се моимъ озлобити молчаніемъ! Мени е то ужасно, али видимъ, да самъ на то осуђенъ. Содружникъ и непрестанны слѣдователь свію ваши стопа, я ћу облакшавати труде ваше, и бићу соучастникъ жалости ваше, гледаћу на томъ плакати гробу, и прилагаћу сузе мое къ вашимъ. Ви нећете се разкаяти, да сте заложили причину жалости ваше у едно

срце, уви! и преко мере чувствително. — Я самъ се већъ и раскаяла, одговори Аделаида оскорбљена; и тако се растану тай данъ, више ништа не говорећи. Аделаида примѣти на лицу Фонрозе неко начертаніе очаятелне скорби и болѣзни. О шта самъ я учинила! рече она у себи по разстанку: я самъ само повредила ране нѣгове и возобновила у нѣму жалость! Шта то може бити, кадъ е онъ и одъ мене злосчастливѣи? То е ужасно!

По овомъ дану нити ту више разговора међу њима нити свирѣли. Они нитъ се већъ тражаху, нити се одъ себе укланяху. Само гдѣкои прискорбни и соболѣзнователни погледъ бѣше савъ њиовъ разговоръ. Фонрозе како би ю упазіо, да она на гробу любимого свога плаче, покріоби лице свое и плакао би горко.

Два месеца проведу они у оваковомъ бѣдномъ состоянію. Аделаида види и позна, да младость Фонрозина увеняваше данъ по данъ као еданъ цвѣтъ, кадъ се сасвимъ разцвѣта. Печаль, коя нѣга очевидно сушаше, толико већма нѣзино милостиво и благо срце сокрушаваше, колико она незнаяше ни што му е ни како му е. Она неби никада ни на сну снила, да е она томе причина. Две страсти кадъ дођу у едно срце, ако и неможе една другу са свимъ надвладати, доста да се оне међу собомъ разслабляваю. Аделаида имаюћи свагда предъ очима овога бѣднаго младића, колико више о нѣму сожаловаше и соболѣзноваше, толико се она прва нѣзина люта жалость за прѣдрагимъ своимъ Орестаномъ, природно, помекшаваше

и поослабляваше. Сама природна добримъ и благимъ
срцама доброта ню къ овомъ соболъзнованію подви-
жаваше; зато она не видеѣи у томъ ништа друго не-
го дужность човечества, нити е помислити могла, да
то може бити што зло, и да се она мора одъ тога
острегавати. Крайнѣ изнеможеніе и разслаблѣніе Фон-
розе дотле доѣе и доспе, да Аделаида безъ велике
тврдоѣе и немилости срца и душе неби га веѣъ више
могла гледати, да тако чезне и гине, а да се не по-
стара, би ли му се како помоѣи могло. Ти гинешъ
младићу! рече му она съ премилостивомъ добротомъ;
и прилажешъ къ жалости моѣой жалость, да те тако
видимъ гди се сушишъ и мучишъ, а незнамъ како
би ти се помоѣи могло! Ако повѣсть мога неразумія
и злополучія ніе мене у презрѣніе кодъ тебе поста-
вила! ако ти е найсрдечніе пріятельство драго, най-
после да ти и ово речемъ, ако ниси радъ да ме не-
среѣніомъ и жалостніомъ учинишъ, него што самъ би-
ла пре него самъ те познала, вовѣри мени узрокъ не-
вољ и скорби твое! Та видишъ, да овде немашъ ни-
кога на свету, ко би те утѣшио и разговоріо! Нека
би твоя тайна била веѣа него моя, небойсе спріоб-
штити ми ю. Смртъ супруга мога положила е велику
бездну међу мною и светомъ, и повѣреность, кою я
одъ тебе изискуемъ, бити ѣе скоро у ономъ погребе-
на гробу, къ коему ѣе мене жалость моя у кратко
довести време! — Я ѣу пре одъ тебе у гробъ поѣи!
одговори Фонрозе савъ обливенъ сузама. Остави ме!
остави, да свршимъ мой плачевни животъ! На што ѣе
ти по скончанію живота мога служити, да сама на
себе жалишъ, да си му теченіе прекратила и преки-

нула? О свемилостиви Боже! вошје она ужаснута; шта
я то чуемъ? Я узрокъ твога страданія и погибели?
Како? гди си ме икада видио и познавао? казуй! ти
ме убияшъ! и одъ кадъ самъ те познала, шта самъ
я учинила? шта самъ рекла? О праведни судіе Боже!
зато ли самъ се на светъ родила, да погибель и не-
срећу причинявамъ. Говори, заклинѣмъ те Богомъ?
ко си? одъ куда си? и како ме знашъ? Већъ си до-
ста рекао, да остало одъ мене сакрити не можешъ!
— — — Е добро! кадъ оћешъ, ево ћу ти казати. Я
самъ Фонрозе: єдини синъ они путника, кое сте ви у
то и то време причекали у вашој колиби; све што
су они говорили о вашој добродѣтели и красоти, во-
спалило є у мени непреодолиму желю, да васъ до-
ђемъ у оваковомъ преображенію видети. Я самъ оста-
вио родителъ мое, кои ме любе као зѣницу очію свои,
у свеконечномъ сокрушенію. Я знамъ, да они зам-
номъ плачу као за мртвимъ. Я самъ васъ видио, и
већъ знамъ, шта васъ къ овомъ мѣсту прилѣплѣну
држи. И знамъ и то, да мени сама и єдина надежда
на свету остає, да предъ твоима очима у овой пу-
стиньи умремъ, тебе єдину после Бога обожавајући.
Смилуйсе! нити ми бесполезно совѣте даи, нити ме
сѣ жестокомъ укоравай! Мое є намѣреніе тако креп-
ко, како є и твое непоколебимо. Ако ти ову мою тай-
ну издашъ, ти сѣ тимъ ништа друго нећешъ учини-
ти, него ћешъ само преогорчити последнѣ часе живо-
та мога, кои ће ми се скоро угасити, и после смрти
обличаваће те добра и блага твоя совѣсть, што си
ми учинила єдну таку неправду и обиду, какву я те-
би никада за иляду живота учинио неби. Ево ти садъ

тайна моя. Садъ видишъ, есамъ ли ти е могао каза-
ти! и нисамъ ли безъ свакога сравнѣнія бѣдни и не-
среѣни одъ тебе. Ти любишъ онога, кои већъ ние
на свету! а я! о люте жалости мое! я любимъ тебе!
коя си на свету, алъ ниси за мене!

Аделаида позна савршено, какво е ово дѣло
важности; усили срце свое, и не покаже нимало сму-
щенія Фонрози. Употреби велико оштроуміе и прилѣ-
жаніе за утишати очаяніе, у кому овай бѣдни мла-
дићъ погруженъ баше. Покажимо, рече она у себи,
онимъ добримъ родителѣмъ ову службу, и сохранимо
нѣгово едино чадо, последню нѣгову надежду у жи-
воту! Сама небесна промисалъ дае ми овай начинъ,
да я онимъ добримъ людма мою покажемъ благодар-
ность. Тако дакле, благоразумна и милосрдна жена,
знаюћи да у овакой критической прилици, свако уко-
реніе и безмѣстно увѣштаванъ, далеко што би дубо-
ко ударену рану привило и ублажило, іоште би е мно-
го горе раздражило и позледило; узме у помоћъ све
то што најлюбчіе и срдечнѣйше сожаленіе, и све што
сладко пріятельство утѣшителнѣйшегъ у себи имати
могу, за ублажити га и утишати.

Анѣле небесни благій и милосрдни! вопіе Фон-
розе: я видимъ, какво е и колико твое тротивобореніе,
едногъ човека тебе ради у невољи и у страданю гле-
дати! Твое е срце ономъ посвећено, што у гробу ле-
жи: видимъ, да те одъ нѣга ништа отргнути не мо-
же: видимъ и познаемъ, колико е твоя добродѣтель
остроумна, за сакрити одъ мене злосчастіе мое: све
то я у цѣлой пространости и тегоћи чувствуемъ, и те-

би у свему право даемъ. Твоя е дружность мене никада не любити, а моя е жестока судьбина, одъ превѣлне къ теби любви умрети, и подъ тима твоима милимъ очима изданути и скончати се. Аделаида у нестриѣливости намѣреніе свое у дѣйствіе произвести, како дође у свою колибу: Отаць мой! рече къ старцу домаѣину: осеѣате ли ви у себи толико снаге да можете до Турина доћи? Велику потребу имамъ одъ кога поузданога, да пошлѣмъ господину и госпоѣи Фонрозе таково неко извѣстіе, што се живота нѣюватиче. Желя, мило дете мое! да послужимъ како нѣима тако и теби, дати ће мени довольно къ тому снаге и крепости, кадъ би Туринъ іоштъ далъ био! Поѣдите дакле съ Богомъ, и поспешите колико можете: ви ѣете іѣ наѣи у одѣянію жалости, гди іоште плачу и цвеле за синомъ своимъ єдинимъ: кажите имъ, да онъ у овой долини живи, и да имъ га нико неможе дати него я; али е крайня и неотложна нужда, да они исти дођу да га одъ мене узму; и нека поите и ускорє колико више могу, зашто е у невољи.

Поѣе стараць. Ево га у Турину. Прикаже се за старогъ пастира изъ оне Савойске долине: ахъ! вопіе госпоѣа Фонрозе, да се нѣе каква несреѣа оной нашої предрагой пастирки случила! Дайте га овамо, неби ли Богъ дао, да ми се донесе гласъ, да се е она къ мени приволила доћи! Садъ би ми одъ найвеѣе потребе била: я би е узела за кѣрь на место сина мога! Уѣе стараць, поклони се! господа га лєно при-ме, но сузе лѣюѣи: єли наша мила пастирка здрава? оба заєдно запитаю. Она е фала Богу здрава; али я

видимъ, да ви плачете за синомъ вашимъ, утѣшитѣ се онъ е у животу, у нашої долини; самъ га Богъ зна, шта е ту дошао тражити! Моя га е предрага кћи негде нашла, и послала ме е, да вамъ овај донесемъ гласъ. Јоште онъ ово говораше, а госпођа Фонрозе, живъ е мой синъ! изрекне: пакъ одъ презѣлне и нечаяне радости падне у несвестъ. Помогну јој, поврати се къ себи. Савъ дворъ зазвони веселимъ гласомъ: живъ е нашъ млади господинъ! Онда госпођа Фонрозе узме старога руке, стисне ѿ ѿ съ милошћу у свое, говорећи: о прерадостни благовѣстителю! ти си намъ съ неба дошао! ти си намъ нови животъ донео! Како ћемо ми таково неописано благодѣяніе припознати!

Све е за часъ готово за путъ. Узму къ себи у колеса старога благовѣстителѣ и пођу. Ту се данъ и ноћ путуе, докъ већ стигну у пожелѣну долину, гди ѿ ѿ нѣово само и едино ожидаваше благо. Пастирка бјаше за овцама. Старица домаћица одведе ѿ къ нѣой. Како е садъ родителѣмъ било! кадъ угледаю подъ онимъ растомъ пастирку гди седи и нѣшто плете, а сина свога предрагога у простомъ пастирскомъ одѣянјю, гди кодъ нѣ разслабѣнъ и бледъ лежи. Срца милостива родителѣска пре га познаду, него очи! А! сурови и немилосрдни сине мой! едино чадо срца мога! војіе мати падши му на прси и загрливши га: како си насъ могао такой жалости предати? Како си се ти могао одтргнути одъ срца нашега, и одъ наше милошће украсти? Шта тражишъ! шта чинишъ овде? Обожавамъ ову! одговори онъ съ разслабѣнимъ гла-

сомъ: коіомъ сте ви исти мое срце разжегли, и душу распалили мою! Међутимъ докъ млади Фонрозе грляше и любляше колена родителя свого, простите госпођо! рече Аделаида къ госпођи Фонрозе: да самъ коіомъ срећомъ пре сазнала кое онъ, ви би пре утѣшени били! По првомъ устремителномъ движенію естества къ сладкой родительской любви, млади Фонрозе опетъ падне у дубоко замишлѣніе и меланхолію. Айдемо! рече Маркезъ: айдемо сви одпочинути у колиби, и заборавимо сву тугу, кою намъ е овай безумни приузроковао младићъ. Я есамъ безуманъ! одговори млади Фонрозе къ родителю своме, кои га за руку вођаше, зашто безъ крайнѣга изумлѣнія неби я могао любовь и милошћу родителя мои тако увредити, и свештенѣйше синовске дужности заборавити. Али сте ви сами и немислећи о томъ, ово мое безуміе причинили. И я самъ сироме за то жестоко наказанъ: я любимъ безъ сваке надежде najlepшу и найдобродѣтелнію на свету! Ви іоште нитѣ сте видли нити доста познали ову чудну жену! Ово е сама честность! само чувствителство! сама свештенна добродѣтель подъ видомъ жене! Я ню любимъ до ідолослуженія! Я еданъ данъ живити немогу, ако е не видимъ! Я знамъ, да она моя бити неможе! — Ёли ти она во вѣрила, запита отацъ, тайну рођенія и фамиліе свое? — Я већъ доста знамъ, одговори синъ: за увѣрити васъ, да е нѣзина фамилія подобна нашої. Она се е одрекла велике славе и богатста, и закопала е себе живу у ову пустыню. — А знашъ ли зашто? Знамъ, родителю мой! али ово е една тайна, кою сама она, ако оће може вамъ одкрити, а я немогу. — Ёли она

удата? — Она е удовица! али нѣзино срце нїе чрезъ то нимало слободнїе. Нѣзини су окови чрезъ то юште ячи и нерѣшимїи — Кѣри моя! рече Маркезъ къ Аделаиди, кадъ убу у колибу: Ви видите да сте ви свима, кои се Фонрозе зову, закренули мозакъ! Чрезвычайна страсть овога младога човека неможе бити извинѣна и оправдана, развѣ єднимъ дивнимъ и чудеснимъ предмѣтомъ, како што сте ви! Велика же-ля супруге мое состояла се е у тому, да васъ може имати за другарицу и прїятельицу. Ово єдино дете наше неће да живи, ако васъ неуможе имати за супругу свою. Я нимало манѣ не желимъ васъ имати за мою предрагу кѣрь. Ви садъ видите, колико ћете несрећни учинити, и пре времена у гробъ свести, ако намъ ово одречете! Ахъ господине мой! одговори Аделаида: Ви съ вашомъ добротоу сокрушавате срце мое! али послушайте ме найпре, и судите сами! Тада у присутствїю старца и старице домаћина разкаже све свое вишеназначено плачевно приключенїе. Приложи къ тому и име фамиліе свое, коя господину Фонрозе добро позната беше. Сврши повѣсть сву узи-маюћи све нѣи за судїе, може ли се она одрећи Оре-стана свога. При овимъ речма разоренїе се проспе по лицама свою слишателя. Млади Фонрозе уклони се у єданъ угалъ колибе, за дати слободно теченїе сузама и риданїю, кое хоћаше да га задави. Отацъ нѣговъ и старацъ домаћинъ притеку му на помоћъ. Госпођа Фонрозе држећи у обятїама своимъ плачевну Аделаиду, и обливаюћи ю сузама, моляше, да їй не остави да опетъ по други путъ плачу за синомъ своимъ. Старица кодъ колибе на колени предъ Аделаидомъ то исто

просаше. Доста већ тога! рече Аделаида подигнувши се. Богъ ми е свидѣтель, да би я животъ мой положила за припознати толику любовь и доброту. Не могу васъ више тако гледати! То превозходи силу човечества! но оћу да пре млади Фонрозе буде судія мой. Дозволите намъ мало на само изићи и проговорити. По томъ излѣзши съ нѣмъ на само, рече му: послушай ме Фонрозе! Ви знате, какови свештенни окови мое срце у овомъ мѣсту оковано држе! Кадъ би я икада престала любити и оплакивати еднога супруга, кои ме е преко мѣре любію, я би била найхуђа и иайпрезрителнѣя на свету жена! Почитаніе, прѣтельство, и припознанство, ово су чувствованія, коима се я къ вами за дужну и обвезану исповедамъ; али е све ово далеко одъ любви; а колико сте ви већу и силнѣю къ мени зачали любовь, равно толику, имате право одъ мене изискивати и изстязавати; а то съ мое стране видите да нѣ могуће; мећутимъ, видимъ васъ у таковомъ состоянію, коимъ би се и манѣ чувствително срце него ли е мое, сокрушити морало. Ужасно ми е и помислити, да самъ я томе узрокъ! а јоште би ми ужаснѣе било чути ваше родителъ, да на мене за погибель сина свога жале и туже, као да би васъ я убила и упропастила. Зато я ћу себе садъ за мало заборавити, и самому вами на произволеніе и на избраніе ове две ствари оставити: или да себе побѣдите, да узмете у мени одну жену, кое е срце съ другимъ напуниѣно предмѣтомъ, и кое къ вами ништа кромѣ прѣтельства може имати; слабо чувствованіе за еднога любителя, као што сте ви! — То е мени доста! одговори Фонрозе: прѣтельство

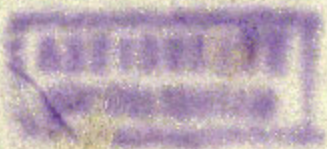
и доброта такове душе као што є ваша, то є много-
цѣннѣ него друге найвећа любовь. Я се нећу моћи уз-
држати да не завидимъ, кадъ васъ будемъ видіо пла-
кати за другимъ; али исти узрокъ ове мое зависти
показуюћи васъ моима очима предобру и пречестну,
чиниће васъ свагда моему срцу любведостойнѣю, ми-
лію и дражу.

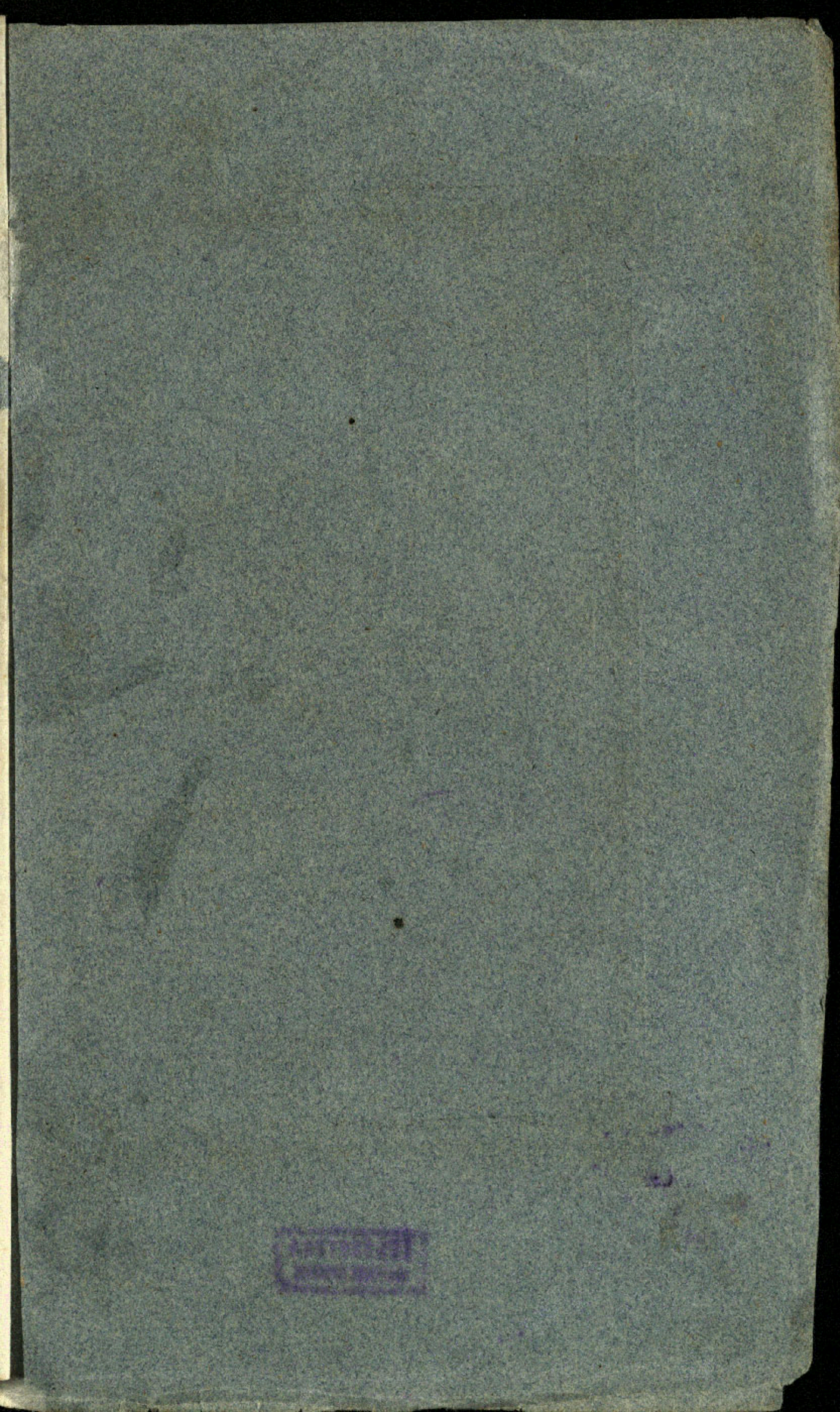
Она є већь моя! рече онъ съ радосћу, идући и
ню водећи къ своимъ родителѣмъ. Я самъ вашой ро-
дительской доброти и нѣзиной къ вами любви за ово
мое велико благополучіе обвезанъ. Ево сте ме по дру-
ги путь на светъ произвели, и животъ ми дали! Одъ
обятія свію састависе такови ланацъ, одъ коєга пре-
красна Аделаида нѣ се ласно размрсити могла. Сожа-
лѣнѣю и припознанству даде се она побѣдити, и зато
є већега достойна високопочитанія. Пре него пође,
отиде на гробъ Орестана свога предрагога, ту се на-
плаче, и безчисленократно любећи и сузама они гробъ
орошаваюћи: простите! о простите ви мени! о ви ми-
ле кости Орестана моего любимого! О ти пресладка
душо Орестана моего! Читай само ово што у моемъ
срцу написано стои, пакъ се нећешъ срдити на мене!
Бдва є одтргну и однесу одавде; метну є на колеса,
и пођу дома у Туринъ. Мало за тимъ пошлю и пре-
месте къ себи старца и старицу, и даду имъ лепо и
спокойно живлѣнѣ. Аделаида даде воздвигнути столпъ
воспоминанія на гробу Орестанову. А колибу, у којој
є она служила, претворе у едно просто, по самоћи
места, но лепо польско зданіе; овде би долазила сва-
кога лета, за посѣтити гробъ Орестана своего, излю-

бити га, навлакатисе на нѣму, и опоменутисе много-страдателнога прошастога времена.

Време, постоянна и непрестана любовъ и високопочитаніе младаго Фонрозе къ своіой преизрядной супруги, а сврхъ свега благополучни породъ прекрасне дечице, отворе милостиво и благо Аделаидино срце къ начертаніяма и воспріятіяма нове, къ достойнѣйшему своему второму супругу Фонрози, любви и ми-лошѣ. А она ни мало незабравляюћи Орестана сво-га, любила е по томъ и Фонрозу тако, да е онъ се-бе за блажена на свету човека у супруге свое вме-нявао любви. Достойно дакле и праведно, ове исто-ріе херойка илити витежкиня Аделаида, при истой своіой къ Орестану невѣрности, заслужуе међу най-славніима на свету женама мѣсто, високопочитаніе и вѣчно воспоминаніе.

(Конацъ.)

P 19 Ср II 864/6.2

Нар. Књигопечашња Дан. Медаковића.